

СМЕНА

№3 ФЕВРАЛЬ 1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

**В КРАЮ
«КАЛЕВАЛЫ»**

**СЕГОДНЯ РЕКОРД,
ЗАВТРА — НОРМА!**

ЗДЕСЬ РАБОТАЕТ
**КОМСОМОЛЬСКО-МОЛОДЕЖНАЯ БРИГАДА
ТОКАРЕЙ-КАРУСЕЛЬЩИКОВ**
/БРИГАДИР НИКОЛАЙ ЛЕБЕДЕВ/

Содержание
ВНИМАНИЕ! ПОЖАР-ОПАСНОСТЬ!
ВНИМАНИЕ! ПОЖАР-ОПАСНОСТЬ!
ВНИМАНИЕ! ПОЖАР-ОПАСНОСТЬ!
ВНИМАНИЕ! ПОЖАР-ОПАСНОСТЬ!
ВНИМАНИЕ! ПОЖАР-ОПАСНОСТЬ!

БЕРЕМ РАБОТУ

ГЛАВНЫЙ ПРОЛЕТ.

Владимир ФРАНЮК, Владимир ЧЕЙШВИЛИ (фото), специальные корреспонденты «Смены»

На хребет прозрачный моря, на равнины вод открытых начал дуть свирепый ветер...» Есть в карело-финском эпосе «Калевала» такие слова об Онеге — огромном северном озере. От него воздух будто полнится сыростью. Стынут в туманах необозримые леса. Кипят каменными порогами всегда полноводные реки. Мокро поблескивают разбросанные на карельской земле гранитные глыбы...

Пятнадцать лет назад глыбину гранита привезли на окраину Петроза-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО - ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

**№ 3 [1145]
ФЕВРАЛЬ
1975**

Наша обложка: оператор петрозаводского объединения «Тяжбуммаш» Любовь КИРИЛЛОВА. Фото Владимира ЧЕЙШВИЛИ

12

Александр БАБКИН, секретарь комитета ВЛКСМ Владимирского тракторного завода имени Жданова: **ЗА СЕБЯ, ЗА ВСЕХ.**

16

ПОХВАЛА СНЕЖНЫМ ПИЛОТАМ. Рассказ о прыгунах с трамплина.

20

КОНЕЦ «ЧЕРНОГО КНЯЗЯ». Итальянские впечатления.

21

СИЛУЭТЫ: ЕВГЕНИИ АБРАМОВИЧ БАРАТЫНСКИЙ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

- АНТОЛОГИЯ ПОБЕДЫ**
- МАРШРУТЫ БЕССМЕРТИЯ: БРЕСТ**
- ДЕНЬ КАПИТАНА ЛЕДНЕВА**
- П. АНДРЕЕВ. ПОВЕСТЬ О МОЕМ ДРУГЕ**

Главный редактор **А. Д. ГОЛУБЕВ**

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абашин, А. П. Кулешов, А. А. Лиханов (ответственный секретарь), В. В. Луцкий (заместитель главного редактора), В. Г. Пободоносцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рябчиков, Г. В. Семенов, А. П. Середа, С. С. Смирнов, А. Б. Стуков (главный художник), Д. Н. Филиппов

Художник **О. С. Тослер**

Технический редактор **Л. И. Курлыкова**

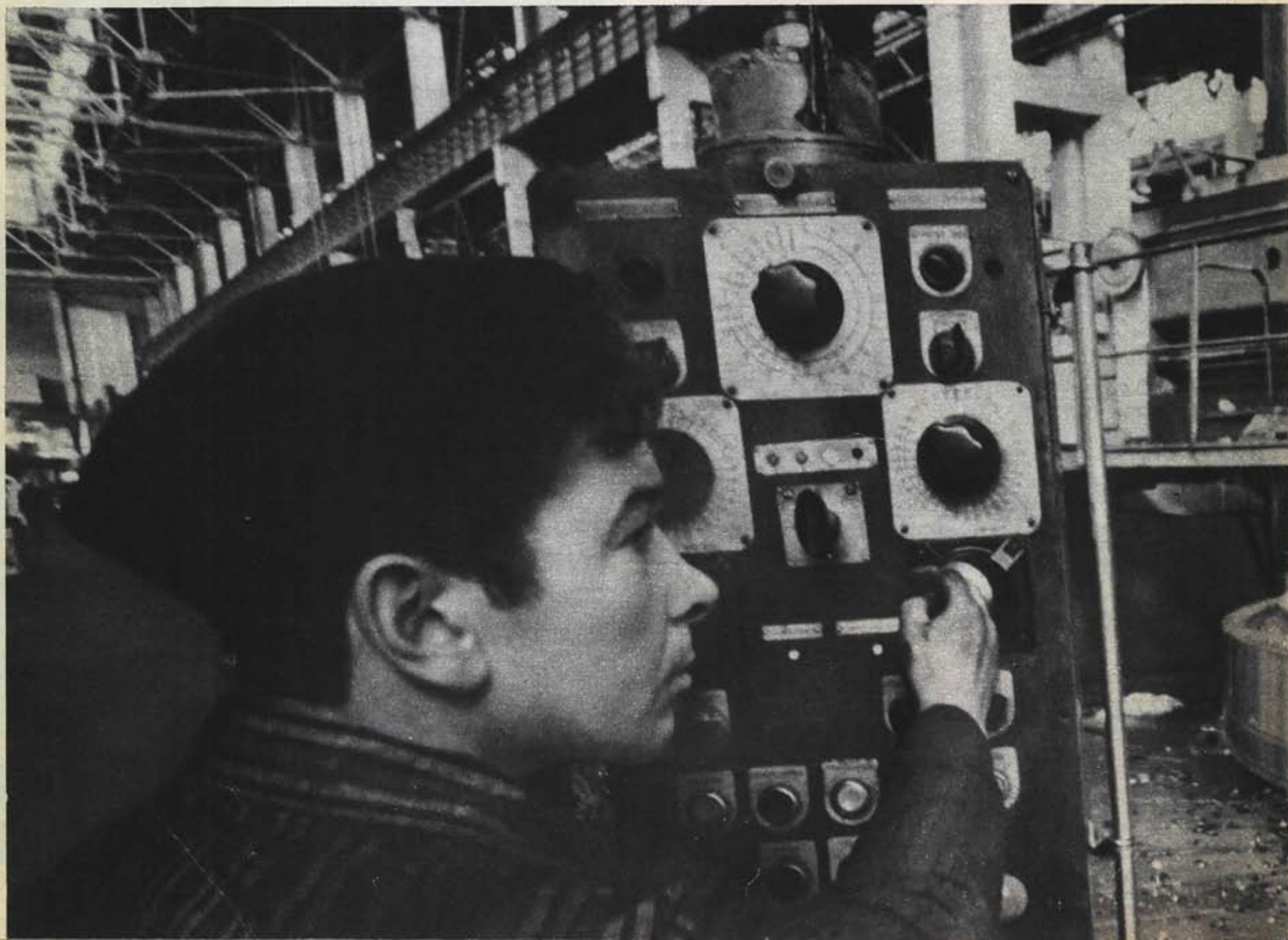
водска и сбросили в сырой торфяник. Так на Онежском берегу был заложен завод тяжелого бумагоделательного машиностроения имени В. И. Ленина. Наверняка для строительства имелась возможность выбрать место посуше, где потребовалось бы обезвоживать болотистую трясину, заливать в зыбкую почву под основание фундаментов «плавающий» бетон. Но сейчас всякому ясно, как важна «Тяжбуммашу» близость Онежского озера. Заводской порт на Онеге служит теми воротами, через которые только и можно вывезти многие виды продукции.

Никакая железнодорожная платформа не вместит габариты, не выдержит веса даже отдельных узлов изготавливаемых агрегатов, и основную часть этих уникальных механизмов делают в стране впервые.

Швеция, Финляндия, Канада, ФРГ, Япония, США — вот недавние наши поставщики дорогостоящих машин, выпускающих различные виды бумаги, картона. Один из канадских журналов писал: «Петрозаводский завод бумагоделательного машиностроения рассчитывает изготавливать оборудование для целлюлозно-бумажного производства и выпускать 10—11 машин в год... Нет сомнения в том, что завод выполнит свою программу». А вот выдержка из отзыва побывавших на «Тяжбуммаше» представителей молодежных квакерских организаций США и Англии: «...Мы покорены условиями труда и жизни рабочих и чувствуем, что наш визит помог нам

ЧЕРТЕЖИ ДЛЯ РАЗМЕТЧИКА.

ПУЩЕН КАРУСЕЛЬНЫЙ СТАНОК.

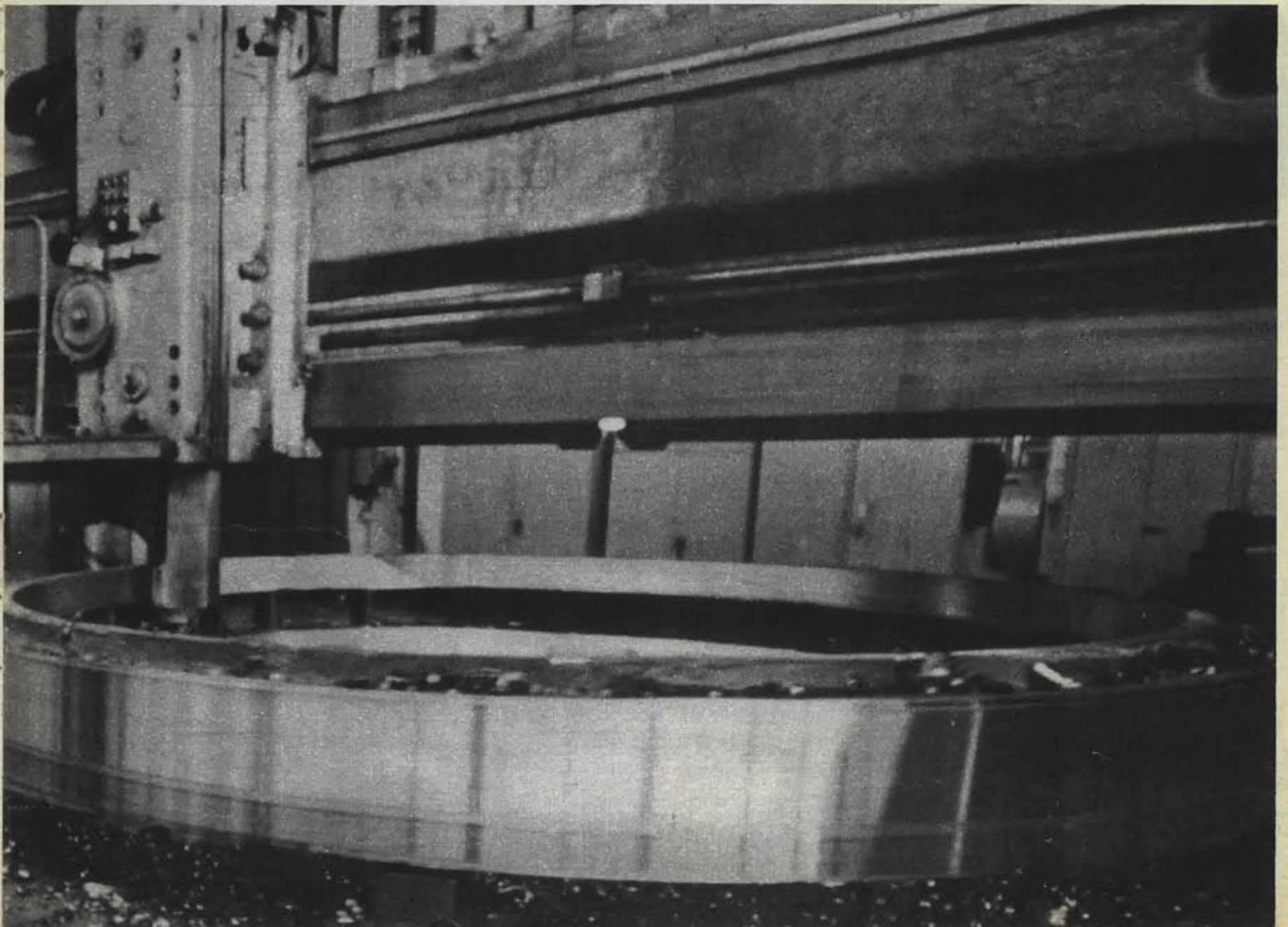
лучше понять народ Советского Союза...» Молодых квакеров, или иначе христиан-протестантов, сюда привела не случайность. Петрозаводский «Тяжбуммаш» — предприятие молодежное. Средний возраст работающих на заводе двадцать восемь лет. Почти каждый третий — комсомолец.

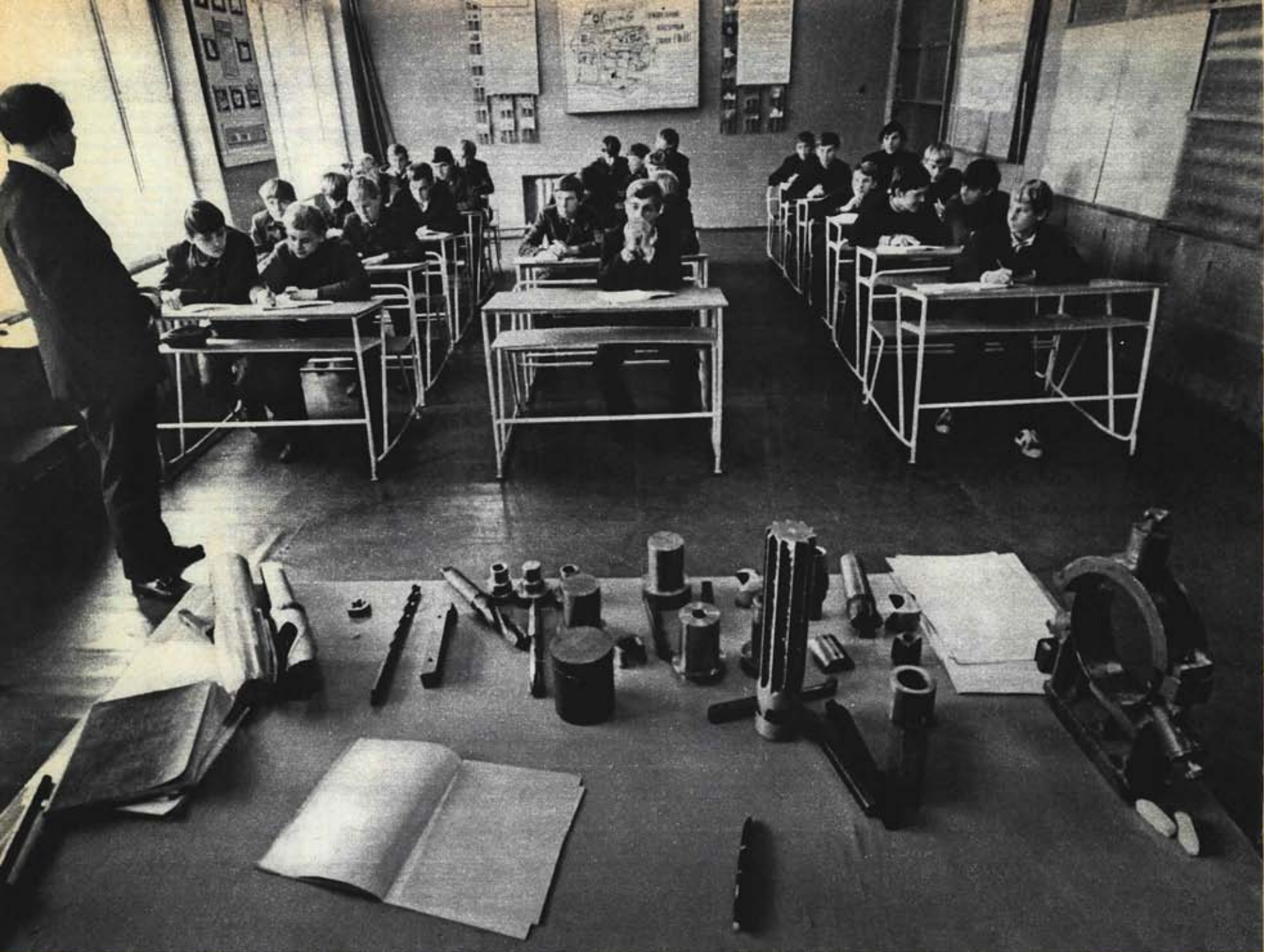
Из семи тысяч тяжбуммашевцев на 1 октября прошлого года в сменных общеобразовательных школах, вечерних, заочных техникумах и вузах, на различных курсах целевого назначения, в народных университетах, в сети партийного комсомольского просвещения занималось 3 794 человека. Это не считая профессионально-технического училища и машиностроительного техникума, ежегодно выпускающих для завода до четырехсот молодых рабочих и специалистов. На «Тяжбуммаше» 2 307 работников с высшим и специальным средним образованием.

Вот чем объясняется, что на заводе в завершающем году пятилетия каждый десятый — рационализатор. Только в первой половине прошедшего года здесь сэкономлено 114 тонн металла, а от усовершенствования оборудования, технологических приемов сбережено 325 тысяч рублей. Чтобы представить, откуда берутся излишки металла, время для изготовления дополнительной продукции, предусмотренной встречным планом, стоит побывать, допустим, в комсомольско-молодежной бригаде токарей-наусельщиков Николая Лебедева.

Комсомольское собрание решили провести в пересменку. Комсорг бригады Эйнари Татти расценил дело как неотложное, а шесть человек из восьми составляли необходимый кво-

**В ДИСПЕТЧЕРСКОЙ МОЖНО
НАВЕСТИ
ЛЮБУЮ СПРАВКУ.**

ИХ ЖДЕТ ЗАВОД.

СЕВЕРНЫЕ РИТМЫ.

рум. Куревина он предупредил персонально:

— О тебе, Толик, разговор пойдет, не вздумай смыться.

— Обо мне? А чего обо мне говорить? Я вот в школу должен бежать...

— Хватит, добежался. В общем, полтузем.

Бригада Николая Лебедева считалась знаменитой не только на заводе, а и в отрасли. Официально слава к бригаде пришла с признанием ее заслуг коллегией Министерства и Президиумом ЦК профсоюза, вручением переходящего Красного знамени ЦК ВЛКСМ. Но, по существу, молодые токари-карусельщики стали известными после случая с изготовлением питателей котлов для варки целлюлозы.

Дело в том, что шлифовка этой детали, несмотря на внушительные ее размеры, требовала высокой точности. И такая тонкая работа должна производиться на карусельной станке, диаметр планшайбы которой составляет около шести метров.

Словом, не на одном отраслевом заводе пытались выполнить, как положено, эту операцию, а отшлифовали по-настоящему питатель наконец в бригаде Лебедева. Разумеется, понадобилось поломать голову, изготовить специальные приспособления, но факт остается фактом.

За три года существования бригада, естественно, приобрела свои традиции. Ее неписанные законы сводились к неперменной рабочей честности, взаимозаменяемости возле станков, обязательной для каждого учебе, к участию в рационализации.

Если сказать, что в социалистическом соревновании комсомольско-молодежных коллективов «Тяжбуммаша» бригада Николая Лебедева занимает по кварталам первые места, что полугодовой план роста производительности труда выполнен ею на 117 процентов, по выпуску валовой продукции — на 108 процентов, то эти цифры мало о чем скажут.

А ведь вздуматься: как, за счет чего? Производство одинаково учитывает возможности человека и машины, установленные рабочие нормы, что называется, согласованы с секундомером.

При нарезании канавки на одной массивной детали то и дело выходили из строя токарные резцы. Опыт подсказал бригадире использовать фрезерный резец. Получили выигрыш во времени, экономии инструмента.

Мучались с обработкой двадцатитонных бандажей. После литья на них остаются приливы, о которые резцы прямо-таки крошились. Нико-

В СЕРЕДИНЕ ДНЯ

КУЛЬТПОХОД В ГОРОДСКОЙ ТЕАТР.

лай Хайрутдинов предложил подвести шланг со сжатым воздухом для удаления стружки, увеличить обороты планшайбы, а подачу резца оставить прежней. Сейчас этот прием используется на других предприятиях.

Совсем недавно отверстие в диске для рубильной машины после сверления растачивали. Эйнари Татти сделал его прорезным резцом. Теперь эта операция, минуя два других станка, выполняется на токарно-карусельном.

Татти — студент мехфака Петрозаводского университета, Сергей Стрелков и Виктор Веселков закончили техникум, Геннадий Журавлев готовится поступать в институт, Владимир Задрако учится в десятом классе, Анатолий Куревин — в одиннадцатом...

Как раз за этот одиннадцатый класс Куревину и врезали на том комсомольском собрании. Секретарь бюро 20-го механического цеха Василий Комар зачитал полученную из школы рапортчику.

Всех возмутили даже не пропуски Куревиним занятий, а то, что он обманывал. Часто отпрашивался якобы для подготовки к контрольным и, выходя, врал.

По принятому бригадой правилу смены менялись, не выключая станков. Избегали простоев. Вместе со вторым номером, то есть подсобным, уборкой стружки занимался и первый номер — токарь. Экономили каждую минуту.

Но сейчас станки стояли, и собрание затягивалось. В конце концов Татти коротко сказал:

— Предложения.

Как-то особенно громко начал раздаваться лязг металла, шум станков на соседних участках, позванивания мостовых кранов под крышей цеха.

— Выгнать. Пусть идет в другую бригаду.

— В другой что? Премию за такие дела выпишут?

— Простить на первый раз...

Нет, не простили. Проголосовали за перевод во вторые номера на три месяца.

Уже и смена приступила к работе, уже включили станки, а Куревин не уходил в раздевалку. Облокотившись на инструментальный стол, смотрел, как из-под резцов ползла, скручивалась витками синеватая металлическая стружка.

Здесь же молодые станочники, электросварщики, крановщицы четвертый год подряд занимают первые места в городских и республиканских профессиональных конкурсах. Комсомол завода шефствует над строительством Дома культуры.

Ежегодно около шестисот тяжбумашевцев отдыхает в домах отдыха, санаториях, курортах. Тысяча человек занимается спортом. Добрая сотня выезжает каждый выходной день на базу отдыха. Многие путешествуют по туристическим путевкам, стали традиционными двухдневные экскурсии с поездом «Театральный» в Ленинград.

Много в Карелии озер, но такого, как Сямозеро, пожалуй, не найти. А может, они просто к нему привыкли. На Сямозеро конструкторы из бюро вентиляции выезжали с пятницы — навьюченные рюкзаками, скатками теплой одежды.

На базе брали палатки, байдарки и, если позволяла погода, не дожидаясь утра, пускались вдоль берега в путь. В летние белые ночи никто не торопился устраиваться с ночлегом.

Ихолойнены гребли слаженно. Сидевший впереди Сергей невольно ускорял темп, и Тамара старалась не сбиваться с ритма. Их парная байдарка обычно вырывалась вперед.

Место для стоянки выбирали на сухом возвышении, где-нибудь под разлапистой сосной или елью. До утра устанавливали палатки, заготавливали хвою для подстилки, собирали топливо, грелись у костра, распутывали лески. Потом сосредоточенно ходили у кромки воды, вертели трещотки спиннингов. Поднимая тучи пепла, раздували шипевший костер, по очереди пробовали на соленость «непревзойденное» варево. Зато с восходом солнца, насытившись, устав от впечатлений и бессонницы, заваливались спать.

Будили радостные вопли счастливого фанатика-рыболова, поймавшего что-то на крючок, или включенный на полную катушку транзистор. На этом, собственно, четко запрограммированный «уик энд» и заканчивался.

Нет, нет, внешне все продолжалось в строгом соответствии с окружающей природой: купались, устраивали блицтурниры, дурачились, пели незабываемые студенческие песни, но чаще начинали возникать разговоры о вентиляционных камерах, колпаках.

И вот уже, присев на корточки, Эдуард Кийский, Сергей Ихолойнен

и Сабит Кучатов чертят прутиками на мокром песке проекции, набрасывают формулы.

— Мальчишки! — не выдержала Тамара. — Как вам не совестно! Идемте сейчас же играть в волейбол.

Она решительно провела босой ногой по испещренным линиям и цифрами песку.

— Тамара Михайловна, — поднял голову муж. — Требуется консультация экономиста. Смотри, что тут у нас получается...

Опять по песку забегали прутики. Возник контур вентиляционного колпака сушильной части бумагоделательной машины. До сих пор его щиты крепились на каркасе болтами. Парни нашли способ заменить болтовое крепление нарезными шпильками, и только на стыках. Идея выглядела настолько простой, возможность обходиться без сверления многочисленных отверстий и самих болтов настолько экономически целесообразной, что это вызвало удивление: как до такого никто не додумался раньше!

Освоение нового производства требовало многое додумывать на каждом шагу. Бумагоделательная машина, покупаемая еще недавно за границей, была значительно меньшей по размерам. А у петрозаводской машины лишь длина колпака сушильной части около восьмидесяти метров. Конструкторы из бюро вентиляции нашли способ значительно облегчить эту обшивку. Не давала покоя Сергею Иколайнену и мысль изготовлять каркас колпака не из проката, а из гнутого профиля.

В перерывах между играми в волейбол, шахматы вычерчивали на песке, какие дополнительные крепления потребовались бы с переходом на гнутый профиль, высчитывали, насколько бы уменьшился вес каркаса и снизились бы затраты на буммашину.

Впереди еще предстоял бесконечный день отдыха, а они уже мысленно были там, у себя в КБ, возле кульманов, мысленно уже шли в цех, разговаривали с рабочими, бригадирами, мастерами — всеми теми, кто сотворял осязаемую машину...

— Мальчишки, у вас нет совести! Можете вы отдохнуть от своих чертешек?

На Петрозаводском «Тяжбуммаше» усредненный квалификационный разряд рабочего равен 3,1. Высокий вообще-то разряд. Но в этом показателе растворилось, смешалось подлинное мастерство рабочих-асов и профессиональная самостоятельность некоторых молодых.

Первый день, ознаменовавший начало трудовой деятельности, Сережа Богданов просидел в будке старшего мастера. Ковшов входил, выходил и будто не замечал паренька. На другой день послал убирать участок.

Так и потянулись дни, недели. На стройке даже пришлось месяц акваланговать. Отлынивал, конечно, как только мог. Наконец Сережа отважился пойти к начальнику цеха: чего зря два года на слесаря учился?

После этого старший мастер определил Богданова в комсомольско-молодежную бригаду сборщиков Анатолия Грачева. Однако счел нужным предупредить бригадира:

— Ну, кадр тебе достался, не завидуешь. Много сачков повидал, но такого...

А у Грачева бригада — одна из лучших в металлосборочном. И работа — видная, ответственная: собирают корпус корабельных барабанов. Сами из стальных двенадцатиметровых листов вальцуют звенья-обичайки, сами калибруют, сваривают их, стыкуют в похажий на тоннель барабан... И на тебе, кадр!

Грачев, между прочим, поэт, книжку стихов готовит. Прикинул на глаз

«кадр», и поразила его вдруг мальчишеская неприкаянность среди цехового грохота. Необыкновенно остро почувствовал, как легко и незаметно можно свихнуться человеку в семнадцать лет, осознавшему себя лишним.

Однажды Анатолий отыскал своего подопечного во время работы в укромном уголке.

— Ты что сидишь?

— А чего делать-то? Подметать? Так я дипломированный слесарь, понятное! На меня государство деньги не для того тратило, чтоб...

Дога Тадеуш пренебрежительно сдвинул Сергею кепку на нос.

— Профессор! Варить даже не умеешь, а в дипломированные лезешь.

Это была правда. Попробовали новенькому поручить прихватывать сваркой края обичаек при стыковке, а он, выяснилось, с электродом не мог обращаться. Саня Шалопанов, гордившийся своим званием ударника коммунистического труда, молча отобрал у него держак и ласково сказал:

— Иди, детка, гуляй.

Вот Серега и гулял.

Бригадир перво-наперво велел товарищам оставить парня в покое, а самого Богданова начал надо не надо держать при себе. То с шаблоном заставлял стоять возле вальцовочного станка, то рядом с собой ставил очищать от ржавчины и окалин швы под автоматическую сварку.

Что подскажет, где покажет, ну и заодно покаляют о том о сем. Любопытный оказался хлопец. О матери тепло говорил — болела она у него. Увлекался плаванием — мечтал выполнить норму мастера спорта.

Много было еще мальчишеского в этом Богданове. Несовершеннолетний, он заканчивал работу на час раньше взрослых. И вот как-то Грачеву донесли, что Серега не ушел домой, а балует с электро-сваркой.

Анатолий действительно застал Богданова беспорядочно сваривающим куски металла из отходов. Заслоня глаза от ослепительных вспышек, бригадир тронул мальчишку.

— Все здесь лежало, я только трансформатор включил...

— Кто же так направляет электрод? Ты под углом его держи. Дайка.

Учил варить, резать металл, советовал, какой подарок покупать матери с полочки, какой с аванса, объяснял премудрости калибровки, заставлял ходить в цеховую столовую. Потом под негласный надзор бригады поставил парня приваривать в барабане окорочные балки. Ничего вроде бы. Как выразился Дога Тадеуш: «Профессор подает надежды».

Когда Грачев попал на городскую конференцию заводских наставников, то подумал: доведись выступить о собственном опыте воспитателя, наверняка не смог бы объяснить, как ему удается ладить с Сергеем. Уважают они один другого, вот, пожалуй, главное.

Выходишь из заводской проходной — прямо перед тобой Онега. Или, как называют озеро северяне: Онего. Некогда здесь была глухая автобусная остановка судоремонтного дока. Теперь к онежскому берегу в Петрозаводске, где продолжает расти завод «Тяжбуммаш», приезжают отовсюду.

Еще очень многим молодым людям предстоит связать свои жизни с заводом, влиться в комсомольский коллектив. И они не прогадают, ибо здесь, на сравнительно молодом предприятии, царит дух горячей, юношеской самоотверженности, преданности своему делу, и результаты этого становятся все более весомыми.

ОСТР

НАКАЗ
КОМСОМОЛЬСКОГО
СЪЕЗДА

● ВПЕРВЫЕ: ПИЩЕВОЙ БЕЛОК ИЗ

КАК ОТЛИЧИТЬ ВАЖНОЕ ОТ МАЛОСУЩЕСТВЕННОГО ● АВТОРСКИЙ НАДЗОР НАД ВНЕДРЕНИЕМ

Узбекское солнце усердствует так, что зеленый чай в пиале не остывает. Я вытираю с лица пот, потому что мне жарко. Мой собеседник Юсуф Абдулаев делает то же оттого, что возбужден темой разговора.

Кандидат наук Юсуф Абдулаев ведет сектором по работе с научной молодежью ЦК АКСМ Узбекистана. На этой должности он сравнительно недавно, и в начале нашего разговора я подумал, что не до конца еще освоился Юсуф с ролью организатора республиканского масштаба. В интонациях, жестах проскальзывали, как мне показалось, неуверенность, сомнения.

Да и беседа наша началась с вещей скучных.

Сначала мне была вручена бумага, составленная по всему видно, данным-давно, где столбиком перечислены обязанности, возложенные на сектор. Потом — типовое положение о совете молодых ученых. Далее шли отчеты советов за последний год и разного рода сводные таблицы. Какие обязательства взяты и как они выполнены, сколько подано заявок на изобретения, сколько комсомольцев защитило диссертации и сколько сдало кандидатские экзамены.

Я листал эту увесистую подшивку. Отчеты и таблицы производили хорошее впечатление, но где-то в середине тома я окончательно запутался. Впечатление было такое, что я держу в руках нечто амбивальное, в целом мною не осознанное. Юсуф уловил мою растерянность и улыбнулся.

— Вот так и я поначалу. Не знал, за что взяться. Проходит день, вечером задаю себе вопрос: «А что сегодня сделано?» — и не могу вспомнить. За все брался, все хотел успеть, а в результате — крохи. Наконец понял: нужна строгая система. Но какой принцип заложить в основу этой системы? Как отличить важное от малосущественного?

Вопросы поставлены, ответы на них существуют, только надо найти эти ответы. У Юсуфа на эту тему было множество разговоров, как говорится, на самых разных уровнях. Дебаты происходили и на совещаниях в ЦК комсомола Узбекистана и просто в узком товарищеском кругу. Поговорить было о чем.

Фронт научно-прикладных работ узбекских ученых широк и разнообразен. Общие цифры оглушают своей грандиозностью. С начала пятилетки на предприятиях республики введено в строй более 615 механизированных и автоматизированных поточных линий, 350 комплексно-механизированных и автоматизированных цехов и участков. Освоено более двух тысяч новых технологических процессов. За этими цифрами — большой труд ученых, существенная часть которых молодежь.

Вряд ли сейчас найдешь научно-исследовательский или проектный институт, где нет совета молодых ученых. Они повсюду, ибо повсюду в науке — молодежь. Каждый совет сам по себе — сложный организм, а совокупность их в рамках республики суть и организм и механизм одновременно. Но зададим вопрос: а нужно ли, чтобы в республиканском масштабе деятельность советов молодых ученых координировалась, согласовывалась, направлялась? Есть ли нужда в усложнении вроде бы простого дела?

На заданные вопросы можно ответить отрицательно. И в доказательство правоты привести логичные аргументы.

Советы молодых ученых в научных учреждениях работают по заранее составленному плану. В основе своей этот план есть производная от общепланового плана, хотя и определенным образом трансформированная в соответствии с возмож-

ЩЕ КОПЬЯ

Алексей АСОКОВ

СЕМЯН ХЛОПЧАТНИКА • ЗАТРАТЫ ВРЕМЕНИ: ТВОРЧЕСКИЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ

ностями, задачами советов и прочими другими условиями. Совет работает, а о проделанной работе отчитывается перед вышестоящим органом. Таким является прежде всего комсомольская организация института и далее — городские, областные, республиканские комсомольские органы, обычно в зависимости от сложившихся традиций.

Но есть и другое решение вопроса, которое пытаются сформулировать молодые ученые Узбекистана.

— Начнем с простого, а потому более очевидного, — предложил Юсуф Абдулаев. — Проблема единения разных научных учреждений положительно решается самой жизнью. Я имею в виду прежде всего связи проектировщиков. Пример тому — Бухарский хлопчатобумажный комбинат...

Пример намеренно выбран яркий. Во-первых, потому, что Бухарский комбинат — Всесоюзная ударная комсомольская стройка. Во-вторых, у ребят из Государственного проектного института-4 здесь дела ладятся.

Начали с того, что совет молодых ученых института учредил штаб содействия строителям. Была установлена прямая оперативная связь со штабом ударной стройки. Заключили договор-обязательство между комсомольскими организациями института и стройтреста. Так и назвали: договор-обязательство. После нескольких общих пунктов, провозглашавших дружбу и сотрудничество двух организаций, шли подробные обязательства сторон с указанием даты выполнения. Институтский совет организовал посты содействия и группу авторского надзора.

Конечно, не обошлось без сбоев, многое приходилось перекраивать на ходу. Но, что бы ни происходило, работа неуклонно двигалась вперед. Проектная документация выдавалась в срок, время доводки также укладывалось в нормы. На доводке работали сообща — и из института и из стройуправления. Трудности и успехи делили поровну.

Работа на Бухарском хлопчатобумажном комбинате еще не завершена, а поэтому рано подводить окончательные итоги. Но уже сейчас очевидно, что деловое сотрудничество двух организаций удалось, что договор сыграл свою мобилизационную роль.

Собственно говоря, если внимательно вчитаться в параграфы договора, то нетрудно уловить, что этот документ является договором только по форме, а по сути своей это рабочая программа социального соревнования комсомольских организаций двух учреждений. Причем, что очень важно, программа научно обоснованная, реальная, с одной стороны, и напряженная — с другой.

Настоящий, а не формальный договор — штука сложная, и, как видно, не всем эта форма сотрудничества по плечу.

В Институте химии растительных веществ сильный совет молодых ученых. Из пятнадцати человек актива совета десять имеют ученые степени, а возглавляет совет 33-летний доктор наук. Дела у совета под стать составу: солидные, серьезные. Кроме функций, обычных для деятельности советов, здесь культивируется нечто новое, безусловно, заслуживающее внимания. С целью улучшения качества диссертационных работ введена в практику предварительная защита диссертаций на расширенных заседаниях советов. Из числа членов советов назначаются оппоненты, и лишь после детального рассмотрения диссертации выносятся решения о степени ее готовности. Выписка из протокола совета оглашается на ученом совете института. Словом, ребята ищут и находят новые формы работы, опираясь в своей деятельности на заслуженную поддержку и доверие администрации института.

Новое прививается, а вот традиционная форма работы, каковой является договор о творческом сотрудничестве, в институте не практикуется. Быть может, это обусловлено спецификой тематики? В принципе такое может быть. Например, в институте, занимающемся исключительно теоретическими фундаментальными проблемами. Тогда непосредственного внедрения работ здесь, конечно, нет. Но в Институте химии растительных веществ тематика имеет главным образом прикладной характер. Связь с производством здесь явная.

Нельзя сказать, что совет стоит в стороне от проблем внедрения. Когда в институте разрабатывали препарат «узген», имеющий важное народнохозяйственное значение, чтобы выполнить работу в плановые сроки, по инициативе совета в помощь разработчику Анатолию Атакузиеву придала группу из шестнадцати комсомольцев. В итоге препарат успешно проходит сейчас государственные испытания. При самом активном участии совета впервые в стране был получен пищевой белок из семян хлопчатника.

Как видим, совет работает эффективно. Но эффект этот стеснен стенами института. Рассуждения тут просты: все, что можно сделать в институте, и все, что зависит от нас, разработчиков, мы сделали. А там уже дело ваше, товарищи производственники. В чем-то мы поможем в порядке дружеских взаимоотношений, но не более того...

Конечно же, было бы абсурдным ставить вопрос так, что, мол, пусть институт берет на себя все внедрение от начала до конца. Равно как и требовать от предприятия самим создавать новые разработки. Это, надо думать, попятно. Всегда существует золотая если не середина, то точка, в которой перекрещиваются интересы и возможности разработчика и заказчика. Если есть взаимное стремление с обеих сторон сделать всю работу — от начала и до конца, то специалистам не составит труда найти эту точку.

Договора о творческом сотрудничестве можно считать первой ступенью координации работы советом молодых ученых в рамках республики. Но это еще не единый организм, где все органы взаимосвязаны. Здесь мы вновь возвращаемся к заботе Юсуфа Абдулаева, к его сомнениям и решениям: как отделить важное от малосущественного.

Систематизировав мнения, аргументы, трансформировав их через собственное сознание, Юсуф пришел к первому выводу, разумеется, чрезвычайно простому, но поначалу отнюдь не очевидному: необходимо сосредоточить внимание на тех объектах, которые обещают наибольший экономический эффект в главном направлении специализации республики — хлопководстве.

Обследованию подверглись все научно-исследовательские работы республиканских институтов, подконтрольные советам молодых ученых. И вот тогда на первое место вышла дотоле не столь громкая работа. О ней стоит рассказать подробнее.

Случалось ли вам наблюдать за работой хлопкоуборочной машины? Если да, то вы знаете, что основным рабочим органом машины является своеобразная зубчатая трубка, называемая шпинделем. В обоймах по дюжине они установлены на наружной части барабана специального рабочего аппарата. При движении машины по полю барабаны вращаются, обжимают и обкатывают кусты хлопчатника, а зубья шпинделей захватывают хлопкосырец из раскрытых коробочек и наматывают его на себя. Вращаясь, барабаны подводят шпиндели с захваченным хлопком к щеткам-съемникам. Те снимают со шпинделей хлопок, который следует далее в бункер.

Периодически рабочая часть шпинделей забивается зеленой массой хлопчатника, или, как говорят специалисты, «происходит зазеленение». А это означает, что часть хлопка остается неубранной.

Возник естественный вопрос: как сделать так, чтобы шпиндели хлопкоуборочных машин оставались чистыми как можно дольше? Эксперименты показали, что скорость «зазеленения» шпинделей зависит от чистоты обработки их поверхности.

В совете молодых ученых Государственного проектного конструкторско-технологического бюро машиностроения мне показали график зависимости «частоты от чистоты». Аркадий Вирон, одна из главных фигур в работе, о которой я говорю, пояснил мне смысл точек на графике.

На заводе «Ташсельмаш» применялась технология обработки шпинделей фрезами из быстрорежущей стали, что позволяло получить чистоту обработки в 4—5 классов. Для практики то был слабый показатель. Требовалось дотянуться до 6 классов чистоты.

Аркадий Вирон вместе с четырьмя своими друзьями блестяще решил задачу. В результате впервые в практике отечественного машиностроения в массовом производстве применен процесс скоростного чистого фрезерования фасонных поверхностей твердосплавными фрезами. Внедренный на заводе «Ташсельмаш», этот процесс дает чистоту обработки в 6—8 классов.

О сложности решенной задачи можно судить хотя бы по тому, что при годовой программе выпуска в 2 миллиона деталей суммарная длина обрабатываемых поверхностей составляет свыше 6 тысяч километров. Аналогичных примеров не имеет ни отечественная, ни зарубежная практика.

Теперь, когда работа закончена, не так уж трудно условно разделить встречавшиеся трудности на творческие и организационные. Да, много времени ушло на исследование режимов резания, построение эмпирических таблиц и графиков, нахождение оптимальных решений. Но наградой за упорство стала твердосплавная фреза специальной конструкции, отмеченная приоритетным документом Комитета по делам изобретений и открытий.

Однако творческие затраты времени и интеллекта неизбежны, тогда как организационные зачастую могут быть сокращены за счет действенной помощи авторам со стороны той организации, где выполняется работа, а если требуется, то и ЦК АКСМ республики. Работа Аркадия Вирона и его товарищей — хороший тому пример.

Внедрение новой технологии шпинделей на заводе «Ташсельмаш» было начато в июле, а в августе, к началу сезона сбора хлопка, новыми шпинделями были оснащены пятьдесят хлопкоуборочных машин. И дальше темпы внедрения нарастали, словно лавина. Если бы не совет молодых ученых института, организовавший совместно с комсомольцами «Ташсельмаша» авторский надзор над внедрением прямо в цехах завода, если бы не действенная помощь ЦК АКСМ Узбекистана в лице Юсуфа Абдулаева и его товарищей по комсомольской работе, вряд ли удалось бы авторам работы достичь столь блестящих результатов в столь короткие сроки. В свою очередь, вряд ли удалось бы Юсуфу оказать этой работе столь действенную помощь, если бы он не руководствовался главным принципом: выбирать работу важнейшую.

Я знаю, они на верном пути — Юсуф Абдулаев и его коллеги, имен которых я не называл, но которые являются соучастниками его дела. А кажущаяся неуверенность в интонациях и жестах Юсуфа — это от состояния постоянного поиска. Очень важного состояния для комсомольского вожака. Очень нужного.

Первая память засорена серыми шариками сыплющихся на город немецких парашютистов, затемнена подвальной темнотой бомбоубежищ, в первой памяти почти нет слов — только стрельба и крики.

Солдат со звездочкой лежал в сугробе, и я, присев на корточки, уговаривал «дядю» встать, чтобы не простудиться. Мама сказала, что он больше никогда не встанет, — он убит. С тех пор все лежащие для меня стали убитыми. Глагол спать пришел в его несуществующей форме — убит.

— Я убит, — говорил я, ложась в ледадную постель.
— Я уже не убит! — утренний возглас.

Крупным планом, во весь кадр памяти, — битые зеркала, острые осколки зеркал, по которым тянуло пройти босиком. Бомба попала в парикмахерскую, битком набитую людьми, врасплох застигнутыми налетом. Уцелел один парикмахер — он спятил и спрашивал каждого, где его ножницы.

Больше я никогда не увижу столько битых зеркал! В той парикмахерской меня впервые стригли.

Было много пожаров, и однажды пришлось с бабушкой, мамой и кем-то в зеленом уходить от немецкой облавы улицей, где дома горели по обе стороны. От жары у меня на лице потрескалась кожа. Улица была узкая, и паруса пламени раздувались в трех метрах по обе руки. Сумасшедший корабль горячей улицы...

Но инстинкт отличал пожар от огня. Было много пожаров, но помнится большой огонь: рыжие собаки в железной конуре самодельной — из бочки — пекли. Тепло.

Топили книгами из библиотеки деда. Стояли великие крещенские морозы. Стулья, скамеечки, пуфики, стремянка, гладильная доска, доски чужих довоенных заборов, дверцы шкафа, а следом и шкаф, на вешалки которого нечего было повесить, вылетали в печную трубу, оставляя самые теплые о себе воспоминания.

В ночь, когда от мороза в лампе замерз керосин, кончилось все деревянное. Очередь дошла до книг.

Самый умный огонь, который я видел на свете, — это горящие тома Брокгауза и Эфрона. Я перелистывал книги и отдавал их причитающей бабушке — неграмотная, она каждую книгу отправляла в печь со словами: «Господи, прости...»

Пляшущие человечки армянской азбуки в манускриптах, оставшихся деду от деда его. Серебряный профиль Наполеона на французском словаре. Как

Три раза постучал в окно почтальон обмороженным пальцем, мама выскочила, не накинув платка, и вернулась, держа треугольную птицу письма. Вечность не было писем, и вот, наконец, треугольник! Ростов/Дон, Рождественская, 35, Тихоновой Анне. Зацелованное штемпелями полевой почты и зацелованное мамными губами, ты прими его, моя партизанская елочка, это самое лучшее, чем можно прикрыть ожоги твои. Как военные почтальоны, забинтованы и зеленые, ты носи, носи полевую почту, ты стой, да не клонись, молча в верности клянись...

Военный снег... Рядовой мороз... Елкам плакать грех, детям не до слез...

Прошлое уже прошло, но его долгая тень все еще длится и пересекается с уже появившейся из-за горизонта тенью Будущего.

Шли они, долгожданные, шли — после Победы поезда, и жернова вагонных колес перемалывали разлуку, и разбегались рельсы, как португеза на груди лейтенанта, и рыжие товарные вагоны мелькали мимо наших восьмилетних глаз, уносил пилотки, бинты, лямпае гимнастерки и пляшущего, закусив ленточки бескозырки, матроса на вагонной крыше, и нельзя было различить, что кричали нам солдаты, и мы бежали за тормозящим, лязгающим составом к полуразрушенному вокзальчику, где пел и отбивал четку под трофейные аккордеоны мой южный городок, где все целовали всех и вино проливали на землю, на сапоги, на довоенной моды туфельки чьи-то, и, узнавая — не узнавая, бросались в объятия, и из всего этого слух различал только одно: то сдавленно-глухое, то полоснувшее по всему перрону, пять лет неизносимое — мама!..

А мама, еще молодая и красивая, стояла в окне нашего домика, и я сквозь заросли сирени видел ее белые руки, и прятал лицо в сиреневый огонь, и задыхался оттого, что маме все некогда встречать, и опять не верил в это, и, ломая сирени, летел на вокзал, а мама, неподвижная, как нарисованная, оставалась наедине с сиренью.

Холст пятьдесят на пятьдесят, вместо багета — резные наличники окна, сирень, белые-белые руки мамыны...

...И уже это не деревья, которые помнят все, что я успел позабыть, и не круглый это пятачок площади перед домом, а поляна лесная, мятная поляна, где под голос кукушки двадцать девять мальчиков, похожих на тридцатого меня, застенчиво и неловко кружатся в вальсе, задевая за ветки руками, все похожие друг на друга, все погódки, смуглые ягодки, в этой высокой траве...

Ах, конечно, это самая лучшая музыка — вальс под голос кукушки! Ах, конечно, этот вальс — первый и последний! И сколько еще эта музыка будет зву-

Вальс под кукушку

РАССКАЗ

снисходительны и как великодушны к нам наши книги! Умели бы и мы прощать друг другу так, как нам прощают казенные нами книги! Через десятилетия, поняв, чем грелись мы, я прокляну ту ночь, и стану на колени перед детьми и внуками тех книг, и попрошу прощения за ночь, когда сожжен был герценовский «Колокол»...

Прощайте, цветные картинки волшебных изданий! Только два цвета сегодня имеют смысл — черный, глухой цвет пепла и пепки и острый белый цвет снегов крещенья.

Крещение книгами — сорок четвертый год! Горит моя азбука, по которой вчера меня натаскивал мой лобастый дед, горит мой букварь! Аз, буки, веди... А за стеной, черным лицом в черные ладони, плачет простуженный мой, начитанный мой дед, и в шести языках, которые он знает как родные, нет ни единого слова, способного выразить его слезы.

А я из груды книг, униженных до дров, выхватил небольшую квадратную книжку. Черными глазами в белый лист — слагаю дедушкины буквы. Бл-ок. Блок. Повернул к огню — увидеть портрет. Увидел — отпрянул, не испугался, а отпрянул от пепки. За пазуху, пока никто не видит, — не дам. Топите сказками, они мне надоели! Блок — не дам! Не знаю почему, а вот не дам.

Ледяными пальцами утром листал, плямкал губами, как пескарь, складывал буквы. Пока добирался до конца строки, начало рассыпалось. Но как с крыши каплями, не к месту и не в срок, складывалась колдовская оттепель: Бл-ок.

Почти через полтора года, девятого мая, в день Победы, заплаканный черночугунный дед, счастливый и одновременно траурный, налет мне красного вина и скажет: «Пей за то, что не дал сжечь Блока!» И это будет первый мой глоток в жизни — за Победу и Блока, и первый раз в жизни я убегаю от взрослых плакать на чердачную черную лестницу — плакать и не понимать, отчего я плачу...

Аз, буки, веди... Топите сказками!

...Не было такой и ни у кого не будет такой елки, как в новогоднюю ночь сорок пятого года.

Назло Освенциму, осколкам, назло войне — полуобугленная елка в моем окне. Она над нами возвышалась, дробясь в разбитых зеркалах, перемещалась, отражалась в будущих моих стихах.

С обгорелыми веточками ее вывели из какого-то расстрелянного леса, эвакуировали в тыл, в мое новогоднее счастье. Моя первая, цвета хаки, елочка!.. Передомленные ветки перевязывали бинтом. Забинтованная елка. Забинтованные солдаты цвета елки за окном. Ростом с меня, как она прямо стояла! Как важно было быть прямой, как было важно елке выстоять, всей елочной своей судьбой срастись с усталою страной и, как страна, в бинтах, но выстоять!

Чем украсить тебя, мой зеленый найденыш, обожженная беспризорная елка? Чем, кроме звездочки, подаренной квартировавшим летчиком, тебя короновать?..

чать, и сколько еще нам кружиться позволит кукушка! Что я делаю вид, будто я не кружусь, будто я просто листья зеленые с веток срываю и в губы беру неизвестно зачем?

Пахнет мятой и музыкой этот никем не написанный вальс. Ну еще, хоть немного, хоть круг еще вальса на этом фосфоресцирующем циферблате поляны лесной. Ну еще хоть немного, кукушка! Вальс, мальчики, вальс...

Может, все мы существуем в нескольких лицах? И как слово из кубиков, из нескольких этих складывается мое имя, сегодняшний я. И мой безногий сосед по купе — с ним тоже такое. Он — до войны. Он — на войне. Он — без ноги.

Разве что колеса поезда так же круглы, как тридцать лет назад, так же перемалывают километры, чтоб спустя семь часов я ступил на перрон, на котором я был восьмилетним.

А ты все бежишь за поездом, мой восьмилетка, только колени сбитые мелькают, бежишь все, бежишь...

Таких длинных поездов теперь нет — по тридцать, сорок вагонов. И теплушки, и плацкартные, и открытые платформы вперемежку. Вне всяких расписаний, путая наши предположения и ожидания, они шли уже третий месяц, но мы еще не привыкли, не насытились, и маленькие тоннели разинутых ртов все смотрели на далекую точку пересечения параллельных рельсов. Уже давно не было сирени. Мы ходили по вагонам и пели. Концерт длиною в тридцать километров.

Песни были разные. Улица, языкатая, вездесущая зубоскалка, палец ей в рот не клади, учила нас песням, выставляя по вечерам в окна допотопные картавые патефоны с пластинками Лещенко или швыряя по мостовой пьяную компанию, глоток своих не щадящую, свистящую сквозь выбитые зубы фартовый мотив или фронтовую песню.

«Когда качаются фонарики ночные...»

«...до тебя мне дойти не легко, а до смерти четыре шага...»

И катились слезы по исхудалым лицам солдат, и три тушающих сердечка были рады вагонному смеху, не понимая, что это всего лишь способ скрыть слезы, и губы, потрескавшиеся от солнца и ежевики, выкрикивали корявые куплеты, до смысла которых мы еще не доросли.

«А слезы катятся, братишки, незаметно по исхудалому лицу...»

И уже последний раз в жизни солдаты выликают в окошки наши имена, большие ладони уже не могут дотянуться до наших вихров, наш вагон медленно уплывает, медленно и навсегда, будто кто его тащит за ниточку, наш вагон. Наш вагон — говорят мальчики, потому что на полчаска они были голосом вагона, срывающимся, неровным, но чистым, как январские бинты, слепящие от проступившей крови.

Он отстегнул протез — сверкнул шрамами и спрятал под простыней обрубков ноги.

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

Протез стоял отдельным, самостоятельно одушевленным предметом, самоуверенно дожидаясь, когда наступит утро и в него, как в стакан, вставят страшный цветок культияпки.

Его присутствие было присутствием третьего лишнего, и вдруг — пошевелив пальцами, настоящими живыми пальцами, как бы разминая их, — протез черство скрипнул на все мое сновиденье и сделал шаг...

«Все у этих людей было двойным, они, значит, имели четыре руки, четыре ноги, два лица... Тогда Зевс разделил каждого человека на две части, как разрезают груши пополам, чтобы они лучше сварились».

Когда, таким образом, все естественно разделилось пополам, у каждого человека появилось влечение к его второй половине, и обе половины снова обвили друг друга руками одна другую, соединили свои тела и захотели срастись».

Я не стал вдаваться в полемику с этим мифом Платона, захлопнул книгу и выключил свет. Ночной поезд взбирался, кряхтя, по лестнице шпал, и колесо луны буксовало, рассыпая звезды по черному небу.

...и мальчик поперхнулся песней, и не мог ни слова больше выдохнуть из себя, и не мог отвести глаз от ее бронзовых, льющихся из-под пилотки на плечи волос, и стоял посреди вагона остолбеневшим столбом, и, как в немом кино, не слышал, что она ему говорила, а видел только красный рот, складывающий какие-то белые слова, раскрывающий в улыбке яркие зубы, и пальцы ее, пробежав по плечу, как чистый дождик, смягчили его волосы, и запах мяты и свежего сена, идущий от ее гимнастерки, вошел в его легкие, распрямил их, как белые крылышки, и все это напомнило ему маму, но здесь же перестало быть мамой, и не было на свете ни одного слова, каким можно было бы назвать это, и не мог он попятиться, и тянуло его, как к губной гармошке, чтобы звучали тонкие, рвущиеся и продолжающиеся прозрачные звуки, похожие на листопад, чтобы это было беспрерывно, вечно, продолжалось, не исчезая, свежее сено, перемешанное с мятой, от которого губы делают влажно-красными, и два густо-синих глаза нависали над ним, и он отражался, как два свечных огарочка, забыв свое имя, песню, товарищей, поезд, расширенными зрачками вбирая ее лицо, волосы, коричневую родинку и голубую прожилку, пульсирующую у воротничка, и дрожь поезда передавалась его тоненькому телу, и он обхватил ее светлое запястье, чтобы унять эту дрожь летящего красноезвездного поезда, за которым он через несколько минут будет идти, не отрываясь от ее лица в окне, идти, потом быстрым шагом, потом бежать, потеряв ее лицо, бежать по жаркому песку, не чувствуя глаз своих, ног, жаркого песка, разрывая худеньким телом черную ленту паровозного дыма...

«Нашел ли ты ту, вторую, Зевсом от тебя отрезанную половину?» — спросил, не переставая вращаться в вальсе, чернявый восьмилетка.

Иди танцуй, рано еще задавать такие вопросы, покружись с мое, тогда спрашивай. Танцуй, мальчик, отсюда, танцуй...

...с протянутым картузом, водкой окая в лицо, он шел вдоль вагона, и пяточки со всех концов звенели, как колокола на церкви, отпевая мертвецов. Правый карман его засаленного кителя отвисал под тяжестью монет. Он подмигивал, пошучивал, благодарно бормотал, и три медали тускло позвякивали на его груди. «Темная ночь, только пули свистят по степи...» — затянул он нетрезвым фальцетом, и тут чья-то рука в тельняшке, как полосатый шлагбаум, преградила ему путь. Я не помню всех слов, только узкие бледные губы матроса, процедившие: «Позоришь, сука», — и звяканье рассыпавшейся после пощечины мелочи, и еще, и еще, и еще — по лицу, красному, по-черепашьи спрятавшемуся в плечи, и медаль на грязном полу с клоком выдранный кителя...

Рынок — рябой резонер, разгильдяй, раззява! Хаос рынка — пафос рынка. С шести утра до шести вечера эта распластанная шестеренка рынка управляла жизнью города, барахолила эта барахолка, бормотала, барахталась, и ее наркотический гул, как нечто готическое, возносился над крышами.

— Что вы, дама, это же машина времени, а не швейная вам машинка! Да на такой сам Зингер не шил себе брюков. Берите и шейте, чтоб у вас руки не крутило!..

— Бемберы, бемберы! Кому бемберы? — зывал долговязый в грязной майке, выставив напоказ левую руку — по локоть в часах самых разных систем и времен. Ну, какое время сравнится с голой волосатой рукой, запястье которой венчают хрупкие золотые женские часики, а выше по локоть, поверх татуировки, шли — как по росту — часы больших размеров, и у локтя сняли массивные, старого серебра знаменитые карманные бемберы «мейд ин Швейцария» с вензелями на толстой крышке и тяжелой цепочкой — эдакая серебристая карманная собачонка времени на цепи.

— Бемберы! Бери, бери бемберы! — тикающая рука простирается над толпой и поманывает, поманывает ее заскорузлый перст времени.

Купи, бери бемберы, живи во времени. Деньги на колесо, и время у тебя в кармане. Только учти, не исключено, что внутри твоих бемберов, заветных твоих часиков, нет ни одной шестереночки, ни маятника, ни винтика, что пока ты подносишь к уху своему волосатому светящийся циферблат и вслушивался в бег времени, над ухом у тебя отстукивал белыми злыми зубами, подражая тиканью-таканью, татуированный долговязый герой нашего времени.

И откуда все это взялось, как остались в живых, не погибли все эти машинки и часы, северские вазы и фарфоровые ночные горшки, вольтеровские кресла и эскизы Айвазовского, пухлые перины и кашемировые шали, полное собрание сочинений Достоевского и столовое серебро, такое столовое, такое серебро, что им и кушать неловко?

Как оказались в живых гимнастерки, шинели и кирзовые сапоги, соседствующие рядом с этой роскошью, — понятно. Но это как?!

Все это, и брань, и смех, мат отцов и взгляды матерей, юнцы и старики, и поверх этого — музыка Штрауса, вальс Штрауса, довоенное увлечение довоен-

ных людей. Игла патефончика царапала надколотую пластинку, пополам с шипением, бранью и смехом, вальс скользил одиноко над куплей-продажей, и никто не хотел танцевать. Никто не танцевал на первый взгляд, но в движениях рынка и жестах скользили неумелые па разучившихся танцевать. Это следовало бы назвать, а театром, потому что нигде, никогда, ни в какой буффонде не играло сразу столько людей и предметов! Мольер? Может, отгиски ростовского рынка и есть в его лучших вещах, но... Мон шер, стоим в стороне, последним и сличим времена. А льма матер, милора. Это стоит раздумья и полуночного бдения, и пера, и листа. Где еще так играют себя, как играют на рынке, игры не стесняясь? Где еще солонее слеза и разительней смех?

А мат? Петр Алексеевич, государь-император, реформатор ты наш, медный всадник! Что твой «большой загиб» из 217, кажется, матерных слов в сравнении с красногубым гневом мичмана, который поставил на землю пару своих чехоманчиков — руки чтоб освободить, расплатиться за квас, он и глазом мигнуть не успел — нет чехоманов. Ох, Петр Алексеевич, вот речь, вот крепка — протяни ее канатом на Луи и лезь — не обанерется.

А уж если бы сюда Павла и Сергея Михайловичей Третьяковых, так глаза проглядели бы на эти руки, плечи, спины, испещренные неизвестными мастерами татуировки нашего столетия. Пришлось бы пристройку сделать новую к Третьяковской галерее, приписки в энциклопедических словарях, что, дескать, по богатству и числу татуировок Третьяковская галерея занимает видное место среди европейских музеев.

Времена. Племена.

Достойно, мон шер, безусловно, достойно. Наши перья остры, мы напишем, напишем, мон шер. Только прежде прокатимся на карусели, хоть кружочек на белой лошадке, мон шер.

У меня никогда в жизни не было велосипеда. Даже трехколесного. Но была у меня карусель!

...Мне восемь, и я работаю карусельщиком, я забираюсь наверх под карусельный душной парусиновый конус, где на все четыре стороны света, как компас, чернеют крест-накрест отполированные нашими руками четыре бревна — я вместе с другими мальчиками кручу карусельную ось, я чувствую себя богом, от которого зависит судьба всех желающих прокатиться на карусели, а вечером я испытываю те же чувства, что и мальчики, выгоняющие в ночное коней, и карусель превращается в Бежин луг...

О, шарман, мон шер! О слепой шарманчик с попугаем, угадывающим судьбу! Отражаясь в синих стеклах очков, бравые бабы совали в его костлявую руку мятые рыжие рублевки, и он брал попугая на ладонь, подносил ему аккуратненький ящичек с белыми конвертиками, в которых покоились все прочтения, и каждая судьба зависела от этой желтой птички, воробья африканского, — что он вытащит своим клювиком, ключиком судьбы? Одни не верили, рвали здесь же конвертики в клочья, вторые задумывались над хитрым порядком нехитрых слов, кто-то всхлипывал, кто-то радовался, благодарно хвалил африканского воробья.

Я наскреб серебра, пересыпал в его стариковскую руку и, дрожа от нетерпения, выхватил из птичьего клюва бумажку. Сейчас, сейчас, сейчас!

«Сними обувь твою, потому что земля, на которой стоишь ты, святая».

А снимать было нечего, я и так, босоног, стоял в горячей рыночной пыли и смотрел в непрозрачные синие стекла очков шарманщика.

— Ша, мальчик! — спокойно ответил он на мои возмущения. — Ничего не понятно? Поймешь. Подрастешь и поймешь.

...Ну, хорошо, а где вы еще купите часы, которые в двадцать четыре часа бьют двадцать пять раз?..

Любите вы лошадей или не любите, но конская колбаса — чудо послевоенной пищевой промышленности — вскружит вам голову, как доброму казаку необузданный красавец иноходец, и вы сломя голову помчитесь эдаким всадником без головы в конце очереди, протянете свою заскорузлую правую лапу, чтобы на ней химическим карандашом вывели корявый трехзначный номер; вы сростаетесь с этой цепью почитателей конного спорта, и гнев ваш будет справедливым, как и гнев впереди стоящих, когда какой-нибудь хмырь попытается пролезть без очереди; вы будете вспоминать все слышанные вами некогда анекдоты, пытаетесь убить время; клясть непогоду, притопывая коченеющими на холоде ногами, с возделением мечтая схватить под уздцы свой килограмм донского жеребца.

Так вот что сильнее многого объединяет людей разных взглядов, происхождений, профессий и возрастов! Верховая, так сказать, езда, летящее под оголенными копытами огульное пространство, риск прыжка! Если ваш скаковой номер где-нибудь за триста, если вы в шесть утра не опоздали на переключку, то к полудню вы успешно закончите эти дерби, и вскоре в желудке у вас будет с веселым ржанием нестись аллюром неизвестной пасти пегас. Иго-го! «Все мы немножко лошади...»

Перед нами с бабушкой стоял капитан. Он был весел и молод, как положено быть капитану, только что вернувшемуся с передовой, из-под распахнутой шинели выглядывали ордена, подтверждающие, что смелость и отвага ходят с ним по правую и левую руку. Трудно даже представить, что такому герою тоже хочется оседлать килограмм вороной колбасы!

Держась за бабушкину руку, в толкотне, я нескромно рассматривал его, и было обидно, что я, недомерок, был ему незаметен в толпе. Кончалась колбаса, и бабушка волновалась, что зря простояла, а он и здесь, рискуя остаться без лошади, был спокоен и курил дорогие папиросы, и не было предела моему восторгу, и я не обращал внимания на бабушкины охи-ахи. Он был спокоен и прекрасен, приканчивая крепким каблучком окурки и тонко сплевывая сквозь зубы на грязный, недостойный его плевок пол.

И вдруг моего капитана заслонила какая-то золотая, ласково лизнувшая меня по лицу лисица, бабушка отдернула меня, и я увидел стоящую передо мной, то есть перед моим капитаном, всю золотую женщину — по моим понятиям, такие золотые не лезут без очереди и вообще таким не нужна колбаса. Золотая шуба переливалась на ней, кончики золотых пальцев выглядывали из золотых рукавов, и золотые волосы лились на плечи.

Она подошла вплотную ко мне, то есть к моему капитану, и резко распахнула — золото тела резануло глаза, померкло золото меха от золота двух полнотуней, над которыми золотел крошечный крестик.

О, если бы тогда еще не знал я в силу моего уличного воспитания, откуда берутся дети, я бы принял ее за церковь, возникшую вдруг среди этого голодного гомона!

И едва капитан выскользнул из обалдевшей очереди, сам обалдевший, как вышел небритый завмаг, отсчитал десять человек и проорал, что осталь-

ным конины не хватит! И я был десятым, последним. Одинадцатой — бабушка.

«Все мы немножко лошади...» Ау, капитан!

Все неизменно — и что высоко и что низко, все, как при Пушкине. Все мы несемся, несемся, несемся по жизни, кружась, все мы танцуем под голос кукушки вечный, никем не написанный вальс...

Полузабытая, после пятилетнего неостребования Любовь расправляла свои самофракийские крылья, осеняя все возрасты, и не хватало места на заборах для этого великого уравнения с двумя неизвестными, и сбивался с ног свахи, и чуть ли не со всей улицы собирались ножи и вилки на очередную свадьбу. Не только свадьбы новые игрались, переигрывались и те, с которых жених уходил в приснопамятную ночь прямо из-за стола, из-под венца — туда, под терновый венец, во чисто поле, на ту святую рать, откуда не всем дано вернуться на свою прерванную свадьбу.

Но и такие были! И дни переносились на пять лет назад и целовали выплывающие глаза постаревших невест, и Верность возмещала все потери, и еще крупнее, чем пять лет назад, вписывали в заборные уравнения свои имена. Витя + Аня = Любовь! Зоя + Коля... Тая + Вова... Галя + ...

Я люблю тебя, Люба! Ведь нам так хочется стать большими, что мы не по возрасту знаем все, волна Возрождения и нас вознесла вместе со взрослыми, раньше, чем надо, нас задело крыло этой птицы, и мы на заборе спешим решить свое уравнение.

— Нет, здесь не пиши!..

— Я напишу твое имя, а ты — мое...

— Давай... Вот здесь — достанешь? Вот над этой чепухой...

И крошится кусок известки в моей руке, царапает забор, и возникают наши имена.

...рвануться, рвануться, проснуться — вернуться в свое тридцатилетие, обогреть за секунду до самого страшного это сновидение, повторяющееся ежегодно в ночь 21 июля, вырваться и выхватить из прошедшего времени, из заколоченных кругов вальса Любу, не выпустить ее загорелые, крапивой окрапленные руки, — вырваться в умопомрачительном салты, выгустившись до боли в позвоночнике, перелететь в мою родную, неутомимую, бестолковую и великую современность, поднести ее руки к губам и утвердить, что есть, все же есть среди запутанного шерстяного клубка насилия, позерства, обмана, есть шелковая, светлая ниточка любви, не однажды, может, оборванная и связанная, но есть — понять это кожей, по которой от счастья побежала муравьиная стая мурашек, повторить, как возле забора когда-то: «Я люблю тебя, Люба», — проснуться, проснуться...

Каждый год, в ночь на двадцать первое июля...

...в тополином снегу молодой роци мы кружились, на выпрямленных руках вздымались белые сутробы, кто кого перекружит: полувальс-полуигра, от ее ситцевых васильков голубело в глазах, и кружась, за спиной пролетали добрые деревья, похожие на старых музыкантов, выгоревшие до белизны ее волосы задевали за веточки, ах как легко: раз-два-три, раз-два-три, раз-два-три...

Я споткнулся о кочку, упал, хохоча, по земле покотился, выскользнул ее золотые запястья из рук, хохоча — по траве, по июльскому снегу и, руки раскинув, застыл. На вершинах деревьев сидело кукушечье солнце. «Догоняй!» — донеслось до меня, я на лотках приподнялся — меж деревьев мелькала ее ситец, осыпая в траву васильки. «Догоняй!» Я привстал на коленях, и вдруг ухнуло что-то и огненно-черным взметнулось столбом, обожгло, оглушило, опрокинуло тонкие елки, и лоскутики ситца, кружась, опали на обожженные ветки, и слетело с деревьев кукушечье солнце.

Лю-ба-а-а-а!

Сколько лет мне стоять на коленях перед тобою? Сколько лет твоим именем полночь пугать?

«Догоняй! Догоняй! Догоняй!..»

«Здесь жию сапожник Шио — вино пию, сапоги шио».

Заикающегося после гибели Любы, меня привез дед в глинобитную Эривань, и мы остановились у его старого друга-сапожника, в доме, похожем скорее на ласточкино гнездо, чем на жилье человека. Эриванский вариант Нико Пиромани, Шио сам рисовал вывески для своей сапожной мастерской и для своего приятеля, державшего маленькую хашную, двери которой были расписаны щедрой самодельной кистью Шио — из голубой глиняной миски валил густой пар, в котором плавали слова: «Дэньги — ваши, хаши — наши».

Бедность его жилища никак не соответствовала веселому нраву и беспредельной щедрости хозяина, Шио считал себя поэтом и всерьез утверждал, что на том свете он отберет лавры у Шекспира.

— Скажи, эли, Шексир так сможит? Здесь жию сапожник Шио, вино пию, сапоги шио! Здесь все есть, да? И большой садежаний, да? И работа, да? И весело, да? И какой короткий слова, да? Сапоги шио — кушити нада, да? Умру — скажут: какой художник Шио, вах! Какой стихи, вах! Музеум поставят, нэт? Сапати шио — красики купулю, сапати — немного лаваша и вина, чтобы язык харашо разгаваривал, на стихи чтоб харашо, да? Тибя рисовать буду, хочешь? Нэт, нэ хочешь? Пэрсик, винаград, инжир забири — пакушай. Нэт? Жарко? Для Шио тоже жарко, а Шио сказал «джур», и харашо. Знаешь «джур», нэт? На русский называется «вада». Скажи «джур», э! Иди забири Ашота, на фонтана иди пить эриванский джур — харашо будит...

Говорю «джур», и под языком становится прохладно, иду к Ашоту, лезу на дерево и палкой сшибаю чернильные ступки инжира, они глухо падают к ногам Ашота, который ни слова по-русски не знает, который, как раненая птица, припадая и волоча ногу, собирает инжир и мне что-то кричит по-армянски, запрокидывая смеющееся, перекошенное болезнью лицо вверх — ко мне, к вершине дерева.

Ашота, сына Шио, скрючила неизвестная болезнь, выгнула ему горб на спине, руки повыворачивала. Ашота боялся, с ним никто не дружит, и глаза его вдвое грустней, чем положено грустным быть по природе армянским глазам. Говорят, его слезила бабка: Ашот учился играть на скрипке, радовал этим отца, стройный и длиннорукий, прижимался он к скрипке щекой, прикрывая глаза, и выплескивал на вечернюю зеленую улочку звуки нежные и щемящие, и отец тоже прикрывал глаза и плавно покачивался, положив загубленные руки художника на кожаный истертый фартук, и едва слышно шептал: «Лаф, Ашот-джан, лаф...» Да, слезила его как-то бабка, мать Шио, злая была, говорят, играл Ашот, говорят, на скрипке своей, а она возьми и плонь, говорят, в его сторону — «Чтоб у тебя руки отсохли!» — и в тот же момент выронил скрипку Ашот, нагнулся было за ней, да не разогнулся больше, и скрипку не поднял, и рук не распрямил. Лежал после этого, говорят, полгода,

И тень надежды, словно тень крыла,
Вдруг на меня рассеянно легла.
И тут же перестал давить рюкзак,
И стал упругим мой усталый шаг.

Но тень надежды, словно тень крыла,
Уже через мгновенье уплыла.
Рюкзак тяжел. Дороге нет конца.
Не видно ни воды, ни деревца.

Бредешь, бредешь сквозь
раскаленный день
И безнадежно призываешь тень,
Чтоб на мгновенье, словно тень
крыла,
На душу обоженную легла...

Суета

Сражаться насмерть с суетой,
Не опускать пред нею знамя,
С лукавой, ненасытной — той,
Что разлучает нас с друзьями.
Что славословит, льстит подчас:
Президиум, внимание зала.
Что от стола уводит нас
В те — свадебные — генералы...

Мой стол, мой бруствер!
Только ты
Меня обезопасить можешь
От арналетов суеты,
Ее обстрелов и бомбежек.

Наконец ты перестал мне сниться —
После стольких, после стольких лет...
Ликовать бы выпущенной птице.
Только что-то ликованья нет.

Сядет неуверенно на ветку —
На привычной жердочке верхней...
Неужели можно даже клетку
Полюбить и тосковать о ней!

Не страшно, что похож на битла
Уже седеющий пинт,
Беда, что слишком деловит он,
Локтями друга оттеснит.

Талант и деловитость!
Страшно!
О том историю спроси:
Лишь зарабатывали раны
Себе поэты на Руси...

не подымался, умереть, говорят, хотел, да смерть прибрала бабу, а не его. Так и висит на стене под семейными фотографиями скрипочка та онемелая, висит над Ашотовой постелью, сирота сиротой, и Ашот прыгает с тех пор, как скворец подстреленный, и все в доме Шио пошло с тех пор шиворот-навыворот. Давно, говорят, это было.

А что бояться его: он добрый, он похож на армянскую азбуку, которой дед меня учит. Когда Ашот ходит по саду, он то на одну букву похож, то на другую, шагнет, обернется — новая буква, скрюченная, хрупкая, но живучая вопреки всем и всему. Живая азбука Ашота, джур — живая вода...

«...a-a! — кричал я, не понимая, где я и что я, летящий по ночному саду. — Лю-ба-а-a!» — а дедушка и Шио в ночных рубашках, как привидения, бегали за мной, растопырив руки в заспанных рукавах, стараясь поймать меня, сбывая с деревьев ясные яблоки, наткаясь друг на друга, хлюпя горбатыми носами и смахивая слезы с небритых щек.

— «Лю-ба-а-a!» — наконец я наткнулся со всего бега на дерево, распах лоб, упал, от боли пришел в себя и почувствовал, как от крика болят уголки рта.

Дрожавшего, меня отнесли в комнату к Ашоту, поставили компресс на лоб, утомонились, погасили лампу, ушли. Я остался лежать с Ашотом, под его скрипкой, он гладил меня по голове и что-то приговаривал непонятное мне, в котором мой оглушенный слух различал сквозь туман полубреда: любя, любя, любя... Долго гладил по голове своим вывихнутым крылом, потом засветил в темноте улыбку, неловко привстал на постели, потянулся, сдернул скрипку со стены и мне протянул: «Люба, любя...»

Парами, парами, парами, парами, парами... Ах, как летят за спиной деревья литые стволы! Вальс, как и жизнь, продолжается, он неизбежен, руки Надежды легко мне на плечи легли.

Вон я — девятый, девятилетний — за руки с Любей кружу, беззаботно смеюсь... Вон я — тринадцатый, вон — восемнадцатый... Только бы музыка эта не оборвалась!

Сколько еще нам кукушка позволит кружиться? Вот откружили со мною Надежда, Любовь... Только бы, Вера, с тобою не разлучиться! Сколько еще нам осталось по жизни кругов?

Мальчики — девочки, юноши — девушки... А дальше, а завтра? Женщины, женщины в нежных объятиях мужчин. Вальс, как и жизнь, оставляет круги под глазами. Ах, как смешно, что боимся мы этих морщин!

Слушай, мальчик рукописный! Если бы мы были с тобой двумя разными людьми, встретив тебя сегодня, я пожелал бы рукописному тебе только того, что было позднее — в возрасте уже не рукописном.

Чтобы трудно, но твердо складывались твои слагаемые, только так чтобы разбегались вокруг твоего сердца годовые кольца.

Ты сумел набить шишки там, где набивало их все предшествующее тебе человечество. Ничуть не хуже ты умудрился обжечься на молоке, но не стал после этого дуть на воду. Тем более здесь, на краешке земли, на острове, входящем в группу островов Земли Франца-Иосифа, — чего уж на эту воду дуть? И без того холодная. Считай, что тебе опять повезло. Ведь трещина могла быть бездонной.

Мне опять повезло: трещина во льду, куда я провалился, не глубже пяти метров. Ау, Франц-Иосиф! Вон куда занесло — к Францу-Иосифу, к чертовой матери! Когда я хлопнул дверью и от всей души произнес: «К чертовой матери!» — я не думал, что она так выглядит. Точнее не бывает!

Надо выбирать: на станции уже, наверно, ждут. Шмалять из карабина пока не будем, попробуем сами, с помощью ножа.

Сплошное кино. Только почему-то не страшно, а смешно.

С помощью ножа, вгрызаясь... Всего полтора часа...

И еще сидя на краю трещины, нахально свесив ноги в недавнюю ловушку, увидел свои руки. Разбитые в кровь пальцы и содранные ногти. Увидел — и сразу ощутил боль.

Но появилась рукописный мальчик, трамвайный безбилетник, мальчик-улыбальчик, вытаскивающий из колоды памяти самые престаранные карты, фокусник-картежник, память-усмиритель, годы-тасовальщик.

Ночью, полярной ночью, когда ветер достигает такой силы, что его можно увидеть, когда четыре радиоантенны и стальные тросы-оттяжки начинают выть от ужаса, у меня такое чувство, будто я сплю внутри громадной гитары.

Ты скажешь — цыганщина? А я скажу: поживи-ка здесь один среди четырех ледяных антенн полгода, так тебе и не такое покажется. Зеленому глазу приемника не скажешь «кис-кис», не погладишь. Вот так от вертолета до вертолета продумаешь всего себя насквозь, поговоришь с собой, что же ты, скажешь, падала, не сделал того-то и того-то, не пришел в нужный час к тому, кто ждал, сослался на занятость?

Все заняты, заняты, заняты... А на деле — стоишь на месте. На одних старинных часах была латинская надпись: «Что стоишь? Время уходит».

А знаешь, чего хочется больше всего? Больше всего хочется дерево посадить. Вот живешь здесь, ходишь по льдам, месяц, месяц, третий, пятый, и за тобой, как пес, таскается мысль: «Дерево посадить!»

Может, идея-фикс, а я считаю: земля зовет. Дерево тоненькое посадить, дожить до его густой, узорчатой, как вышивка, тени, прийти к нему: «Это я, Дерево. Столько вот я успел, пока тебя растил, сделать, таким стать. Люблю тебя, Дерево. Еще сидя в арктических льдах, любил тебя и мечтал о тебе, большом. Прости меня, ничего уже не могу, трава сильнее меня, дети умнее меня, возьми меня к себе, Дерево...»

Да, а вот про айсберги, ты это в голову не бери. Помнишь, сидели мы с тобой неделю назад у южных створов, у открытой воды, когда два айсберга столкнулись? Все же я думаю: у людей по-другому. Айсберги где-то отрываются от ледников, кочуют, мыкаются одиноко по морям, потом вдруг встречаются и притягиваются. Одиночество толкает их обняться. Они stalkиваются, обламывают друг другу бока, калечатся, а потом расходятся. Долго еще плывут они параллельно, потом все шире и заметней полоса воды между ними, все дальше расплываются и — навсегда.

Конечно, это музыка, когда stalkиваются два айсберга, я тоже не забуду эти ледяные возгласы, стоны и крики. Но мне было больно...

Нет, люди, однажды обнявшись, уже не могут так просто — бесследно и навсегда. Во сне снятся, вспоминают, лбы морщат, за сердце хватаются, кланут, жалеют, бросаются вдруг через десятки, сотни, тысячи километров на поиски и, встретившись, убеждаются, что и у другого болит. Айсбергам, наверно, тоже больно, но айсбергам не снятся сны...

И знаешь, когда живешь на макушке земли, когда из черных наушников хлынет вдруг в тебя какая-нибудь континентальная беда, так хочется броситься на лед, схватить руками и зубами этот самый узел меридианов, чтобы он не развязался, не лопнул, чтобы не выскользнула из своей сетки Земля, вцепиться в эти невидимые постромки и заколоть черной пуговкой. Только крутись, только вращайся, живи...

Город, в который я приезжаю плакать. Нет, не размазывая слезы по щекам, а плакать слезами в себя, внутрь.

Где моя голубятня?

Сизари, турманы, почтари и пара белых, за которых я отдал настоящий футбольный мяч, где они, Небо? Я еще смогу похвастаться в два пальца, стоя с шестом на припекающей пятки соседской крыше!

Где мои соседи, которым я перебил столько стекол? Я, может, затем и приехал, чтобы вставить все стекла!

Где мое дубровское дупло с долгожданной запиской о встрече?

Где моя школа? Я хочу сдать главный экзамен и, кажется, в первый раз без шпаргалки. Где мой шпаргалки?

Где Мое Все?!

Нет моей голубятни, съехали соседи, спилили дубровское дерево, школу свесли. Скрути жгутом и запаши факелом свой аттестат зрелости, бегай, ищи-свищи, только тройки-четверки с пятеркой за хулиганское поведение будут трещать и капать горячей смолой на новенькие асфальты.

Плач-Город, Свет-Город, Поцелуй-Город.

У слепого старика, выстуживающего пальочкой мою улицу, я не спрошу диагноз. Я сам знаю, что случилось. Ничего не случилось. Это новый виток вальса, под который одни — быстро, другие — медленно — все мы кружимся, и мало ли что мне хочется погонять голубей? Но если я проживу столько, сколько мне хочется прожить, я постараюсь не приехать к тебе, Свет-Город, потому что к тому времени душа моя, как сказал один мой друг, будет полна слез по самым очам, и нельзя больше будет плакать слезами внутрь себя, и они хлынут из переполненного меня по морщинистому, как серебряный тополь, лицу.

А самое высокое в городе место — могилка отца...

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Александр БАБКИН,
секретарь комитета ВЛКСМ
Владимирского
ордена
Трудового Красного Знамени
тракторного завода
имени Жданова

бычное дело: на цеховом собрании разбирались поведение молодого прогульщика. О нем все говорили с возмущением, и парень был красный как рак. Недалеко сидел пожилой рабочий, всеми уважаемый человек. И тоже краснел, хоть за свою трудовую жизнь не пропустил ни одного дня работы без веской причины. Это был наставник рабочего, совершеншего прогул. И наставнику в тот день досталось.

Прочитав речь Л. И. Брежневца на XVII съезде ВЛКСМ, я обратил особенное внимание на место, где он говорил о чувстве коллективизма как неотъемлемой части коммунистической морали. И, вспоминая о том собрании, как бы заново понял его смысл. Ругали прогульщика. Это справедливо. А наставник — разве так уж он виноват! Была минута, когда я готов был посочувствовать пошлому рабочему. Но был бы неправ. И вот почему. В настоящем коллективе, радом с товарищами человек становится сильнее, умнее. Но для того, чтобы группа людей стала действительно коллективом, нужно многое, в том числе члены этой группы должны обладать чувством коллективизма, то есть не ставить свои интересы выше общественных. А с чего начинается коллективизм? С ответственности за товарищей и за общее дело. И если рассуждать так, то станет ясно, что наставника тогда ругали по справедливости. Он взялся за воспитание молодого рабочего, но был недостаточно внимателен, настойчив, и прозвонил срыв.

На нашем заводе сейчас широко развернулось движение наставничества, особенно после того, как к нам приезжал Герой Социалистического Труда С. С. Витченко. Он выступил перед начальниками цехов, мастерами, комсомольским активом. Слушали его с огромным вниманием и под конец забросали вопросами.

На нашем заводе 320 подростков, из них 280 уже имеют наставников. Это движение развивается так широко не только потому, что была потребность в нем. Дело и в том, что оно соответствует духу наших людей, неравнодушных к судьбам товарищей.

Коллективизм, чувство ответственности — они пронизывают всю нашу жизнь. Я задумался, какими фантазиями можно эту мысль проиллюстрировать. И понял, что можно брать любое событие нашей заводской жизни. [Оговорюсь сразу, что вовсе не претендую на полное раскрытие этой темы — коллектив и личность, а возьму один узкий ее аспект, наиболее близкий к отношениям на производстве]. Например, такое. В прошлом году в первом моторном цехе началась реконструкция участка коленавалов. Проводить ее на ходу, не прекращая работы, оказалось невозможным. Участок остановили. Заготовленных впрок коленавалов должно было хватить ровно на две недели. За это время предстояло вырыть котлован и произвести ряд других работ. И тут выяснилось, что рабочих-строителей не хватает. Пока начальство искало новых, комсомольцы цеха решили сами принять участие в строительстве. В течение

двух недель они оставались в цехе после работы. Реконструкция была завершена точно в назначенный срок. Или такой пример. Еще недавно одним из самых узких мест на заводе было прессовое производство. Рабочие там не закреплялись. Из-за постоянной текучести кадров коллектив «разболтался». Комсомольцы цеха, которых беспокоило такое положение дел, предложили создать в прессовом цехе комсомольско-молодежные бригады. Бригадиром поставили авторитетных, надежных людей — Екатерину Сурнову и Надежду Иванову. Две сильные бригады как бы цементировали коллектив, и уже через несколько месяцев прессовый цех перевыполнил квартальный план, чего давно не случалось.

Люди, способные так ответственно относиться к делу, не могут быть равнодушными и к товарищам. Одно время много беспокойства доставлял всем паренек из прессового, Саша Лавров. Он хулиганил, прогуливал, как-то крупно подрался. К этому времени уже были созданы комсомольско-молодежные бригады, и комсомольцы взяли Сашу под надзор. Постепенно его втягивали в комсомольскую работу, давали интересные поручения. Сейчас о хулигане с фамилией Лавров никто не помнит. У нас есть хороший комсомолец с такой фамилией.

Но не подумайте, что человек должен обязательно подраться, чтобы на него обратили внимание. Мы пытаемся создать на заводе такую систему, при которой ни один человек, нуждающийся в помощи или особом внимании, не был незамечен. Часть этой системы, конечно, наставничество, о нем уже шла речь. Многие делают и советы молодых рабочих, существующие при цехах. Правда, не везде они работают в полную силу. Для того, чтобы эффективно влиять на кого-то, нужно знать о человеке по возможности все. Члены советов собирают такие сведения. Например, у каждого новичка подробно выясняют, что он умеет делать, а чему еще не научился, чем увлекается, какое комсомольское поручение хотел бы выполнять, деликатно выясняют положение в семье — не нужна ли помощь с жильем и т. д. Все данные записываются в специальные тетрадки, и в дальнейшем это служит основой для работы с новичками. Но бывает и так, что на этом дело кончается. Наверное, именно такие промахи в нашей работе дают основание некоторым ребятам спрашивать, как спросил токарь Вячеслав Бязев: «А что мне дает комсомол!» И хотя такая постановка вопроса откровенно потребительская, ясно и другое: благие намерения надо доводить до конца. Тем более что на заводе уже сложилась система, с помощью которой коллектив может оказывать каждому члену максимум помощи и внимания.

Наставники и члены советов молодых рабочих заботятся о новичках, следят за качеством их обучения, за своевременным переводом на новый разряд. Все это касается вопросов чисто производственных. Так же настойчиво мы следим за учебной комсомольцев. Канун каждого учебного года для нас — страдная пора. Комсорги выявляют «неучей», убеждают

их записаться в ШРМ, а затем строго следят за посещаемостью. Тем, кто пошел учиться, предоставляются различные привилегии. Для них сокращают сроки перевода с разряда на разряд, им в первую очередь предоставляют место в общежитии (у нас многие еще живут на частных квартирах). В конце учебного года у тех, кто успешно работал и учился, квартальная премия выше, чем у тех, кто не учится. Словом, многое делается на нашем ВТЗ, чтобы юноши и девушки овладевали знаниями. Правда, результаты нас пока не полностью удовлетворяют. В прошлом году в ШРМ пошло 420 рабочих, а надо бы 500—550. Но и из 420 отсело больше пятидесяти. Значит, снова нужно их агитировать, убеждать.

Кому здесь главная выгода! Только ли заводу! Нет, конечно. Убеждая юношей и девушек учиться, мы заботимся и о каждом из них. Кто-то из учащихся ШРМ может в силу каких-либо обстоятельств покинуть наш завод. И что же означается: наши силы потрачены впустую! Нет. Мы ведь агитировали не только из «корыстных» соображений. Мы делали это и потому, что чувствовали ответственность за будущее человека, где бы ни пришлось ему работать в дальнейшем.

И производственная жизнь, и учеба, и досуг — все должно стать предметом забот коллектива. Но это может оказаться пустой фразой, если коллектива нет, если КАЖДЫЙ его член не горит желанием сделать что-либо для другого. У нас есть много дел, которыми комсомольский коллектив завода может гордиться. Но для нашего разговора очень важно выяснить, результатом чьих конкретно усилий эти дела являются — всех членов коллектива или только некоторых из них.

Сила комсомольского коллектива — это сумма усилий каждого. Я уже говорил, что коллективизм, по моему разумению, — это в первую очередь ответственность. В каждом коллективе есть люди с обостренным чувством ответственности, это наш актив. На заводе гремит имена бригадиров Валентины Фадеевой и Али Сидеряковой. Если затеяется какое-нибудь новое дело, ищи там Фадееву или Сидерякову. Они были первыми и в соревнованиях с Ярославскими рабочими и на трудовой вахте в честь XVII съезда комсомола. На заводе успешно выполнен комсомольский встречный — выпущено сверх плана 25 тракторов а честь 50-летия присвоения комсомолу имени В. И. Ленина. Чей почин! Опять Сидеряковой. Но должен честно признаться: таких инициативных, ответственных комсомольцев, как эти девчата, у нас немного, хоть на заводе две тысячи членов ВЛКСМ. Слов нет, не все могут стать героями дня, но внести свой, пусть скромный вклад в копилку комсомольских мероприятий, идей, идей по силам каждому. А между тем немалая часть из двух тысяч пребывает в состоянии мирной спячки.

В чем видится причина такого положения! Отчасти в том, что комсомольцы — и в школе и на заводе — порой привыкают быть объектом чьих-то забот. Получил двойку — и тебе прикрепляют отличника. Запорол

«Активно использовать обмен комсомольских документов для того, чтобы еще выше поднять звание члена ВЛКСМ, ответственность за принадлежность к Ленинскому комсомолу — верному помощнику и резерву Коммунистической партии».

Из постановления
II Пленума ЦК ВЛКСМ

ВО ВСЕХ

РАЗГОВОР НАЧНСТОГУ.
Фото Владимира ЧЕЯШВИЛИ

деталь — к тебе прикрепляют шефа. «Объекты» такого воспитания нередко начинают относиться к окружающим потребительски и только ждут, ждут от всех помощи. Этим ребятам мне хочется привести слова Расула Гамзатова: «От молодых не требуют стать великими, но им нельзя быть маленькими. Им необходимо быть взрослыми, отвечающими за себя. Ты не взрослый, если не отвечаешь за себя. Ты не взрослый, если отвечаешь только за себя. Ты — за всех, потому что все за тебя».

Во втором моторном цехе работает Виктор Щ. Во Владимир он приехал из деревни и первое время жил на квартире у родственника. Тот оказался большим любителем выпить, и Виктор стал ползать, прогуливать... Пришлось пригласить его на бюро цеха. Парню досталось, но ребята решили ему помочь — избавиться от близкого соседства родственника. Место в общепитини выхлопотать не удалось, но Виктору помогли найти жилье на частной квартире, которое оплачивает завод.

С тех пор прошло два года. Я решил поговорить с парнем, узнать, как его дела, и пригласил зайти в кабинет комсомола.

Виктор глядит змуро, держится независимо.

— Ну, как у вас в цехе с комсомольской работой?

— Не знаю. Там кто-то работает.

— А ты помогаешь товарищам?

— Да когда кто домой идет пьяненький, поддерживаю.

— А удерживать от пьянства?

— Я им в рот не лью, и хорош.

Вот вам типичная философия равнодушных! Самому-то Виктору помощь товарищей ой как понадобилась! А мысль о том, что он и сам может сделать что-либо для товарищей, для комсомольской организации родного цеха, не пришла в голову. Разговор с Виктором возмутил меня до глубины души. И все-таки хочу разобраться: почему он такой!

Вспоминаю, что впервые серьезно ощутил ответственность, когда стал старостой в институте. До того сам

был не прочь опоздать, пропустить занятие. А тут будто другая жизнь началась. Я почувствовал, что не имею права давать ребятам поблажку, что должен быть строгим ради них же. Какой вывод из этого следует? Ответственность начинается с ответственного дела. У Виктора, как выяснилось, такого дела не было. И здесь виноват уже не только он, но и комсорг и весь цеховой актив.

Чего не хватает Виктору! Ответственности, активности, инициативы. И, если задуматься, принципиальности. Как пренебрежительно он сказал о комсомольской работе цеха: «Кто-то там работает». Не ираются, как этот кто-то работает, но ни разу ведь не сказал об этом прямо, на собрании, предпочитает, как я знаю, критиковать за глаза.

Вспоминаю такой случай. Когда я еще работал в отделе главного конструктора, нас лишили первого места в соревновании за то, что один парень прогулял несколько дней. Бурю негодования вызвало поведение парня, его чуть в порошок не стерли.

Был бы такой скандал, если бы из-за безответственности одного не пострадали все! Нет, к сожалению. Нередко бывает и так: на собрании стыдят какого-нибудь выпивоху или лодыря, а после собрания его же потихоньку успокаивают: ты, мол, пойми, так было нужно. Многие поступают так из ложно понятого чувства товарищества, а на деле это беспринципность, безответственность. А там, где царит безответственность, нет и настоящего коллектива.

Сейчас, когда близится начало кампании по обмену комсомольских документов, такое положение просто недопустимо. Готовясь получить новый билет, каждый должен спросить себя, со всей ли ответственностью несет он звание комсомольца.

Молодежь объединяется в союз для того, чтобы жить ярче, становиться богаче, глубже. Цель эта может быть достигнута только в крепком, здоровом коллективе, который несет ответственность за каждого своего члена. И где каждый ощущает свою ответственность перед всеми.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПОЭТОМ

Стихи Ирины Пугляевой впервые услышал я на занятии литературного объединения «Высота», которым руководит поэт Михаил Беляев.

Надо сказать, что это вообще интересное объединение, где занимаются способные, требовательные люди, со строгим вкусом, имеющие уже заметные творческие достижения.

Стихи Ирины Пугляевой сразу же обратили мое внимание и внимание всех слушателей какой-то светящейся, трепетной юностью, радостной открытостью жизни и людям, свежестью восприятия мира и людей, радужностью видения мира. Одно из

своих стихотворений она так и называет «Триумфальные радуги».

Разумеется, это пока только начало, но, по-моему, начало хорошее, обещающее.

Я верю в истинность чувств и мыслей, которыми продиктованы стихи Ирины Пугляевой, я вижу довольно крепкую уже «поэтическую хватку» ее, живую — и что очень важно — современную поэтическую образность, трепетность и взволнованность ее строк и от души желаю ей доброго пути!

Михаил ЛЬВОВ

Ирина ПУТЯЕВА

Триумфальные радуги

О шестиве весеннее дождей
сквозь блеск парадный радуг
триумфальных!

Те радуги — как руки у детей,
цепочкою идущих по асфальту...
А позади шагает моя дочь
с веселым мальчуганом в паре.
Он ничего, трехлетний этот парень,
и так красиво говорит про дождь.
Он говорит, что дождь пройдет...

потом,
когда дадут карандаши цветные,
он нарисует девочку в альбом
и радуги над нею голубые...

Люблю я день, его начало:
дорожку первую в снегу,
трамвай,

что мчится величаво,
откинув, как рога,
дугу...

И в это время —
как обычно —
смешная стайка воробьев
берет как будто бы в кавычки
всю строчку белых проводов.

Вся жизнь — нелегкие этапы.
Случится так, что не прилечь,
случится — уберут, как трапы,
опору чьих-то крепких плеч,
случится... Лишь бы не с тобой
пришлось, любимый, расставаться!..
Люби сейчас меня такой,
какой я буду через двадцать!
Сейчас, сейчас, а не потом,
хотя б тайком, хотя б украдкой,
предугадай, что станут складкой
смешинки, что ты ловишь ртом.
Проступки старят нас, простуды...
и горести... Но мне видна
та соль, что вдруг — как седина,
когда она насквозь проступит!

О, не напиться из ручья,
не преклонив пред ним колени!
Наверно,

так же пьют олени...
Вода искринками луча
играет,

а потом, под вечер,
в неугомонной тишине,
как рыба,
нерестится вечность
на звездном и песчаном дне.

Январь

Январь, он вовсе не богат,
и серебро его непрочное.
На крышах с белой оторочкой
угрюмый догорал закат.
А там, где выводил родник,
подобно жаворонку, трели,
подняв сугроб, как воротник,
кусты рябин макушки грели.
Стоял какой-то неземной,
застывший дух над тем прилеском.
Не то чтоб холодно зимой —
зимой не очень интересно.
Зимой все выглядит не так,
все скрыто тайною и стужей...
Чудно, что станет просто лужей
комок, звенящий, как пятак.

Зимы заснеженной сюрпризы,
проказы месяца-враля —
как бы в серебряные ризы
одеты утром тополя.
Февраль, как лики холодны
берез! И как они неясны!
Рябинам — гроздь седины!!
Скажи, зачем ты подпоясал
тяжелым белым кушаком
тропинку ту, за большаком,
которая меня водила
к стогам, уснувшим у воды!!
Я каюсь: я тебя любила,
не помня, как цветут сады...

Песня

Как пела эта девушка, как пела!
Она была вся искренность, порыв.
Зато другая молча вниз смотрела,
погаснув, подбородок уронила.

Я знал из сказанного здесь
заранье
о зависти вот этой, грустной,
к той,
к поющей, что с бесстрастной
простотой
«выкладывала» песнь о шарабане.

Но вдруг и к грустной подкатила
вмиг
волна из мелодической купели
и охватила, и тогда на крик
вдруг вспыхнула — и вот уж двое
пели.

Я наслаждался единеньем их,
открывшим неожиданные грани
в той песенке, где музыка и стих
печально говорят о шарабане.

Они за душу брали простотой
и в нас будили... счастье, боль
и зависть —
с такою ясностью и наготой
глаза в глаза с улыбкой
погружались.

Ах, как эти низовья богаты!
Просто какая-то земля обещанная.
Здесь рыба превышает стандарты
И ходит красиво, как женщина.

Но светлее становится просишь,
А дни все тише и тише.
И тогда кругом ты смотришь:
осень!
А у тебя нет друга и нет крыши.

И неожиданно что-то меняется
на свете —
Отеплились деревья и заборы,
Леса и дороги — в очарованном
свете
Луны, что без звука летит
по чистым просторам.

И тогда крестьянка уходит в прорубь
Погребка и из нижнего яруса
Выносит вам тяжелого, как скорбь,
Прекрасного живого хариуса.

Береза мне милей всего весной,
когда в ней солнце по утрам
гнездится,
и в зелени ее, еще сквозной,
не поселилась никакая птица.

Клен осенью погас позднее всех,
и он листвою колдовать не станет,
он помнит: в глубине таятся снег
и тает медленно... пока не стает.

Но что березке ранней холода,
предчувствуемые, быть может,
кленом!
Тепло и влажно дышит борозда.

В своем убранстве чистом и зеленом,
она согрета нежностью земли,
покрыта малахитовою пылью.

И в воздух прыгает комок земли
и жаворонком расправляет крылья.

Нет, вид меня не подведет:
Ни густ, ни сочен,
Не может быть румяный плод
Без червоточин.

И точно — нет в природе вод
Без населенья.
И в этом смысле чистый плод —
Предмет сомненья.

А точно ли хорош он так,
Одетый в листья!
А что же отступил червяк —
Из бескорыстья!

В холодном городе, в снегах
затерянном,
В ярком воздухе, морозном и ясном,
Думать с постоянством злым
и неуверенным
О пальцах твоих длинных, о лице
прекрасном.

И видеть тебя яркою, завьюженною
В кристальном снеге, только
менее яром,
Как ты проходишь с сумкою,
нагруженной
Легкими игрушками, елочным
базаром.

И, сойдя с поезда походкой легкой,
Смеешься оттого, что путь недалог,
И поешь и идешь к ним тоненькой
тропкою
Между старинных кедров
и нахохленных елок.

И, слышав, как скрипит лестница,
Бегут они к двери: «Тут мы, тут!»
И колотятся их маленькие сердца
Серебряным молоточками:
«Тук, тук».

Валерий ЛЕВЕНКО

Туман,
шагами не примятый,
сползает с гор...
Еще темно.
И льется запах росной мяты
ко мне в раскрытое окно.
На миг забыты все заботы.
Цветет луна в сырой тиши.
Негромко прожитые годы
шумят, как в полночь камыш.
А звезды,
словно лягушата,
ныряют в степи без конца,
и не могу я надышаться
лиловым дымом чебреца.
И юные ветра,
как прежде,
взлетев над берегом, поют,
и, хриплый клич трубя,
надежды
душе покоя не дают.

Иду, готовый ко всему.
Со мной ветра идут, как братья.
Навстречу морю своему
я настуже распахнул объятия.
Иду —
волнует душу даль.
Иду —
надежды неразвенчанны.
Иду
и чту за щедрый дар
пьянящий взгляд
красивой женщины!
О, яростная радость дня!
Проливя пылает синим светом,
и чайки,
веселя меня,
летят на берег
теплым снегом.
Люблю подаренный мне век,
Его соблазны
душу дразнят!
Я так решил:
являсь на свет,
я пригласил себя на праздник!
Такая солнечная грусть
ворвалась в радость штормовую —
что вот живу, живу, живу я
и никогда не наживусь!

Жестокость или доброты —
губами губы греть немилкой,
слова случайные, немые
ронять без жара и труда!
Дарить заждавшейся тепло
и жестко знать, отняв ладонь,
что нежность все равно затонет,
как тонет с лишним грузом плот.
Беспечно слышать:
«Буду ждать!..»
Благодарить чуть виновато,
пообещать прийти когда-то
и новой встречи
не желать!
Хочу понять
и не пойму:
ну, почему я добр недобро!..
Толкает сердце-бес под ребра:
«Потом увидим,
что к чему!»
Звучит укором
за спиной
щелчок замка.
Бреду я снова,
ни в чем как будто не виновен
и все же мучаясь
виной.

ЧИТАТЕЛЬ:

МНЕНИЯ И СОМНЕНИЯ

«Помоги ему стать счастливым»

«СМЕНА» № 21, 1974

Когда я начал читать письмо Оли С. в «Смене», то с первого же абзаца почувствовал, что это пишется и обо мне. Правда, учился я в школе давно. Но и у нас в классе была группа ребят, которые хулиганили на переменах, грубили учителям, были слабыми.

Не помню уж, кто и как предложил, но в один прекрасный день мы, 27 учеников одной школы, собрались в старой башне и поклялись друг другу, что вступим в борьбу с хулиганами в нашей школе, в парке и в клубе консерватории. Короче, мы объединились для борьбы со злом и вскоре нашли поддержку не только у остальных ребят, но и в милиции.

Мы договорились не курить, не ругаться и подтянуться в учебе. После занятий ходили в МТС учиться на трактористов, так как фронт ежемесячно забирал кадры с тыла. Позже мы создали агитбригаду «Дан приказ: ему на запад» и выступали перед ранеными бойцами в госпитале. Тушили пожары в городе, и к тому времени все бывшие хулиганы были уже вместе с нами. Почти все мы впоследствии стали офицерами Советской Армии.

А теперь представь, Костя, что было бы с нами, если бы мы тогда пошли утверждать свое «я» с теми, кто хулиганил и плохо учился. Думаю, ты понимаешь, что я имею в виду.

Так вот, Костя, мой тебе совет: разворачивайся на 180 градусов без расщипки и раздумья, поворачивайся лицом к добру, и ты будешь счастлив! А вместе с тобой будут счастливы твои родители, все, кто знает о тебе из письма Оли С.

Н. СТОЛБЧАТЫЙ,
г. Тула

Сразу снажу, что ответ писателя Л. Жуховицкого Оли С. мне от души понравился.

Я думаю, что в том, что Костя, тот самый слабенький, неприметный Костя, стал курить, «обманывать, терять доверие», что класс, в котором учатся Костя и Оля, распался на два лагеря, виноваты прежде всего сами ребята. И ты, Ольга, виновата во всем случившемся вместе с остальными.

Вы забыли о простой человеческой истине: коллектив — сила, да еще каналь сапал! Поэтому, ребята, подумайте хорошенько, как часто вы, мальчишки и девчонки, бываете неправы по отношению друг к другу. Почему вы зачастую забываете хорошее правило: «Один за всех, все за одного»? Почему порой, когда не надо, вы умалчиваете хорошее и молча же прощаете плохое? Где ваша сплоченность, честолюбие, самоотверженность, дружба?

Дорогие ребята! В ваших силах сделать свой коллектив дружным, чистым, справедливым. Желаю вам от всей души идти всегда рука в руку, плечом к плечу, и вы вскоре увидите, как легко и радостно вам станет вместе.

Эдуард ЕФИМЕНКО,
г. Волгоград

По-моему, дело тут обстоит гораздо сложнее. Костя просто-напросто тайно влюблен в красивую одноклассницу. Но, по природе своей застенчивый и невзрачный (а это как раз и вырабатывает сознание неполноценности), он не может рассчитывать на взаимность. Но скрытые чувства раздражают его самолюбие. И тогда, как всплеск отчаяния, как мститель всем за свои переживания, которых никто не понял, за неприглядность свою, Костя, желая все же хоть чем-то обратить на себя внимание, выбрал другой способ, сразу снажу, отнюдь не лучший: вранье, грубость, кулаки.

Я, Костя, был в похожей ситуации. Но я все же нашел в себе силы и выбрал другой путь. Занялся боксом. Из единственного желания дать сдачи своему обидчику, доказать свою силу. И, снажу откровенно, я своего достиг. Но, пройдя вскоре этот этап «самоутверждения», я пошел еще дальше и уже по-настоящему отдался спорту. И все то, из-за чего раньше во мне разгоралось желание сделать что-то плохое, незаметно отодвинулось, а потом и совсем исчезло. Все наносное, пришедшее с детства эгоизмом, улетучилось.

Поэтому вот мой тебе совет, Костя: в жизни каж-

дый час, каждую минуту приходится преодолевать какие-то трудности. Тебе же прежде всего надо преодолеть себя, свою застенчивость, стать общительным и веселым парнем. Словом, чуточку смотреть дальше своего носа.

Короче говоря, Костя, займись спортом. Он даст тебе все то, о чем ты мечтаешь и чего не добьешься ни курением, ни ложью, ни хулиганством. Тогда тебе не нужно будет ничего изобретать, чтобы отстаивать за собой право быть личностью.

Виктор ПАВЛОВ,
кандидат в мастера спорта по боксу,
г. Прокопьевск

Здравствуй, Костя!

Прочитал в «Смене» о твоей прошлой и настоящей жизни и хочу помочь тебе выбрать правильный курс в жизни.

Мне не верится, что ты окончательно растерял все то хорошее, что дали тебе школа, родители, близкие. Может быть, тебе поможет разобраться во всем короткий рассказ о классе, в котором я когда-то учился. Сейчас мне 28 лет. Я тоже не был сильным и не мог особенно похвалиться отличными отметками. У нас в классе было 10 мальчишек и 16 девочек. Нашей мальчишеской дружбе завидовала вся школа. Нам не нужно было драться, чтобы завоевать себе уважение: нас уважали за дружбу. А сплотила нас одна мечта: мы все хотели быть летчиками. Помогали друг другу в учебе, ходили в одну спортивную секцию. И вот результат: 6 человек окончили летные училища и сейчас летают в разные уголки Советского Союза. Двое стали авиационными инженерами, двое офицерами.

Мне кажется, что жизнь человека похожа на полет самолета. Сначала разбег. Здесь главное — выдержать направление. Чуть в сторону — и не взлететь, а может случиться и катастрофа. Затем — набор высоты. Каждый человек и в жизни набирает свою высоту, и тут тоже важно набрать ее правильно, не перетянуть ручку или штурвал. А дальше уже проще: выдержать правильный курс, произвести посадку и зарулить на стоянку. Теперь можно проанализировать весь полет.

Так и в жизни. Чем меньше ошибок, тем больше удовлетворения, уверенности, что прожил жизнь не зря.

Вот и все, Костя, что я хотел сказать тебе и твоим друзьям. Повторяю, вы сейчас как бы разбегаетесь, чтобы начать жизнь. Помни, что главное при этом — выдержать направление.

Виктор СИДОРОВ,
командир самолета,
г. Вильнюс

Не могла равнодушно читать ответы писателя Л. Жуховицкого на письмо Оли С. Школу я уже окончила, но проблемы школьной жизни по-прежнему волнуют меня.

Прочитав твое письмо, Оля, я задумалась: почему же вы, ребята, не замечали так долго своего же одноклассника? Потому, что он был маленький и щуплый? Если так, то в вашем классе нельзя сказать, что это коллектив. А раз нет коллектива, значит, не будет и дружбы между ребятами.

Поэтому, я думаю, в том, что Костя «испортился», виноват не только он сам, но и вы, ребята, те, кто учится вместе с ним. И ты, Оля, виновата вместе со всеми.

Но, знаешь, Оля, мне кажется, что еще не поздно исправить положение в вашем классе. Постарайтесь вместе создать крепкий, дружный, сплоченный коллектив, изменить атмосферу. И, конечно, здесь обязательно должна сыграть свое веское слово комсомольская организация класса, вашей школы. Тогда и Костя почувствует себя частью настоящего коллектива и не будет вспоминать о школе с сожалением.

Валентина ЯКИМЧУК,
г. Кривой Рог

ПОХВАТ СНЕЖНОГО ПИЛОТА

А ТАМ ЖИЗНЬ ТАМ

Борис БАЗУНОВ,
Анатолий БОЧИНИН
(фото)

Стоит однажды увидеть состязания прыгунов с трамплина, чтобы надолго, если не навсегда, запомнить это удивительное зрелище: многотысячная, пестрая и на редкость одухотворенная толпа болельщиков, чье дыхание, кажется, колеблет флаги; строгая, холодная эстакада, низвергающаяся вниз снежным потоком; крошечная фигурка лыжника, которая черным комком начинает катиться по горе разгона, а потом, будто подброшенная ладонью трамплина, повисает в воздухе над снежной пропастью...

Одних зовут к заснеженному гиганту воспоминания смелой до безрассудства молодости. Других за руку приводят родители, не подозревающие порой, какой урок мужества преподают их малышам улыбающиеся парни с тяжеленными лыжами на плечах. Люди всегда склоняли голову перед истинным бесстрашием, всегда верили настоящему вдохновению.

Вот и этой зимой красочные и масштабные, неизменно драматические поединки прыгунов собирают неравнодушных зрителей на Утусах под Свердловском, на каволовских холмах под Ленинградом, на склонах кавказских горных великанов в Бакуриани, на енисейских сопках у Красноярска. По традиции наши зимние спартакиады, игры и турниры на снежных стадионах завершают именно прыгуны с трамплина. Их состязания стали своеобразным «десертом» зимних праздников.

Родной прыжок с трамплина считается провинция Телемарк в Норвегии, где издавна народные празднества не обходились без состязаний лыжников.

Одно из таких традиционных торжеств, на современный, правда, лад, мне довелось увидеть в окрестностях города Кронсберг. Воистину чудеса ловкости и изобретательности демонстрировали местные любители лыж. В скоморошьях нарядах они прыгали с небольшого трамплинчика. Да при этом еще делали сальто с лыжами на ногах! Или сбрасывали в полете лыжи и исчезали в огромном сугробе. На снежной арене разыгрывались сцены из народных сказок — потешные и лукавые. Веселье было главным достоинством этих игр. Причем совсем не бросалось в глаза искусство, с каким участники спортивного концерта владели лыжами.

С незапамятных времен у норвежцев наибольшим почетом пользовался тот, кто стремительнее других мог промчаться по горному склону или пролететь над заснеженной поленицей дров. Молва утверждает, что лучше других это делал лесоруб Сандре Нордхейм.

И уже не легенды, а спортивные хроники рассказывают о том, что до недавнего времени Белые олимпиады проводились в отблесках огня, доставлявшегося из норвежской деревушки Мюргедал, где он рождался в каминной домика, в котором сто лет назад жил Сандре Нордхейм.

По старинным гравюрам можно проследить, как зарождался спорт людей, которых никак не причислишь к робкому десятку. Потомки отважного норвежского лесоруба пролетали десятков-другой метров по воздуху, распрямившись во весь рост, как это выходит теперь у любого мальчугана, если он решается с обрыва махнуть в овраг. Они не ведали, что создают современный аэродинамический стиль, с помощью которого нынешний прыгун в начале полета поднимает вверх носки лыж, наклоняет к ним тело и скользит по упругой воздушной волне.

Норвежцы, финны и шведы доминировали на трамплинах мира почти целое столетие. В искусстве парения им не было равных ни на мировых первенствах, ни на зимних олимпиадах, на которых, как известно, разыгрывают по две золотые медали: за прыжки с 70-метрового, а затем с 90-метрового трамплина.

Авторитет северян был поколеблен лишь в пятидесятых годах: в 1958 году москвич Николай Каменский, один из элегантнейших прыгунов недавнего прошлого, победил норвежцев, как говорят, «на их поле». На традиционных Холменколленских играх в присутствии более ста тысяч зрителей он не оставил надежд соперникам двумя безукоризненными по чистоте исполнения прыжками [окончательная оценка выставляется судьями по сумме баллов за два прыжка, оценивают-

ся длина прыжка и техника исполнения; максимально высокая оценка за стиль — 19,5 балла, минимальная — 11—13, за падение при приземлении оценку могут снизить до 10 баллов]. Кстати сказать, советские летающие лыжники чаще, чем спортсмены нескандинавских стран, выигрывали турниры на знаменитом холменколленском трамплине близ норвежской столицы.

Чувствительное поражение непобедимым дотеле асам нанес на Белой олимпиаде 1960 года Хельмут Рекнагель, которого в ГДР до сих пор именуют «крылатым парнем из Тюрингии». Тогда скандинавы впервые остались без золотой награды в соревнованиях на трамплине.

На зимних Олимпийских играх 1968 года во французских Альпах беспорное превосходство продемонстрировали представители чехословацкой и советской школ прыжков с трамплина. Рабочий парень из Чехословакии Иржи Рашка и солдат Советской Армии Владимир Белоусов снова оставили без привычных наград и почестей родоначальников спорта мужественных и расчетливых.

На двух последних первенствах мира [1970 г. — Высокие Татры, 1974 г. — Фалун] двойные победы студента из Горького Гария Напалкова и военнослужащего Народной армии ГДР Ганса-Георга Ашенбаха окончательно изменили расстановку сил в стане сильнейших воздушных лыжников.

Но это был не последний удар по престижу скандинавов. И, увы, громкая слава недолго обременяла плечи наших чемпионов.

На Белой олимпиаде в Саппоро, столь счастливой для советской спортивной дружины в целом и столь же неудачной для наших прыгунов, чествовали покорителей трамплинов из Японии и Польши.

Успех японских мастеров и в первую очередь Юкио Касая на 70-метровом трамплине поверг в изумление многих любителей спорта. Однако самые пронзительные специалисты предвидели его. По признанию Акио Касая, наставника и старшего брата олимпийского чемпиона, путь к победе был бесхитростным и верным: прыгать, прыгать и еще раз прыгать — как можно чаще, на разных трамплинах, с разными конкурентами. Что ж, такой способ достижения спортивной славы известен. К интенсификации тренировок прибегали другой японский тренер, Хирофуми Даймацу, воспитатель знаменитой волейбольной команды фирмы «Ничибо», а также руководители гимнастических сборных Японии.

Второго олимпийского лауреата — 20-летнего электрика из Польши Войцеха Фортуну — привел к успеху иной путь. Он родился в Закопане, известном горном курорте, где почти из каждого дома виден трамплин «Большая Кроква». Это и определило его выбор. Впрочем, до олимпийского триумфа в Саппоро он не добивался каких-либо побед ни в своем городе, ни за его пределами. По поводу переполоха, который вызвала его победа в Саппоро, Войцех шутит:

— Прыжки с трамплина, как лотерея: десять раз проигрываешь, а в одиннадцатый все же вытянешь счастливый номер. Я постарался сделать это как раз на Олимпиаде.

Но когда журналисты слишком настойчиво твердили о сенсационности успеха, на все лады обыгрывая его фамилию [Фортунa — на всех языках фортуна, удача, счастливая и неожиданная случайность], он отвечал:

— Да, я никогда не побеждал своих соперников, никого из них. Кроме самого себя. У меня три сотрясения мозга, два раза я ломал ногу и столько же — руку. Вот теперь вы знаете, каков он, счастливчик Фортунa. Без этого я не стал бы, очевидно, олимпийским чемпионом. Без этого мне не

удалось бы пролететь сто одиннадцать метров. Этот прыжок — такая же случайность, как прыжок американца Бимона в Мехико.

Вместе с В. Фортунной и Ю. Касая в роли лидеров утвердились после зимних Игр 1972 года мастера, которые сочетают необыкновенную отвагу с завидной психологической устойчивостью и работоспособностью.

А есть ли среди наших соотечественников прыгуны новой формации? Позапрошлая зима дала нам классного прыгуна — Сергея Бочкова. Этот солдат Советской Армии обрел признание вначале у болельщиков и знатоков спорта Западной Европы и лишь потом на Родине. О нем заговорили как о «большой надежде русских» после турне по четырем трамплинам Австрии и ФРГ, на которых лучшим спортсменом мира оспаривают с 1953 года новогодний трофей.

Понятно, на примете у тренера сборной страны Владимира Татарничева не один Бочков. Назовем еще Боровитина, Калининна, Петрова... Они полны сил и надежд, готовы к борьбе с любым соперником. На кого же рассчитывать еще, как не на тех, кто молод смолоду!

Но вот кто восхищает всех своей неуязвимой молодостью, так это 39-летний Коба Цакадзе. Его первое выступление за рубежом буквально потрясло зрителей и специалистов. В отличие от других мастеров он не прыгал, а летал. Стремительные полеты Цакадзе рецензировали видные эксперты и бывшие чемпионы. В какой-то мере восхищение искусством советского спортсмена выражает комментарий в «Нью-Йорк таймс» известного теоретика лыжного спорта и бронзового призера Белой олимпиады 1948 года норвежца Торлейфа Шильдерупа: «Цакадзе — величайший в мире прыгун на лыжах до тех пор, пока не приблизится на 10 футов к земле. Цакадзе вообще не сгибает корпуса. Он держится прямо, без напряжения и постепенно наклоняется к лыжам так, что его лицо находится на расстоянии двух футов от лыж. При этом он держит руки по швам и не наклоняет головы. Его лыжные крепления и ботинки настолько свободны, что он касается лыж только пальцами ног. Советский спортсмен прыгает на огромные расстояния, и его полет чрезвычайно красив. Мы всегда считали, что прыгать нужно именно так, но я никогда не думал, что когда-либо увижу такой прыжок. Цакадзе невероятно смел. Он прыгает абсолютно без напряжения и сохраняет полный контроль над собой в полете».

О динамизме и новаторстве его стиля писали с удивлением, писали много и убедительно. Но, думается, не меньшего восхищения достойно спортивное долголетие этого темпераментного и насмешливого южанина. Двадцать лет неутомимый горец входил в сборную СССР, он участник четырех чемпионатов мира и пяти Олимпиад — всех зимних Игр, в которых стартовали советские спортсмены.

Кобу часто спрашивают, почему он не оставил спорт, не зачехлил еще свои лыжи.

— Почему! Разве вы не знаете, что я родился на Кавказе! А у нас люди живут долго, очень долго. Для наших горцев прожить сто лет так же естественно, как иметь пять пальцев на руке. Моей бабушке — за сто лет. Она еще на ногах. Брату моего деда — тоже за сто лет. Вот если бы мне исполнилось пятьдесят, то и тогда в семье меня называли бы юношей.

Именно спортсмены такого масштаба, как Цакадзе, за два последних десятилетия преобразили этот своеобразный вид спорта настолько, что теперь на трамплине проводятся не только традиционные конкурсы по прыжкам, но и новые состязания — по полетам.

Но что такое, собственно, полеты на лыжах и в чем их отличие от прыжков!

Современный полетный трамплин — сложнейшее техническое сооружение. Познакомьтесь с некоторыми характеристиками подобного трамплина в Оберсдорфе [ФРГ], где проходил чемпионат по полетам на лыжах 1973 года: максимальная длина горы разгона 145 метров, угол наклона горы разгона 39 градусов, угол наклона горы приземления 41 градус, высота трамплина от подножия горы приземления до стартовой площадки 188 метров.

В 1868 году известный нам Сандре Нордхейм с деревянного трамплина в Брукенберге совершил прыжок на 19 метров. Этот результат считается первым мировым рекордом дальности прыжка. К 1935 году рекордное достижение было передвинуто к отметке 99,5 метра [длина прыжка измеряется с точностью до полуметра по склону горы приземления от верхнего края горы разгона до места, где лыжник закончил прыжок]. И в том же году югославский инженер Станко Блоудек усовершенствовал конструкцию трамплина в Планице, надеясь увидеть прыжки за сто метров [мощность трамплина — это оптимальная, но не рекордная длина прыжка, на которую он рассчитан]. Все специалисты с сомнением покачивали головой, глядя на снежный гигант в долине Тамар. Для своего времени трамплин в Планице был сверхгигантом. Международная федерация лыж запретила тогда спортсменам приближаться к детищу инженера Блоудека на пушечный выстрел: раз трамплин не испытан, значит, он опасен. Конструктор сожалел только о том, что не может сам подняться с лыжами на стартовую площадку.

Однако следующей зимой в Юлийские Альпы приехал 17-летний австриец Зепп Брадль, взобрался на трамплин, ринулся вниз и... благополучно приземлился. Когда замерили его прыжок, оказалось, что он побил мировой рекорд: 101,5 метра!

С тех пор считается, что «сорви-голова» Брадль первым совершил не прыжок, а полет на лыжах. Ныне мировой рекорд принадлежит сразу двум смельчакам — Хайнцу Возипиво из ГДР и резчику по дереву из Швейцарии Вальтеру Штайнеру. Первый в Оберсдорфе [9 марта 1973 года], а второй в Планице [17 марта 1974 года] пролетели ни много ни мало — по 169 метров.

Чтобы представить себе подобное, допустите, что с одного берега Моксы-реки лыжник перемахнул на другой — с Ленинских гор на лужниковскую набережную. Любопытно, что рекордсмены во время счастливых попыток развивали скорость на горе разгона до 120 километров в час, а при приземлении — около 150 километров в час [на нормальном, 70-метровом трамплине максимальная скорость прыгуна достигает 80 километров в час]. Для сравнения сообщим вам, что наивысшая скорость саночника составляет около 96 км/час, горнолыжника — 94 км/час, бобслеиста — 84 км/час, спринтера-конькобежца — 47 км/час.

В середине февраля советские снежные пилоты соберутся на первый чемпионат страны по полетам на лыжах. Как не позавидовать тем, кто станет свидетелем праздника на гигантской эстакаде нового красноярского трамплина. На всякий случай напомним: абсолютное достижение СССР — 156 метров — принадлежит Юрию Калининну и установлено 12 марта 1973 года. Не исключено, что мы увидим о новом рекорде, но, как бы ни закончился чемпионат, сам факт его проведения — это торжество бесстрашия над сомнениями, это праздник отчаянных парней, стартующих с могучего плеча трамплина.

Евгений ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Наука «капитания»

Человек обязан получать от работы, кроме зарплаты, удовольствие. Так понимает Иван Леонтьевич Куренков, кузнец с Новосибирского литейно-механического завода, свое жизненное назначение. И еще есть у него потребность заботиться о своем деле, о тех, кто движет его дальше.

Первым его учителем был отец, деревенский кузнец, потом бригадир Федор Приходько. Но перед Куренковым открылись такие горизонты, о которых его учителя и не мечтали. Это естественно, ученики и обязаны идти дальше, но, постигая вершины мастерства, не нужно забывать, что, кроме чисто профессиональных связей, есть нечто большее, что связывает учителя и ученика. Это сфера духовная, сфера, которая формирует не просто мастера, но человека, личность.

О хорошем мастере и добром наставнике Иване Куренкове и рассказывается в очерке «Кузнец, сын кузнеца», давшем название новой книге Евгения Добровольского (Политиздат, 1974).

Книга эта густо заселена. Здесь живут бок о бок личности из Заполярья и стеклодувы из Гусь-Хрустального, металлурги Урала и машиностроители Украины. Открывается книга очерком «Фелисата Васильевна» — о прославленном металлурге Ф. Шаруновой, в дни войны руководившей фронтальной бригадой домеников на Нижнетагильском металлургическом заводе (статья, очерк был впервые опубликован в «Смене»). Они разные люди, Шаронова и токарь с Уралвагонзавода Анатолий Додор, изобретатель из Днепродзержинска Халит Рамазанович Юнсов, начальник отдела перевозок Воркутинского аэропорта Василий Филиппович Ветренников и молодой ученый Михаил Клычников, они разные по возрасту, опыту, образованию, но объединяет их одинаковое отношение к жизни и к людям, любовь к своему делу. И еще — смелость, потому что «трусость аморальна и отвратительна». И еще скромность, потому что «как в технике, так и в человеческих отношениях совсем не обязательно, что чем больше грохота, тем больше мощность».

Однако герои Добровольского ценю себе, своему мастерству и опыту знают прекрасно. Поэтому и спорит «профессор без диплома» Юнсов с настоящим профессором, пытающимся принизить значение его изобретения, поэтому вовсе не в шутку называет себя «скульптором по металлу»

мастер свободной новки Куренков, а расточник с «Уралмаша» Липин выдает своим ученикам дипломы.

Судя даже по этой книге, знаешь, что автор много ездит по стране, много видит. И знает жизнь не понаслышке. Инженер по образованию, он хорошо знает заводские проблемы и заботы изобретателей, писателя, он разбирается в людях, умеет точно нарисовать портрет человека, передать его мысли и чувства.

Один старый капитан сказал, что можно знать навигацию и лоцию, изучить правила предупреждения столкновения судов в море, говорить по-английски и, если угодно, по-французски и не быть капитаном. Герой Добровольского, дунайский речник Анатолий Ломов, считает, что есть такая наука — «капитания». Эту науку каждый осваивает по-своему, потому что все мы капитаны, все стоим на мостике своего корабля, и от правильности наших решений зависят судьбы товарищей, родных, наконец, судьба всей страны.

Может быть, «капитания» — это наука о человеческих взаимоотношениях, об ответственности каждого человека перед обществом? Именно эта тема и пронизывает крепко сделанную и прекрасно оформленную книгу Евгения Добровольского.

Анатолий БАРАНОВ

ПРОЗА

Зерна жизни

Для читателя «рождение» нового автора — всегда радостное событие, тем более если «новорожденный» оказывается талантливым.

С чем же входит в литературу Владимир Крупин? Короткие лирические миниатюры, бесхитростные рассказы старой женщины-матери (повесть в новеллах «Варвара»), наконец, повествование о вятских ямщиках — таково содержание сборника «Зерна» («Современник», 1974). Книга во многом автобиографична, и это придает ей художественную достоверность.

Автор как бы заново открывает для нас известное — жизнь крестьян на исконной русской земле, их думы и чувства, показывает формирование характеров под свежими ветрами эпохи. Главное же, что позволяет с интересом созерцать будто бы знакомые картины сельского бытия, — это, несомненно, своеобразный «угол зрения», четкая авторская интонация, ненавязчивая оценка изображаемого.

В центре повести «Варвара» образ простой русской женщины. Повествование ведется от ее имени, и мы получаем возможность довольно полно представить ее духовный облик, чувства, мысли, исполненные крестьянской мудрости. Видит Варвара и победные шаги НТР, стирающей из-

вечную грань между городом и селом («Легкая жизнь»), «Суп с крапивоной», и преумственность борьбы за свободу, против зла и угнетения («Обвод»). Другие новеллы представляют собой житейских правил, народных поговорок, за которыми целый пласт народной жизни, вековой мудрости («Поговорки», «Как нальешь, так и выпьешь», «Пустоцвет», «Шоколадка», «Свои глаза»). Такие новеллы, как «Сбрось мешок!», учат видеть красоту природы, ощущать ее эстетическое воздействие на трудового человека. Особенно тронет душу читателя заключительная новелла — «Молитва», своеобразный гимн любви и детям — надежде и будущему человечества.

Знатоком психологии юных душ выглядит В. Крупин в таких рассказах, как «Песок в корабельных часах», «Подарок». Тут он свежими красками, отнюдь не по расхожим канонам, рисует первую любовь героев.

Наиболее значительна, на мой взгляд, «Ямщицкая повесть», пронизанная искренней любовью писателя к людям родной вятской земли. Здесь особенно поэтичны, свежи картины природы, данные в соотношении с чувствами и поступками героев. Правда, вещь эта выполнена в более привычной нам художественной форме, нежели «Варвара» или цикл «Катина буква». Однако автор с лихвой восполняет это необыкновенно живыми, колоритными образами. Вот крепкий, как дуб, ямщик Прон Яковлев — натура незаурядная, цельная и в то же время мятущаяся. Дорого стоила ему ошибка, когда Прон, не разобравшись в целях большевиков, прервал почтовую связь по старинному екатерининскому тракту Москва — Сибирь. Руководствуется-то Прон благими намерениями, печется об интересах брата-крестьянина, объективно же способствует белогвардейскому мятежнику Степачеву в захвате родного села, где тот устраивает «кроволитие». И, мужественно признав вину, Прон добровольно едет в Уржум, и большевикам — за помощью. Немалую идейно-смысловую нагрузку несет в повести трагический конфликт между коммунистом Анатолием, предволком, и его отцом Степачевым.

Надо думать, что В. Крупин еще скажет нам многое — в своих новых произведениях. Ибо его «Зерна», сочетающие в себе лиричность, образность повествования с философским началом и коммунистической идейностью, вызывают у читателя глубокое нравственное сопереживание.

Николай ПРОНИН

ПОЭЗИЯ

Дневник души

Квалифицированный читатель давно и прочно связывает имя Юнны Мориц со стихами духовно зрелыми, насыщенными глубокими раздумьями «о времени и о себе», с напряженным поиском в искусстве и жизни незнаемого.

Кругозор новой книги («Суровой нитью», «Советский писатель», 1974) широк не только тематически и географически. Здесь продолжается та же неустанная работа души, с дневниковой точностью воссоздается сложный процесс формирования человеческой личности, раскрывается духовная глубина нашего современника, умного, собранного, волевого и в то же время раннего, тонко чувствующего красоту природы, стремящегося к гармонии человеческих отношений.

Символично название сборника. «Суровой нитью»

сшиты воспоминания о трудном и все-таки счастливым детстве, о матери, о пережитом. Как уже отмечено критикой, Юнна Мориц стремится запечатлеть событие чаще в прошедшем времени, чтобы освободить стихотворение от мимолетности, не-

Юнна МОРИЦ СУРОВОЙ НИТЬЮ

досказанности. Изображенная картина становится тогда рельефнее, выпуклее: «чувства, не теряя взволнованности и достоверности, наполняются обдуманной глубиной. Характерно, что при этом стихи не описательны, не статичны; их образы даны всегда в развитии, внутренняя музыка прочно соединяет отдельные детали.

Мерзнет в мыльнице красное мыло,
Склоны дней отодвинуты в тень.
Две смородины грустно и мило
Прогибают волнистый плетень.

Стекловидных морозов припадки
Источают бревенчатый сруб,

Помидоры задавлены в кадке,
Голос выюга от нежности груб.

Серебристого дня семиградник
Прозвенел об железу оград.
Уходя, как стакан в подстаканник,
Как виденья уходят во взгляд.

Цитировать хочется беспрерывно, не прерывая движения поэтической мысли. Но и выхваченные наугад строки дают ясное представление о даровании Юнны Мориц.

Особого разговора заслуживает «Зимняя фантазия»; она и впрямь будоражит воображение, заставляет искать аналогий в реальности. Сравнивая новый сборник с «Лозой» («Советский писатель», 1970), хочется отметить, что автор следует раз и навсегда выбранному направлению поэтического поиска; стих стал эгоцентричным, сухим; игровой элемент отошел в сторону.

Дневник души не окончен, и каждая новая запись обогащает сердца и души читателей.

Все хорошо. Так будь самим собой!
Все хорошо. И нас не убывает.
Судьба — она останется судьбой.
Все хорошо. И лучше не бывает.

Виктор ШИРОКОВ

ИСКУССТВО

Верность теме

Путь истинного познания великих шедевров мирового искусства, наверно, порой не менее сложен, чем таинственный механизм создания самих шедевров. Недаром на протяжении всей

истории человечества сотнями, тысячами ярких умов отдавали свои незаурядные способности на алтарь пропаганды величайших творений мировой культуры, прекрасно понимая, что произведение искусства, не дошедшее до народа, не помято им, мертво.

В Советской стране пропаганде искусства уделяется едва ли не первостепенное значение. Широкий показ произведений классической зарубежной живописи, хранящейся практически во всех доступных собраниях мира, — повседневная практика наших дней. Пример тому — стотысячные очереди людей, жаждущих лишь взглянуть на полотна великого мастера. Так это было с картиной Леонардо да Винчи «Мона Лиза».

Правда, увидеть — это еще не значит понять. За полотном мастера сокрыт сложный мир — переплетение его личной судьбы, тенденций эпохи, социальных условий. Чтобы понять картину, надо понять и время и душу его создателя.

Именно этой благородной цели популяризации, а точнее, содействию большому, не случайного знакомства с настоящим искусством посвятил свою деятельность художник и журналист, заслуженный деятель искусств РСФСР Игорь Долгополов. Новая его книга «Рассказы о художниках» — серьезная веха в творческом пути уже известного и признанного советника, интересного собеседника всех тех, кому дорог мир гармонии и красоты.

Мы привыкли к имени автора Игоря Долгополова, регулярно выступающего с увлекательными, густо насыщенными достоверной и полезной информацией очерками на страницах журнала «Огонек». Но собранные воедино тридцать рассказов («Рассказы о художниках», «Изобразительное искусство», 1974) — это словно обобщенный портрет мирового изобразительного искусства. Рассказывая о художниках с ярким, богатым душевным миром, автор и сам ведет рассказ на высоком накале душевной взволнованности. Книга великолепно выполняет основную задачу, поставленную автором, влюбленным в искусство, — вызвать и у читателя подобное непреходящее чувство.

Три главы книги позволяют заглянуть в совершенно разные творческие миры, объединенные общей чертой — высокой мерой таланта. Здесь и классики зарубежной живописи, и мастера классической русской школы, и большие советские художники. О многих из них написано уже достаточно, и все-таки в каждом случае автору удается прибавить нечто свое, личное, в понимании творчества Леонардо да Винчи и Рембрандта, Сурикова и Федотова, Дейнеки и Пластова. «Рассказы о художниках» не просто полезная и приятная для чтения книга — это серьезный вклад в дело эстетического воспитания советской молодежи. И служит она этому делу даже своим полиграфическим исполнением, которое отличает высочайшая культура, в чем прямая заслуга издательства «Изобразительное искусство».

Анатолий КСЕНИН

КОНЕЦ ЧЕРНОГО КНЯЗЯ

Олег СПАСНИЙ,
специальный корреспондент «Смены»
Фото автора

Отправляясь в поездку, близкую или дальнюю, мы чаще всего знаем, что будет интересовать нас в первую очередь. Бывает, однако, и иначе — тема заранее не определена, и ее нужно искать.

Случается, правда, реже, что тема сама находит нас.

В начале сентября в Риме было необычайно жарко, и если ранее я полагал, что разговоры о погоде — безусловная, закреплённая столетиями привилегия англичан, то теперь пришлось убедиться, что и жители «вечного города» с охотой толкуют о климатических причудах. Город томился от жары, обильно сдобренной горячими запахами отработанного миллионом автомобилей бензина, и, наверное, особенно тошно было тем, кто накануне, в воскресенье, уезжал за город.

Второе сентября было понедельником, и город вернулся к обычной жизни. На улицы выплеснулся многонациональный поток жаждущих приобщиться к истории, мы не были исключением и около полудня подошли к одной из самых знаменитых достопримечательностей Рима — церкви Святой Марии Маджоре, где, как утверждают искусствоведы, «элементы уходящего барокко совмещаются... с чертами крепнущего, усиливающегося классицизма».

Мы остановились на углу площади — поток машин отрезал нас от подступов к главному входу, где у закрытых решетчатых металлических дверей собралась толпа. Там были преимущественно молодые люди. Почти все что-то выкрикивали. У одних в руках были цветы, другие вздымали вверх кулаки. Собравшиеся бросали друг на

друга угрожающие взгляды, и казалось, что вот-вот вспыхнет драка.

Разобраться в происходящем помогли прохожие.

В церкви Святой Марии Маджоре должна была состояться церемония похорон Юнио Валерио Боргезе — «черного князя», бывшего видного члена фашистской партии Муссолини.

Его сиятельство, напомним, отправился в мир иной, находясь в бегах. Несколько лет назад, после того как сорвалась попытка государственного переворота, Боргезе, опасаясь ареста, бежал из Италии во франкистскую Испанию.

«Черный князь» был одним из лидеров итальянских неонацистов, вдохновителем экстремистских групп, исповедующих «стратегию напряженности» и развязавших в стране террор. Он был их символом, их знаменем. Боргезе был олицетворением возрождающегося на Апеннинских фазиса.

Врата знаменитой церкви были в этот час крепко заперты. Попасть внутрь, где находились останки Боргезе, не могли ни его сторонники, ни антифашисты.

Молоденькие полицейские и карабинеры, зная об этом, сохраняли спокойствие. Разморенные жарой, они сонно взирали на сверстников, толпившихся у входа, на поток машин, ведущих у Святой Марии Маджоре свой бесконечный, стихающий лишь к ночи хоровод, на римлян и туристов, собравшихся на площади. Один из полицейских, лет, думаю, девятнадцати-двадцати, с интересом рассматривал висящую на стене газету, через все полосы которой красным цветом был выведен антифашистский лозунг.

Вскоре толпа рассеялась, ушли и мы, по событию это, случайным свидетелем которого мы

стали, напоминало о себе постоянно — то ли свастикой, намалеванной на фонарном столбе, то ли именем Боргезе, вынесенным в газетный заголовок, то ли рассказом москвича, работающего в Риме, о новой провокации неонацистов.

Спустя несколько дней я встретился с Хозе Бозерманом, о котором уже однажды рассказывал на страницах журнала. Мы познакомились с ним в ГДР, в дни предфестивальной поездки Дружбы, когда Хозе вместе с корреспондентами «Смены» ездил в Лейпцигский округ. Бозерман представлял в Международном подготовительном комитете X Всемирного фестиваля молодежи и студентов Италию, а затем был генеральным директором пресс-центра фестиваля, я тоже работал в этом пресс-центре, и мы виделись едва ли не ежедневно, и вот теперь, попав в Италию, я попросил своего коллегу объяснить мне события около Святой Марии Маджоре.

— Как вы знаете, три последних года «черный князь» жил в Испании, там и умер, а в завещании Боргезе написал, что хочет быть похороненным в Италии, и даже просил забальзамировать его тело, — рассказывает Хозе.

Когда стало известно о времени траурной церемонии, к Святой Марии Маджоре стали стекаться группы молодежи. Там были люди разных политических убеждений. И если в руках одних, как вы, наверное, видели, были цветы, то для других похороны стали поводом еще раз выразить протест против злодеяний неонацистов, стремящихся опрокинуть страну в пучину гражданской войны. По настоянию церкви в Святой Марии Маджоре никого не впускали — во избежание столкновений молодежи, как было объяснено. Похороны перенесли на поздний вечер, на одиннадцать. Но еще до их начала группа

«ПРИВАТО» — В ПЕРЕВОДЕ ЗНАЧИТ «ЧАСТНЫЙ». ЧАСТНЫЙ ДОМ. ЧАСТНАЯ ДОРОГА. ЧАСТНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ.

НА ПЛОЩАДИ ИСПАНИИ ВСЕГДА ЦАРИТ ОЖИВЛЕНИЕ.

ных члена итальянской палаты депутатов опубликовали официальные статистические данные, согласно которым в среднем каждые пять дней кого-либо похищают, каждые 67 часов 26 минут взрывается бомба, каждые 16 часов 54 минуты кого-нибудь шантажируют и каждые 8 часов 56 минут совершается убийство... Сейчас вполне очевидно, что за бойней в Милане — взрывом в банке в декабре 1969 года, когда было убито 16 человек, — стоят неонашты. Несомненно, что именно они ответственны за убийство в Брешии в мае этого года и в поезде «Италикус» в начале августа.

Старейшая консервативная газета Британии, немало видевшая на своем веку, точно определила смысл событий, происходящих на итальянском «сапоге». Чернорубашечники, все эти разномастные, но, в сущности, одноцветные соратники «Черного князя», духовные наследники дуче, хотят поставить страну под свой сапог. Они мечтают «создать фашистскую корпоративную Италию». Распять настоящее, чтобы не было будущего.

Тогда, в душный полдень второго сентября на площади около Санта Мариа Маджоре, мы еще, конечно, многого не знали. Мы не знали в тот понедельник, что Италия — по планам неонаштов — накануне переворота, что, стоя на тротуаре рядом с одним из крупнейших римских универмагов, «Упим», мы находились в эпицент-

АНТИФАШИСТСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ РИМСКИХ СТУДЕНТОВ (ФОТО ТАСС).

НЕМНОГОЛЮДНО НА ЭТОЙ УЛИЦЕ. ТУРИСТСКИЕ МАРШРУТЫ ПРОХОДЯТ В СТОРОНЕ.

неонаштов ворвалась в церковь и, подняв гроб, сделала с ним несколько кругов, распевая фашистский гимн и выкрикивая свои лозунги...

К разговору с Хозе Бозерманом я вернусь позже: сначала хочу рассказать о разгуле террора в Италии, о масштабах фашистской угрозы в стране.

Видно, все читатели слышали о крупнейших злодеяниях неонаштов. Самые ужасные: 28 мая 1974 года — взрыв бомбы во время антифашистского митинга на площади Лоджия в городе Брешиа — десятки раненых и убитых. 4 августа 1974 года — взрыв в экспрессе «Италикус» (Рим — Мюнхен). Двадцать убитых и сорок восемь раненых. И это, не забудьте, в то мгновение, когда поезд вышел из тоннеля. А если бы минутой или двумя раньше?

«Мы похороним демократию под горами трупов» — эти слова из листовки неонаштовской террористической организации «Черный порядок» обошли едва ли не весь мир. Но, кроме «Черного порядка», в Италии орудуют «Восемнадцатый легион» и «Палачи Италии», «22 октября» и «Роза ветров», «Нулевой год» и десятки других крайне правых организаций, групп, группировок, наконец, просто банд, являющих собой весьма схожие разновидности неонашизма.

Двадцать первого октября 1974 года лондонская «Таймс» писала: «Взрывы, имевшие вчера место в Риме, в результате которых были повреждены четыре ремонтные мастерские и демонстрационные салоны фирмы ФИАТ, — вряд ли новость для современной Италии, где насилие более или менее политического характера стало обычным явлением. Месяц назад два либераль-

ре тех недалеких уже событий, что вот-вот взорвут Италию.

Мы тогда многого не знали.

Только позже стало известно, что на 26 октября в стране был намечен государственный переворот, что начаться он должен был уничтожением видных политических и государственных деятелей.

Вторая фаза переворота, рассказывает «Темпо», состояла в том, что группы неонаштов должны были вернуться в крупнейшие универсальные магазины страны, захватить товары и предложить покупателям все брать бесплатно, а из динамиков в эти минуты должны были звучать призывы: «Италия все равно гибнет, забирайте все!», «Это лишь начало, остальное придет само собой!». В это же время по улицам и площадям городов страны должны были промчаться на мотоциклах боевики, швыряющие гранаты налево и направо, — это вызвало бы, по мнению организаторов переворота, всеобщую панику. После этого Италия оказалась бы на грани гражданской войны. А вмешательство вооруженных сил означало бы, как полагают неонашты, конец демократических институтов.

Тогда, за несколько недель до дня «Х», мы — да и только ли мы, — конечно же, ничего этого не знали. Не представляли, насколько далеко заходят в своих планах чернорубашечники.

Восхищаясь дошедшими до нас через столетия памятниками Древнего Рима, творениями зодчих средневековья, искусством наших современников, мы — да и только ли мы?! — не знали, конечно, что последователи «Черного князя» планировали взорвать не только громадный, ультрасовременный столичный вокзал «Тибуртин», но и пизанскую «падающую башню».

«Стратегия напряженности» в прочтении «Черного порядка» или «Розы ветров» — это политическая неустойчивость и экономический хаос, пули из-за угла и взрывы толовых шашек на площадях и в аэропортах, в учреждениях и на вокзалах, в кафе, магазинах, школах. Это залитая кровью страна, где никто не уверен ни в собственном будущем, ни в безопасности детей, ни в коллеге, работающем рядом, ни в соседе, живущем за стеной или в доме напротив.

Но почему весь этот душно пахнущий «сад», где пресловутая роза колет не только шипами, расцвел именно сейчас? Почему именно в минувшем году террористические группы и банды, тиражированные в десятках, сотнях копий и управляемые с одного дирижерского пульта, развернули тотальное наступление на демократию, правопорядок, на здравый смысл?

Ответ подсказывает экономическая ситуация, сложившаяся в стране.

Иногда можно и не изучать внимательно иностранные политические и экономические комментарии. Достаточно взглянуть на газеты и журнальные шапки: «Италия сдастся в концессию», «Великий хаос», «Италия бросают спасательный круг...» Новый председатель совета министров Альдо Моро говорит: «Италия переживает сейчас самый серьезный за последние 30 лет кризис».

Постоянный рост цен, покалывающие темпы этого роста не позволяют использовать термин «ползучая инфляция». Какая уж тут «ползучая»! Уместнее другое определение — «галопирующая инфляция».

Но шут с ними, с экономическими терминами. Домохозяйки, приговоренные к такому же страшному наказанию, что и легендарный Сизиф, — сводит концы с концами (различные в форме наказания не в счет!), могли и не слышать о них. Но если вчера за хлеб или овощи, за макароны или мясо платили тысячу (1000 лир — 1 рубль 16 копеек) или две тысячи лир, то сегодня приходится отсчитывать тысячу двести или две с половиной.

Двадцать пять процентов — для итальянцев это не абстрактная, скучная цифра, мало волнующая воображение. Это удар ниже пояса. Ограбление, защита от которого не в состоянии все пять разновидностей итальянской полиции. Двадцать пять процентов... Именно настолько за год, всего лишь за год, возросла стоимость жизни в стране. А стало быть, практически настолько же сокращения зарплаты того, кого привычно называют «человеком с улицы».

Вспоминая известное изречение Меттерниха, можно было бы назвать Италию «большим человеком Европы» (впрочем, незавидный титул этот «оспаривают» у Италии и иные страны). Симптомы болезни очевидны.

Экономический кризис, усугубляемый топливными, энергетическими затруднениями, которые особенно больно ударили Италию, где нет своей нефти.

Разительный, переламывающий страну надвое контраст между промышленным, высоко развитым Севером и сельскохозяйственным, отсталым Югом.

Вывоз валюты.

Хроническая безработица, имеющая неодолимую тенденцию к росту (еще летом министр труда и социального обеспечения Бартольди обещал, что осенью в Италии будет миллион безработных).

Государственный долг составил 10 тысяч миллиардов лир.

Рим «завоевал» звание «чемпиона» по числу преступлений среди крупнейших западноевропейских городов. Преступления здесь совершаются в десять раз чаще, чем в Лондоне, населенном тоже, кстати, не ангелами.

Экономический кризис дополняется политическим.

Одно правительство спешит сменить другое. Уже подсчитано, что в послевоенной Италии средний срок существования кабинета министров — семь месяцев.

Но на политической сцене — знакомые все лица. Все идет по кругу, и в составе оркестра — те же, давно известные музыканты, хотя рассаживаются они подчас по-новому.

Неустойчивость в экономике и политике — при спуске с государственных высот на пастьшу тропу Сицилии или на фешенебельный проспект Милана — выражается в полнейшей неуверенности в завтрашнем дне, и подвержены этому иссушающему душу мучительному гнету — заботе о хлебе насущном на «черный день» — не только безымянные рядовые многомиллионной армии производителей материаль-

ных ценностей, но и те, кто располагает на социальной лестнице двумя-тремя ступеньками выше.

Что будет завтра? За несколько лир вы можете купить листок бумаги с глубокомысленным ответом, опирающимся на «познание законов движения звезд».

Только успокоит ли такой ответ?

А оговорился о встрече со знакомым. Уловившись, что он заедет за мной. Проглянув немного в номере, спустился вниз, в маленький холл нашего отеля. Было душно, и я вышел во внутренний дворик отеля.

Мы сидели вместе с переводчицей, говорящей по-итальянски с таким немалым темпераментом, что просто было невозможно заподозрить ее московское происхождение. Увидев знакомую, к нам подошел управляющий отелем, который, впрочем, был чем-то большим в этом, как он позже выразился, «почти семейном предприятии», имея в виду, разумеется, не родственные отношения, а «идиллические отношения работодателей и служащих».

Разговор шел о том о сем, тот пустяковый разговор, когда люди знают, что едва ли они когда-нибудь еще встретятся, но вот управляющий начал рассказывать нам об истории отеля, который строился не сразу — это было заметно и на первый взгляд, поскольку трубы канализации были проведены снаружи: прежде в этом многоэтажном отеле привычные ныне удобства отсутствовали. Я заинтересовался, будет ли гостиница перестраиваться, расширяться, как и вверх, и наш собеседник пожал плечами:

— Трудно сказать... С одной стороны, я верю в стремительный рост туризма. С другой...

Видите ли, я полагаю, что с годами благодаря телевидению и туризму мир станет похож на громадный дом, где живет множество семей и где все и всё друг о друге знают. Иногда я думаю о смысле жизни... Что сегодня главная ценность? Деньги? Завтра будет иной критерий успешности человека — сколько он путешествовал, сколько видел. Впечатления девальвации не подлежат, хотя со временем и тускнеют, если человек ездит слишком много. Уже сейчас внутри страны люди перемещаются, как из комнаты в комнату по собственной квартире. Туризм — это своеобразный барометр времени, мгновенно реагирующий на все изменения в политическом климате. Раскидали люди льдины холодной войны, начали они таять, и потоки туристов сразу же возросли.

А что такое современный туризм? Могучая индустрия? Или первейшая экономическая потребность? А может, важный социальный фактор? Впрочем, «или» здесь не нужны. И первое, и второе, и третье. Вы сейчас добавите насчет образования, расширения кругозора, согласен, я и сам мечтаю побывать у вас в Сибири, это же легкие нашей планеты, мечтаю увидеть ваше народное искусство, поделки мастеров... Можете добавлять и пятое и десятое, заранее согласен... Но расширять ли отель?

Об «Италикусе», конечно, слышали? А это, не забудьте, международный экспресс. Он шел из Рима в Мюнхен. И вот ужасная трагедия. Неофашисты хотят изолировать людей друг от друга. Многие ли рискнут поехать теперь в Италию? К нам зимой, не в сезон, приезжают англичане, скандинавы. Едут пожилые люди, те, кто не хочет тратиться в сезон. Едут сократить зиму. Для нас это важно: отель загружен и не в час «пик». А поедут ли туристы нынешней зимой, когда у нас столько всяких историй?..

Что мог ответить я своему собеседнику? Да и не ждал он моего ответа. А ведь тогда, повторю, мы еще многого не знали. Не знали, что неофашисты собирались отравить питьевую воду ураном. Уничтожить плотину и затопить города. Планировали взорвать водопровод — да, да, тот самый, «сработанный еще рабами Рима».

Т ак куда же идет Италия?

Ответ как будто бы напрашивается сам собой. «Кризис», «Заговоры», «Террор», «Возрождение неофашизма» — издаലെка заметные, бросающиеся в глаза яркие наклейки на указателе, повернутом вправо.

Не верьте этому указателю!

Чаша весов...

Справа — взрыв «Италикуса» в ночь с 3 на 4 августа.

Слева — общенациональная забастовка 5 августа, где вся трудовая Италия потребовала обуздать неофашистов.

Справа — «взвешивание цен».

Слева — «макаронная война». Когда цена на

главное блюдо в итальянском меню была поднята на пятьдесят процентов, страну захлестнула такая могучая волна гнева и возмущения, что правительство вынуждено было принять решение сохранить цены на макароны на прежнем уровне.

Справа — массовые увольнения, рост безработицы.

Слева — всеобщая забастовка 10 миллионов рабочих и служащих, организованная тремя ведущими профсоюзными центрами страны. Требования не снижать уровень производства, не сокращать число рабочих мест дополняются настоятельным призывом защитить республику от угрозы неофашизма.

Справа — заговоры, переворот, намеченный на 26 октября.

Слева — внушительная победа левых сил, и прежде всего коммунистов и социалистов на частных административных выборах 16 и 17 ноября, где переизбирались органы местного самоуправления — муниципальные и провинциальные советы. В ряде городов компартия удвоила свое представительство в коммунальных советах. «...Результаты административных выборов опровергают политику и линию поведения тех политических сил, которые исходили и исходят из предположения, что общественное мнение смещается вправо, — заявил Генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии товарищ Энрико Берлингуэр. — Эти результаты, наоборот, подтверждают, что в стране продолжается сдвиг влево».

Еще раз процитирую упоминавшуюся уже английскую газету «Таймс»: «Только на Итальянскую коммунистическую партию не распространяется то презрение, которое заслужили все другие партии и политические деятели».

И еще один аргумент на левую чашу весов. Итальянская коммунистическая федерация молодежи расширяет свои ряды. В организации насчитывается около ста двадцати тысяч юношей и девушек.

— У нас непростая задача, ибо для многих молодых людей, вчерашних мальчишек и девочек, фашизм — это что-то далекое, пришедшее из истории. Однако, заметьте, не только далекое, но и отретушированное, приглаженное, смягченное, одним словом, приукрашенное. — Я возвращаюсь к беседе с Хозе Бозерманом. — Мы стремимся показать молодым ребятам, и прежде всего школьникам, какие беды обрушил на человечество фашизм, сколько жертв принесло движение Спротивления, чтобы сломить, опрокинуть систему, породившую Муссолини. Мы обнажаем то общее, что роднит дуче и его последователей, возглавляемых до последнего времени «черным принцем», объясняем, что неофашизм — тот же фашизм, лишь проделавший пластическую операцию для изменения внешности и приспособившийся к современности.

Пропагандой, разъяснениями, естественно, не ограничиваемся, стержневая наша задача — объединение всех левых сил на платформе антифашизма.

Мы ведем идеологическую борьбу, сохраняя дисциплинированность, организованность и достоинство. Мы не поддаемся на провокации. Коммунисты против террора, анархизма, партизанщины, против экстремизма.

Формы борьбы с угрозой справа могут быть разными. Спонтанные, заранее не планировавшиеся действия, как демонстрация во время похорон Боргезе, дополняются организованными, массовыми акциями, вовлекающими в свою орбиту десятки или сотни тысяч людей. Я недавно вернулся из Болоньи, где был на погребении жертв злодеяния неофашистов, я говорю о взрыве «Италикуса», так там на похороны, вылившиеся в грандиозную демонстрацию, вышел едва ли не весь город. Даже люди, далекие от политической борьбы, вывешивали из окон красные флаги или наши национальные трехцветные флаги, окаймленные траурной лентой, над городом гремела «Бандьера Росса», песня итальянских коммунистов.

Борьба против фашизма объединяет молодых рабочих, учащихся, университетскую молодежь. У них могут быть разные задачи, разные цели, это понятно, это естественно, но они находят общий язык, действует рука об руку в борьбе против угрозы фашизма. Изолировать неофашизм от общества, дискредитировать его в глазах тех слоев населения, что далеки от современных прогрессивных идей, подвергнуть фашиствующим группировкам и организации остракизму — вот основа для сплочения всех прогрессивных сил...

В тот жаркий полдень, второго сентября, на площади около Санта Мариа Маджоре хоронили не только «черного князя».

(В день тридцатидевятилетия)

Вот и кончился январь,
Кончился январь.
Перевернут календарь —
Новое число.
Больше мы не ходим в лес.
Мы не ходим в лес.
Снег летит наперерез,
Вьюжит, как назло.

В синей вазе на окне,
В синей на окне
В первом же февральском дне
Выбился цветок,
Словно было невтерпеж,
Было. Ну и что ж!..
Цвет багульника похож
На пурги глоток.

Испеки-ка ты пирог,
Испеки пирог!
Пусть он поспеет в срок.
Созовем ребят.
Чтоб струны гитарной медь
Не тускнела впредь,
Станем те же песни петь,
Как сто лет назад.

Ах, как дети подросли,
Дети подросли.
Вот порхнут на край земли
Птицею из рук!
Это наша жизнь ушла!..
Жизнь вперед ушла.
Пусть она не знает зла,
Горестей, разлук!

Знаешь, за город махнем!
В прежний лес махнем!
Первым же воскресным днем...
Лес наш так хорош!
А пока тот день вдали,
Скатерти стели,
Да пирог на всех дели —
Вот зеленый нож.

Наши новые друзья,
Новые друзья
Выбирают для питья
Вермут золотой.
Наши старые друзья,
Старые друзья
Выбирают для питья
Кипяток крутой.

В долине, у слияния двух рек,
Куда стремглав пустились наши взоры,
Туман клубился, и клубились горы,
Дорога начинала свой разбег.

О жизнь, дыханье дай перевести!
На той дороге, скорой и суровой,
Не наделяй меня любовью новой,
Разлуки новой я страшусь — прости!

Достаточно мне дорогих имен.
В быту. В счастливых снах.

И на могилах...
Душа бессмертна, но читать
не в силах
Губительную скоропись времен.

Мир, словно видит кто-то, а не ты —
Дома, кусты, узорные ворота...
И осени картлийской позолота
Покрыла лица, небеса, сады.

Скитальчество уже не увлечет.
Над Джвари клин утиный поредель
Относит ветром в чуждые пределы.
Там тридцать девять птиц наперечет.

По солнечному заскользят лучу,
За горизонт уйдут перед закатом...
Ни славы и ни вечности — куда там! —
Любви мгновенья одного хочу.

Пришел пред штормом мотобот,
Весь в пене, как в снегу.
Пора разъезда настает
На южном берегу.

И якорь падает на дно
И долго ищет дна.
И падает в цене вино,
Хоть слаще нет вина.

А ветер быстро одичал.
Он знает это сам.
Команда сходит на причал
К знакомым адресам.

Скрипят, качаются мостки,
Шуршит сухой самшит.
И по обычаям морским
Команда не спешит.

Суббота. Весь народ в кино.
Стрекочет аппарат.
Команда, хоть совсем темно,
Проводит свой парад.

И шторм идет по берегам.
И стонет мотобот.
И море бьет, как в барабан,
В его упругий борт.

Рисунки Михаила ПАПКОВА

ШАХМАТЫ

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

АТЬ ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ИГРАЕТ НОВАЯ ЧЕМПИОНКА

Недавний женский чемпионат СССР, состоявшийся в Тбилиси, закончился большим успехом молодой москвички Елены Фаталибековой, сотрудницы Всесоюзного научно-исследовательского института физической культуры. Обладательница золотой медали добилась отличного спортивного результата — 14 очков из 16 — и даже второго призера опередила на целых два очка.

Любопытно заметить, что к новой чемпионке страны шахматные достижения пришли не только благодаря ее завидным волевым качествам и трудолюбию, но, безусловно, и в качестве наследственного дара. Мать Елены, заслуженный мастер спорта О. Н. Рубцова, была первой чемпионкой СССР и одной из первых чемпионки мира. И отец, А. Б. Полак, — один из старейших наших шахматных мастеров.

Восхищает и далекая от шаблона, предпринимчивая и темпераментная манера игры Фаталибековой. Проиллюстрировать это можно любопытной концовкой ее партии с известной шахматисткой из Омска А. Кисловой.

Перед вами позиция, сложившаяся после 15-го хода черных. Елена, у которой были белые, не отступает своим коном, находящимся под ударом, а совершает им неожиданный тактический рейд в неприятельский лагерь.

16. Кd4 — e6! f7:e6 17. f5:e6 Kpg8 — h8 18. e6:d7 Kc5:b3 19. a2:b3 Lf8 — f7 20. Kc3 — d5! заставляя противницу пойти на невыгодный для

нее размен белопольного слона ввиду угрожающего кавалерийского прыжка на пункт «b6».

20. ...Cb7:d5 21. Ld1:d5 Lf7:d7 22. Lf1—d1 La8—b8 23. Фg4 — e6 h7 — h6 24. b3 — b4 Фd8 — e8 25. Фе6:e8 Lb8:e8 26. b2 — b3 Kph8 — g8 27. c2 — c4 Kpg8 — f7. Перевес в эндшпиле белые реализуют энергично и технически безукоризненно.

28. Ld5 — c5! Le8 — b8 29. Lc5 — c6! b5:c4 30. b3:c4 Lb8:b4 31. c4 — c5 Lb4 — b3. В заключение следует элегантная жертва фигуры, подчеркивающая силу далеко продвинутых проходных белых пешек.

32. Lc6:a6! Lb3:e3 33. c5 — c6 Le3 — b3 34. c6:d7 Lb3—b8 35. La6—c6 Lb8—d8 36. Kpg1 — f2, и вскоре черные сдались.

КОГДА ФОРТУНА ОБЪЕКТИВНА

Одной из наиболее примечательных побед советских шахматистов на международных турнирах последних месяцев, бесспорно, была та, которую в Маниле одержал московский гроссмейстер Ев-

гений Васюков. Ему удалось добиться чрезвычайно высокого для соревнований подобного масштаба 75-процентного итога и опередить нашего экс-чемпиона мира Т. Петросяна, датчанина В. Ларсена, американца Л. Кавалека, югославов С. Глигорича и Л. Любоевича, шведа У. Андерссона, венгра Л. Портиша и других выдающихся шахматистов разных стран.

Играл Васюков на Филиппинах в характерном для него эмоциональном, динамичном стиле, который всегда, особенно импонирует ценителям шахмат. Стремление к спортивным успехам никогда отрицательно не отражается на чисто художественной стороне яркого творчества этого гроссмейстера. Он так почитает эстетический элемент, действует без банальных раздумий о турнирной ситуации, без оглядки на нее, никогда не удовлетворяясь бесцветными, короткометражными ничьими. У шахматистов такого творческого склада почти неизбежны случаи, порою периоды, турнирных неудач, но нередко фортуна оказывается объективной и в полной мере награждает своей улыбкой человека, столь преданного любимому искусству. Так случилось и в Маниле с Евгением Васюковым.

Предлагаем нашим читателям разобрать заключительную часть партии, которую в филиппинской столице наш соотечественник выиграл у одного из ведущих и самых популярных современных гроссмейстеров, Бенга Ларсена. Заметим, что последний, завоевавший в Маниле третий приз, тоже

относится, выражаясь фигурально, к числу шахматных «физиков», но не «физиков».

Такая позиция возникла после 19-го хода белых в одном из сложных вариантов сицилианской защиты, большими знатоками которой заслуженно считаются оба партнера. Смелым прорывом в центре Васюков (у него были белые) вскрывает важные магистральные и красивые тактические удары предельно накаляет атмосферу с целью найти пути проникновения в тыл запоздавшего с рокировкой черного короля.

20. e4 — e5! d6:e5 21. Ce2 — f3! Именно в этом неожиданном маневре соль замысла белых, так как при логичном с виду продолжении 21. fe b4! неясно, чьи шансы перспективнее.

21. ... Фb7:f3 22. Cg5:f6 Фf3 — c6 23. Kc3 — e4! Этот великолепный кавалерийский прыжок нагнетает угрозы белых, одновременно предупреждая контрмеры противника: с изобретательным датчанينو нужно держать «ухо остро».

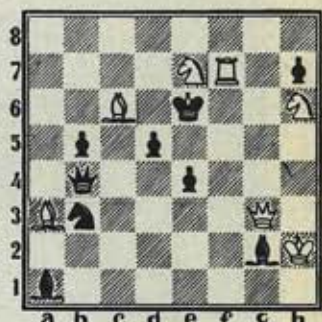
23. ...b5 — b4 24. f4:e5 b4:a3 25. Le1 — e3 Фc6:

c2 + 26. Фd2:c2 a3 — a2 + 27. Kpb1:a2 Lc8:c2 28. Le3 — b3! Lc2 — c8. Оригинальной была связанная жертвой ладьи и матовой сетью задумка Васюкова: 28. ...g7 29. Lb8 + Cc8 30. K:f6 + Kpe7 31. Lb7 + ! C:b7 32. Ld7 x.

29. Lb3 — b7 Cd7 — d5 30. Cf6:g7! Запоминающийся аккорд, форсированно ведущий к решающему материальному преимуществу. Наладить оборону черные не могут, ибо за потерянное качество у них нет никакой компенсации.

30. ...Cf8:g7 31. Ke4 — d6 + Kpe8 — f8 32. Ka6:c8 Cg7:e5 33. Ld1 — d8 + Kpf8 — g7 34. La8:h8 Kpg7:h8 35. Lb7:f7 Ce5 — g3 36. h4 — h5 Cb5 — e2 37. h5 — h6 e6 — e5 38. Kc8 — d6, и через десяток ходов Ларсен капитулировал.

В МИНУТУ ДОСУГА

Эта двухходовая задача московского проблемиста Загоруйко была отмечена призом на конкурсе памяти основоположника отечественной шахматной школы М. И. Чигорина.

Рис.нок Гемраднэ НОВОЖИЛОВА

БАРАТЫНСКИЙ

В агадочный поэт пушкинской поры. Скудные строки его биографии. Скучен и сух язык историографов. А он звонко смеялся в кругу друзей над злой эпитафией на великодержцев, был остроумен, знал цену застойной шутке и лести врагов. Он со всей силой обрушивался на буржуазный век, убивающий «ребяческие сны поэзии».

Через столетие мы находим в его стихах отклик сегодняшнему дню, и он близок нам, как поэт и как человек, страдающий от боли других, отстаивающий в борьбе с цензурой право на свое мировоззрение, которое, как в спектре, в его поэзии.

Я слышу его смех над обывательщиной XIX века, которая стыдливо отодвигает от себя «смущающие нравы» «Цыганку» и «Эду».

Живая душа его поэзии живет в ритме наших отчаяний и радостей, и мы тянемся к ней, как к вечному источнику, не замутившему потоком дней.

Передо мной три фотографии разных лет.

Баратынский в молодости («с оригинала, карандашом, принадлежащего Е. Ю. Геркину»): слегка вздернутые, тонкие, острые брови, наверное, серые глаза, волосы сбоку взяты на пробор и расчесаны на обе стороны. Прямой хрящеватый нос, плавный очерк губ и подбородка — 1820 год. Баратынскому — двадцать.

Мечтатель, с любимыми сюжетами из античного мира. Всмотриваюсь в фотографию: он улыбается низко, белому от солнца небу, он до пояса в утреннем тумане — бродит по развалинам древнего Форума. Смешая время, вывсы устремляются семь мраморных колонн с бюстами Великих олимпийцев — покорителей Рима. Рядом — ростры: поднятая над землей площадка для выступлений полководцев, ораторов и поэтов. У подножия ростр — колышущиеся толпы граждан Вечного Города, колышущиеся в такт поэтическим строк:

Рассказы дивные! волшебные картины!
Свободный город Рим...
Великолепный ряд триумфов и честей!
С каким волнением внимал я с юных дней
Бессмертным повестям Плутарха, Фукидида!

Поэт замирает на полуслове, смотрит большими, чуть-чуть навязке глазами куда-то вдаль, и ему видится другое небо, картины строгой природы Севера и скалы Финляндии, где он проведет немало дней среди лесных массивов и фьордов, холодных от полуденного остывшего солнца. Бе-

лизна снега ослепительно бьет в глаза.

И его мечта — Италия и дикая природа Севера: удивительные картины пейзажа и античные образы сливаются в его ранней лирике под прекрасным поэтическим знаком — ЭЛЕГИЯ.

1819 год. Баратынский зачислен в армию, но после нескольких злостных эпиграмм, которые уже ходили в рукописи по рукам, был направлен в Финляндию, в крепость Кюмень. А. Дельвиг и А. Пушкин, Н. Гнедич и Д. Давыдов, друзья поэта, расценили этот невольный отъезд Баратынского из Петербурга как ссылку, как гонение властей.

Мечтатель находит в себе мужество на открытую борьбу с всецельными. Его поэтическое слово наотмашь бьет больнее кнута в сжатых и точных эпиграммах.

На временщика Аракчеева:

Отчизны враг, слуга царя.
К бичу народов — самовластью
Какой-то адскою любовью горя,
Он не знаком с другою страстью,
Скрываясь от очей, злодействуя
впотымак,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно

в устах,
Как имя страшное владыки
преисподней.

Эпиграммы принесли Баратынскому репутацию ссыльного поэта. И его еще на несколько лет оставляют в крепости Кюмень.

Поэта покорила природа Финляндии. Он пишет поэму «Эда», видит образ финской девушки, робкой и милой, которую он влюбил в русского гусара, и в предисловии к этой поэме подчеркивает свою независимость от Пушкина и от принятого русской литературой нового типа байронической поэмы.

И тут же письмо А. Дельвига к Баратынскому: «Четыре стиха, которые тебе кажутся очень нужными для смысла, выкинула Цензура».

Поэму ждали друзья. Пушкин беспрестанно справлялся об «Эде». «Торопи Дельвига, — пишет Пушкин брату в конце октября 1824 года, — присылай мне чухонку Баратынского, не то прокляну тебя!». «Пришли же мне Эду Баратынскую, — торопит опять Пушкин брата 4 декабря. — Ах, он чухонец! Да если она милее моей черкешенки, так я повешусь у двух сосен и с ним никогда знаться не буду».

Молодой гусар, российский повеса, соблазняет красавицу финку. Гусар блаженствует. Эда его. Для него это только забава. Эда умирает от тоски. И гусар, полюбивший немилосердным чувством; снова едет в заснеженный край к Эде... на кладбище.

Забава... любовь... Отчего же так встревожена цензура?

Конца дождусь ли я, иль нет?
Когда, когда сметешь ты, выюга...

...Кладбище есть. Теснятся там
К холмам холмы, кресты к крестам...

Отчего — пасквильная статейка в «Северной пчеле» на «Эду» и прыскает злобой Ф. Булгарин: гусар обманул несчастную девушку, и она умерла без особенных приключений, скудность предмета имела действие и на образ изложения...

Отчего так радостен Пушкин: «Эда» есть новое блестящее доказательство таланта Баратынского...

Ответ прост: поэтическая пленительная простота любви, доверительность, добродушие, раскаяние и смерть героини трогают, заставляют невольно сожалеть о гибели падшей Эды. Цензоры от искусства усмотрели в поэме безразличность, «смущение вкусов». «Эда» — одно из самых оригинальных произведений элегической поэзии. Перед Баратынским не было подобных образцов, он придумал романтической поэме свою форму, наполнил психологическим содержанием, которого ранее не знала элегическая лирика.

Более пяти лет пробыл Баратынский в Финляндии — вынужденная разлука с родиной. В его лирике этого периода постоянно ощущается борьба противоположных начал, и жажда «бурь», и думы о «счастливой тишине», надежда и волнение, и «безнадежность и покой». Он еще не нашел своей поэтической тропы, и оттого даже любовное чувство в его стихах — то обольстительно-нежное, то отчужденно глухое. Любовь, как радость бытия, не поглощает до самозабвения: его лучшие образцы элегической лирики несут в себе не любовные признания, а признание охлаждения в любви. Все это нашло свое отражение в лучшей из элегий поэта, «Признание», написанной в 1823 году.

Он принимал жизнь и отдавался ей, радостный и печальный, веселый до буйства, но все время с каким-то потаенным ощущением, что это — не для него.

Все мнится: счастлив я ошибкой,
И не к лицу веселье мне!

Когда на земле грусть захлестывает часы радости, страдает народ, и облупившиеся от сохи ладони нищего землепашца обжигает черное солнце неволи, — поэт не улыбается, а плачет, и его стихи наполнены болью легко ранимого сердца. Он никогда не был декабристом, или, как называли П. Вяземского, «декабристом без декабря», но он был близок по духу и связан дружеской приязнью с А. Бестужевым, К. Рылевым, А. Одоевским и В. Кюхельбекером. Публиковал свои стихи в издании декабристов «Полярная звезда». Его устремление к вольнолюбивой общности нашло свое отражение в «Буре» и в эпизоде к поэме «Эда».

Баратынский тяжело переживает разгром декабрьского восстания и жестокую реакцию. Он дружил со многими из тех, кто вышел с оружием на Сенатскую площадь. Поэт тихо, словно самому себе, словно для памяти на сейчас и потом, произносит слова, и мне в этих словах слышатся слезы:

Я братьев знал, но сны младые
Соединили нас на миг:
Далече бедствуют иные,
И в мире нет уже других...
(1827 год).

(С литографии, изд. Н. А. Палевым)

Евгений Абрамович Баратынский в конце 1828 года: локоны густых волос лезут на лоб, взгляд строг и печален, крепко сжатые губы.

Я стираю с литографии хрестоматийный глянец, гляжу в глаза живого человека.

Метет поземка. Он оставляет на углу Сенатской пролетку. Бредет в ночь. Ветер — белая птица декабря — срывает с головы меховой капюшон, заснеживает волосы. В прошлом детские мечтания и забавы, картины финские, античные миры — в прошлом. Веселый «Пир» и «Бал» — дань юношеских лет. Он здесь. На Сенатской, где пролита кровь его друзей. Он склоняет голову и тихо идет в ночь, и, словно из небытия, сначала смутно и медленно, потом все отчетливее, перед ним возникает лицо Кюхельбекера, лицо Одоевского. Его обволакивает снежная пелена, он натывается на металлическую решетку, ощупывает ее и тянется вдоль нее до тех пор, пока не находит калитку.

— Извозчик!
— Куда прикажете, барин?
— Прямо...

Оледенелой рукой пытается разгладить морщины на лбу. Наскучены успех и слава. Злят цензоры и неудовлетворенность самим собой.

Впервые в Москве увидел Баратынского после возвращения из Финляндии в 1826 году. Его имя называлось вместе с именем Пушкина. Их видели вместе. Они привлекали внимание. Один — высокий, тонкий в талии, с большими любопытными глазами, другой — среднего роста, с черными вьющимися волосами и острым выразительным лицом. В благородном собрании происходило особое движение и передавалось друг другу: «Смотрите, смотрите, Пушкин и Баратынский. Баратынский — блондин...» Братство поэтов было скреплено одной книгой под общим названием «Две повести в стихах. 1828 г.»: «Бал» Баратынского и «Граф Нулин» Пушкина.

Лучшие умы ценят поэтический лиризм элегий Баратынского — это бы-

ли его первые произведения, и в элегиях, по признанию Пушкина, он первенствовал всегда. Все в прошлом. Он равнодушен к общественно-политической жизни. Он замкнут и необщителен, и все вызывает в нем недоверие.

Для Баратынского начинается период творческого кризиса. Пройдет еще несколько лет, он покинет свои первоначальные позиции, начнет искать новые пути в литературе и скажет, что не любит поэтов, «влюбившихся в печаль».

Поэзия Баратынского 30-х годов — поэзия мысли.

Но прихотям судьбы я больше не
служу:
Счастливый отдыхом, на счастье
похожим,
Отныне с рубежа на поприще
гляжу —
И скромно кланяюсь прохожим.

И еще: «Мгновенье мне принадлежит, как я принадлежу мгновенью», «Есть что-то в ней, что красоты прекрасней, что говорит не с чувствами — с душой», «Не вечный для времен, я вечен для себя».

Для Баратынского нравственно то, что истинно, он никогда не был моралистом, но всегда оставался поэтом и рассматривал литературу и как искусство и как стихию чувств. Его философия — это тождество бытия и мысли.

Баратынский не пользовался пестрой палитрой метафор. Цветистый образ для него так же чужд, как опереточные возгласы. Каждый эпитет прост, графически точен. Поэтический образ не существует сам по себе. А всегда призван работать на основную мысль — строку. Фактура его стиха не украшена алмазами и аметистами и не может привлечь любителей узорного поэтического словоблудия. Прелесть поэзии Баратынского — в глубокой содержательности слова и безукоризненно выраженной мысли.

Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь
земная.

Чем глубже уходит поэт в философскую лирику, тем больше все окружающее вызывает сомнение, и он в тоске признается себе, что, хоть и одинок, обаят смиренней, «сердечный трепет не затих». Но, как бы перечеркивая это, прорывается горестное: «В смиренней сердца надо верить и терпеливо ждать конца». Его называют поэтом скорби. Но скорбь поэта рождается не из особенностей его психического склада, а из общего настроения эпохи. Люди на заре XIX века подвержены неверию в сегодня и в завтра, они не находят ничего утешительного для себя в прошлом и выдвигают из своей среды бунтарей, умирающих на Сенатской площади, и глашатаев «мировой скорби». Жизнь — зло, потому что она полна страданий, нет спокойствия, которое могло бы заменить этим людям отсутствие счастья, недостижимого для чувственного сердца. Горе эпохи — страдание поэта — поэта обобщающего ума, с выраженной склонностью к глубокому анализу и самозащитному рефлексу.

Природных чувств мудрец
не заглушит
И от гробов ответа не получит:
Пусть радости живущим жизнь
дарит,
А смерть сама их умереть научит.

Грустны размышления поэта не оттого, что он разочарован в жизни, как это казалось многим критикам. Для Баратынского жизнь — символ постоянства и вечности, которая всегда берет верх над смертью; поэт размышляет лирично и мудро, наполненный грустью философа о незбываемых законах ВРЕМЕНИ.

Мир является ему в стройной поэ-

тической перспективе и находит свое отражение в гармоническом аккорде строки.

Страстей мятежные мечты
Передо мной не затмевают
Законов вечной красоты
И поэтического мира...

Язык Баратынского не прост. Иногда лаконичен и точен, как пуля, попавшая в цель. Иногда строки наполнены неологизмами в архаическом духе. Но все это не ради красивого словца. Он углубляется в философию, и за архаизмами скрывается мудрость его психологического стиха. Образы его лирических повествований сложны и затаяны. Нервом бьющаяся мысль не скорбью наполнена вообще, а тонким осознанием сложности жизни, в которой он видит больше мятущегося и грустного, чем беззаботно-радостного. Почти все герои его поэм — люди падшие. Отсюда задача Баратынского-поэта и Баратынского-человека, непомерно большая по тому времени, когда каждый обыватель «горазд поговорить о целомудрии», — найти искру души живой, показать, что и они, «падшие», способны на высокие, благородные чувства. Среди придворных толп праздных, развращенных снобов и светских дам поэт видит и чувствует фальшь: «Призраки всех веков и наций, гуляют феи, визири, полишинели, дикари; их мучит бес мистификаций».

Может быть, потому, что отлично знал демагогическую ложь российского бомонда, поэт тянулся к душевной чистоте и благородству народа, восторгался им и воспевал его черты в образах простой девушки Эды, цыганки Сары, Телемы и Макара: здесь и планетное изображение, и гармония слова, и чистота поэтического языка. Только чуткие, по-настоящему любящие и знающие поэзию могут оценить музу Баратынского, возводящего обыденное и обыкновенное на недостижимую высоту вдохновенной поэзии.

А. С. Пушкин: «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален — ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем чувствует сильно и глубоко».

Что нужды до былых иль будущих
племен?
Я не для них бренчу незвонкими
струнами...

Он был одним из больших поэтов своего века. И в то же время оставался непонятым многими критиками и многими читателями.

Баратынский болезненно воспринимает резкую оценку, холодный прием: «Я имею несчастье быть мало известным... Они отвергают сердце, способное к преданности». В эти же годы он вместе с Пушкиным отражает нападки на Карамзина, участвует в журнальной полемике, выступает в защиту своих поэм, дает резкую отповедь критикам и цензорам. В «Антикритике» поэт снова пробивается дерзкий дух эпиграммы. Он бесит борзого критика из 10-го номера «Телескопа», выступившего с разбором его поэмы «Наложница».

«Критик, порицая, во-первых, самое имя поэмы, старается доказать, что хоть не в названии дело, название много значит. По имени встречают, — говорит критик, — а по уму провожают; но для того, чтобы проводить, без сомнения, надобно, кажется нам, прежде встретиться... заменяются словом: любовница, другое, порицаемое критиком, более во избежание педантизма, нежели непристойности».

И снова хлесткое из-под пера поэта: «Кто непременно мой ругатель?», «Писачка в Фебов двор явился», «В восторженном невежестве своем». Эпиграммы становятся едко сатирическими, в них он восстает против самодовольства и тупости:

Что ж это сходство знаменует?
Что им глупец приобретает?
Его капустою раздует,
А лавром он не расцветет.

Мой Баратынский — это поэзия одного человека об одном человеке, чье откровение дорого, потому что взволнованно и близко. Краткость и точность строк еще не есть рациональность. Я люблю его доголголетие крылатых слов, его близость сегодняшней нашей поэзии — поэзии мысли, поэзии чувств. Поэзия Баратынского — откровение мудрого человека, где каждая строка, болевая насквозь, отражает любовь к России: «Я вижу вас, родные степи, моя начальная любовь», «Степного неба свод желанный», «Я твой, родимая дубрава». Он одним из первых русских лириков понял и оживил в поэзии звук. Слушайте «р» — ревет водопад.

Качает елино скрипучей,
И с непогодой ревучей
Твой рев мятежный аглашен.

Баратынский пишет о красавице музе, но не соблазнен ее изысканным блеском; он не столько поклоняется и боготворит музу, сколько протягивает ей руку, как другу, вечному и давнему, с которым есть о чем поговорить. Своим произведениям он сам судья и подсудимый. По мнению поэта, тот не любит искусства, кто разбирает его с эпиграмматической точностью. Как истинный талант, он не дорожил каждой написанной строкой, выбрасывал порой и алмазы, казавшиеся ему недостаточно отшлифованными. Мир художественных образов раскрывают перед нами его многие дошедшие до нас черновики, испещренные правками и записками на полях, здесь мы можем угадать сокровенные мысли художника в высший момент его жизни; здесь назревает слово, как росток, питающийся таинственными соками души. Черновики вводят нас в лабораторию поэта, и по ним мы можем судить: Баратынский принадлежит к художникам слова, поющим не с легкостью птицы, а достигающим совершенства в поэзии долгим, упорным трудом. Для Баратынского поэзия не мертвая буква, он умеет наслаждаться ее глубиной музыкальной, никогда не изменяя своему назначению: дарование есть поручение, которое необходимо выполнить, несмотря ни на какие препятствия. Баратынский — поэт от себя, и славно его представление о долге творца. Он с гордостью говорит о своей постоянной работе над словом и с гордостью празднует победу ума и сердечных чувств. Если у Пушкина — золотая россыпь строк, то у Баратынского — каждый стих, как лава вулкана, горящего, но еще не взорванного:

Зачем трепещет грудь моя
Каким-то вещим трепетаньем?

Я говорил о двух фотографиях поэта. На третьей — Баратынский с гравюры П. К. Константинова. И дата — 1868 год. По этой гравюре изваян белый мраморный бюст поэта. Высокий лоб мыслителя. Резкий очерк надбровных дуг. Открытое лицо. Что видится ему через года? Признание труда поэта, выполнившего свой долг, ни разу не солгавшего ни себе, ни читателю? Может быть, он вслушивается в органичный каскад водопада, может быть, видит при качающемся пламени свечи свою «Цыганку» или повторяет наизусть строки «Признания»:

Но я живу, и на земле моей
Кому-нибудь любезно бытие:
Его найдет далекий мой потомок
В моих стихах...
И как нашел я друга в поколеньях,
Читателя найду в потомстве я.

В своей последней книге стихов «Сумерки», вышедшей в 1842 году,

Баратынский, по признанию современников, поднялся на поэтический пьедестал и личное выражение грусти возвел до общего философского значения, стал «элегическим» поэтом современного человечества. В последнем из стихов сборника, «Рифма», поэт отчеканивает образ оратора, который так же, как автор, испытывает раздор мысли с чувством и, по цензурным соображениям, делает оратора не современником, а глашатая Древнего Рима, оплакивающим «народную фортуну». Сам же Баратынский, стремившийся к целостному мировоззрению, мучительно пытается преодолеть противоречие сознания:

И я увижу луч блестящий
Всеозаряющего дня?

Он создал произведения различных жанров, в его творчестве не все равноценно, да к тому же не все, написанное Баратынским, дошло до нас. В своей романтической поэзии и философской лирике он яркий выразитель своего времени угнетения и бесправия, безверия и тоски.

Значение Баратынского столь велико, что никакие погрешности строки не могут его умалить. И он остается для нас человеком светлого облака, поэтом высоких страстей. Его мысль — всегда в русле общего умственного течения.

Я вижу облик мудреца, прищуренные глаза, словно он прицеливается в демагогию и фальшь, в аракеевское словоблудие и цензоров, которые жалкими слепнями вьются по одалям, готовые виться в поэта. Иногда он мне видится за конторкой и стоящим у распахнутого окна. Ноздри тонкого носа нервно втягивают в себя утреннюю прохладу, еще не озаренную солнцем. Он склоняет тяжелую голову, на минуту задумывается и поднимает глаза, наполненные грустью. Он не мог предвидеть, что пройдет более ста семидесяти лет, и мой современник бережно тронет страницы старых фолиантов и сегодняшних книг с его поэзией.

Но это будет потом, а сейчас 1843 год, и поэт собирается, гонимый мечтой юности, в прекрасную Италию. Он торопливо складывает вещи, словно поскорее хочет оторваться от вечных смятений, от постоянной борьбы с цензурой, от признаний и непризнаний критиков. В России — его поэзия: элегии и философская лирика, поэмы и статьи об искусстве. В Россию пишет Баратынский из-за границы своему другу в канун 1844 года: «Поздравляю Вас с будущим, ибо у нас его больше, чем где-либо; поздравляю Вас с нашими степями, ибо это простор, который никак не заменим здешним климатом, поздравляю Вас с тем, что мы в самом деле моложе других народов двенадцатью днями и по сему переживем их, может быть, двенадцатью столетиями!»

Россия для Баратынского священна. Это земля, на которой он рос, из которой, как зеленое высокое дерево, впитывал корнями живительную влагу дней:

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою...

Поэт не смог вернуться на родину. 29 июня 1844 года Евгений Абрамович Баратынский скоропостижно умер в Неаполе.

Лучшие люди России верили в его талант: певец и витязь, лихой рубака Давыдов, замечательный поэт Вяземский, человек высокого ума, тонкий лирик Дельвиг, наконец, Пушкин.

И мне сегодня слышится простуженный, хриловатый голос Белинского: «Из всех поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место, бесспорно, принадлежит БАРАТЫНСКОМУ».

ТЕПЛЫЙ СИТЕЦ

И БЫЛЬ И СКАЗКА

Едва рассвело, загремела дверь, белыми клубами ворвался в подвал морозный воздух. Увели Полину.

— Ведь я тоже что-то делала? — оглянулась она у двери. — Не зря ведь? И я им досадила! Правда, люди? — Правда! Не зря! — крикнула вслед Мэри.

...В полдень, когда они пробирались по заваленному снегом двору — Мэри впереди, а Ганс сзади, — какой-то человек метнулся навстречу. И хотя с тех пор, когда она видела Петрусевича в последний раз, минуло совсем мало времени, она почему-то едва его узнала. Юркий человечек стоял на тропе, не давая пройти, буравил веселыми глазками, всплескивал руками.

— Кого я вижу! Соседка! Эх, как тебя разрисовали! Видать, есть за что. Я говорю, отделали вы ее по первое число! — обратился он к Гансу. — И правильно, вперед умней будет. Эх, и молодежь пошла, доложу я вам, господин немец, — динамит, а не молодежь! Закурить у вас не найдется?

Ганс вынул пачку сигарет, достал из нее две, одну протянул Мэри.

— Не нужно...

— Бери! Не тебе, так... другому.

Ганс щелкнул зажигалкой, закурил.

— Ну, как наша Мэри насчет сугрева? — проглотил слюну Петрусевич. — Ни рожи, ни кожи, а то бы, конечно...

Ганс выдохнул ему в лицо облако дыма.

— Курить! — с угрозой приказал он. — Курить! Ну!..

Не посмея ослушаться, Петрусевич стал старательно вдыхать дым. Ганс улыбнулся.

— Хорошо?.. Приятно?..

— Яволь, господин немец! Тем более после вас...

Грубо отпихнув Петрусевича в сугроб, Ганс повел Мэри дальше.

Он шел сзади и что-то говорил. Быстрым, свистящим шепотом, будто самому себе:

— Это хорошо, что ты не можешь его придумать, теплый ситец. А то бы... Кто знает, выдержала бы ты... А так — не страшно. Так только тебе плохо. А если бы ты придумала и проговорила... тогда бы... Тогда...

Мэри изо всех сил напрягала слух.

— Поэтому я и стрелял... Чтобы... Извини...

Не взираясь эти слова с серо-зеленой шинелью, с чужим, хмурым лицом. А ведь об этом же говорил ей тогда, в подвале, одиорукий дед.

— Я... Я если бы и придумала... Я бы не проговорила.

Не оглядываясь, задохнувшись от волнения, она ждала, что он на это скажет. Но немец молчал.

...Возле учительской, глядясь в зеркальце, стоял Отто. Нос его заметно распух.

— А, Иващенко... Входи, Ганс, — сузил он глаза. — А ты?

— Я покурить...

— Так, так... Ясно.

Мэри снова оказалась в комнате без окон.

Сейчас загучит на машинке белобрысая немка, придет герр Крюгер, и все начнется сначала. Не уйдешь, не убежишь из квадратной клетки.

Она подкралась к неплотно прикрытой двери, выглянула в учительскую.

Отто стоял у окна и, меланхолично глядя во двор, сосредоточенно сжимал и разжимал толстые пальцы огромной пятерни. Готовился к работе, разминался... Он увидел в дверной щели ее глаза и, сжав руку в кулак, ударил по воздуху.

— Сейчас... Немного терпения. Начальство задерживается... — подошел к двери, захлопнул ее.

Не уйти, не убежать! Ужас охватил Мэри. Нагнувшись над ржавой решеткой в центре покатога пола, она попыталась поднять ее... Подняла. Под решеткой был узкий, глубиной в метр колодец, на дне его пятачком чернело отверстие сливной водопроводной трубы.

В соседней комнате послышались голоса, застрекотала машинка. А вот и герр Крюгер пришел.

— Фрау Герда, я просил вас... э... подготовить...

— Да, герр Крюгер... Вы собирались продиктовать комментарий.

— Обойдется! Если мне будут звонить, я в транспортном отделе.

— Тут Иващенко ждет, — подал голос Отто, — как вы приказали.

— Какой Иващенко?

— Это... В связи с теплым ситцем...

— Аа-а-а, да, да... — сказал он с легкой досадой. — Что ж, у меня еще есть полчаса.

Сама не сознавая, что делает, Мэри втиснулась в цементный колодец, присела, нагнула на себя решетку. И замерла.

Заскрипела дверь.

— Что такое? Где она?

Отто стал что-то растерянно объяснять, машинистка подтверждала.

— Не сквозь землю же она...

Внезапно они замолчали. Минута, другая... Они шептались.

— Приведите того, другого, — повысил голос герр Крюгер, а когда Отто, щелкнув каблуками, ушел, принялся диктовать. Он почти кричал. Машинка грохотала, как пулемет.

— ...Означенные теплые вещи после соответствующей санации и реставрирования классифицируются в соответствии с требованиями вышестоящих...

Не решаясь пошевелиться, в каком-то полузабытьи прислушивалась Мэри к голосам и звукам, и время, казалось, уже остановилось для нее. Час прошел или два?

Но вот возвратился Отто, а с ним...

— Скажи спасибо, Гитлер, что руки у меня связаны. Что гирьки у меня нет... Эх! Варежки моей нету!

— Ээ-э-э... Да... Мы, молодой человек, не задержим вас надолго. Скажите только... куда исчезла эта девчонка? Иващенко.

Курчавый даже поперхнулся.

— Она... Она исчезла? Куда? Как?

— Об этом я и хотел узнать... Отто!

Мэри услышала глухие звуки ударов, стон, тяжелое дыхание... Стреко-тала машинка.

— Где она, отвечай! Ты ведь знаешь, знаешь! Ну, теперь ответишь? Ну?!

— Гадина! Я твоих знаков не понимаю!

— Не понимаешь?

Мэри вся сжалась, она занимала разве что половину колодца. О, если бы она могла стать еще меньше, превратиться в мышь, тогда бы она по узкой водосточной трубе...

— Отвечай! Ты ведь знаешь... Теперь знаешь?

— Не знаю... Не...

И ей показалось, что она стала мышью. И вот уже бежит она во влажной темноте, повторяя все изгибы, все колена сливной трубы. И вот впереди стало светлеть. Труба привела ее под осклизлый, полуобвалившийся свод канализационного тоннеля. Еще усилие — и она выбралась наружу.

Как бела, как чиста нетронутая снежная целина!

Оставляя цепочку крохотных, мышинных следов, она преодолела двор, прижимаясь к забору, выбралась на шоссе. Шоссе! Где-то там, где едва слышно, — нет, слышно уже очень явственно — гудит канонада, к шоссе прорвались наши. И с ними отец! Канавами, обочинами — туда, навстречу! Она... Но она мышь... Но там, в учительской, тяжелыми антрацитовыми сапогами пинают тело ее друга... А она оставила его, вытекла в осклизлый, поганый мрак, выбежала на алмазный снег, на гигантское шоссе.

— Я здесь! Не трогайте его! Не бейте! Вы... Вы... Не бейте!

Мэри с трудом разогнула окостеневшее в колодце тело, выбралась на четвереньках, встала на ноги.

— Дурочка, — прохрипел курчавый, — они знали... Хотели, чтоб... выдал я.

Отто захохотал. Визгливо засмеялась машинистка.

Герр Крюгер отнял от лица ладонь, посмотрел на часы.

— Фрау Герда, если мне будут звонить, я... эээ...

— Вы в транспортном отделе, — подсказала фрау Герда.

— Да. Вот видите, мы и комментарий к накладной успели написать. — Он поднялся.

— Буду мечтать! — крикнула вдруг Мэри. — Буду! Буду!

Герр Крюгер рылся в бумагах.

— У меня такое чувство, — устало произнес он, — будто все это уже когда-то происходило.

— Буду! Буду мечтать! Буду...

На остаток дня и ночь Мэри заперли в той же квадратной комнате. Даже решетчатую крышку люка, в котором она только что пыталась спрятаться, прихватили тяжелым, заржавленным амбарным замком. На всякий случай.

Мэри лежала на покато полу и дремала.

Завтра, думала она, завтра. А Крюгер-то... Теплый ситец ему придумай!.. Чего захотел!

«Зимы они боятся, мороза. А этот Ганс... Какой странный! Немец, а... Может, нарочно он? Подлаживается? Бить ее не хочет. Прячется. Покурить, говорит, иду... А других? Других он бил?... гадала она. — Других?»

А русские люди, думала она, мороза не боятся. Нет, не то, чтобы вовсе они не мерзли, просто не боятся. Это их зима, их мороз, они к нему еще до

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

рождения своего привыкли. Александр Сергеевич Пушкин, великий поэт, как писал?... «Здоровью моему полезен русский холод».

(В детстве, бывало, вернется Мэри с улицы домой, а щеки, как мак, алые... И холодные. Даже странно, алые, но холодные.)

— Ничего, это для здоровья полезно, — шлепая ее по щекам, одобительно смеялась мать, — во что хоть играли, расскажи...

— Мы, мама, по сугробам наперегонки бегали. Ох, и насмеялись! Зинка калошу с одного валенка уронила, теперь до весны ее не отыщешь.

Иногда Мэри брала деревянную лопату и прокладывала во дворе глубокую, словно коридор, тропу.

А то спустится к реке и ну галстук свой в проруби полоскать. Поводит алым его языком в темной глубине, и тут же всплывает из-под льда маленькая серая рыбка с розовыми плавничками. Тычется круглым ртом в извивающуюся огненную ткань, кружит около нее.

— Чудо мое, ты что? — шепотом спрашивала Мэри. — Выспалась? Поиграть охота?..

Она вытаскивала галстук, выкручивала и гладко расстилала на зернистом снегу. Галстук схватывало морозцем, он становился твердым и звонким, как раскаленный докрасна треугольный лист стали. Дома он отмякал, быстро становился сухим, и долго потом от него хорошо и свежо пахло.)

Зима с нами заодно, думала Мэри, она вместе с нами, против захватчиков восстает. А что же лето? Неужто наше лето, как Петрусевич, служить им будет?

И она стала вспоминать лето.

(В июне, после экзаменов, захватив с собой все ту же истертую зимой о снег деревянную лопату, спустилась она к реке. На желтой отмели лежало несколько плоскоденок.)

Мэри вытащила из песка кол, к которому цепью с замком была прикована одна из лодок, и, загребая лопатой, поплыла против течения. Она сняла платье и осталась только в плавках и лифчике, загорала. Часа через два пристала к берегу.

Берегом, тропинкою по обрыву шла горбатая бабка с плетеной корзиной, из которой выглядывал петух. Подобрал подол, бабка стала спускаться вниз. Мэри торопливо натянула платье.

— Здравствуй, правнучка, — приветливо произнесла бабка, — ты назад скоро поплывешь? Мне бы в район, к доктору.

— Не знаю, — смутилась Мэри, — я... Скажите, это деревня Камушки?

— Она, правнучка, она. А тебе кого?

Мэри обрадовалась.

— Вот хорошо! Мне сказали — за восьмым бугром, так я уж считала, считала, боялась ошибиться... Мне бы камушки поглядеть... Говорят, у вас в лесу камушки интересные!

— А-а-а-а... С божьими-то ножками? — воскликнула бабка. — Как же, есть... Да я тебе их и покажу, пойдем.

— Но... Вы же больны!

— Да это не я, а петух болен... Петь не стал, дело запустил... Вот Забодай и пристыдил меня. Передового, мол, петушка проглядела.

Она пошла той же тропинкой по обрыву и скоро свернула в лес.

Бабка расспрашивала про то, какая у них в городе кинокартина, про ситчик, платье ее хвалила.

— Ишь, как рябит! А в лодке ты нагишом была, я подумала — мальчик.

— Прабабушка, а кто это — Забодай? — поинтересовалась Мэри.

— Председатель... Он сперва пастухом был, так фамилия очень подходила, потом в армию его взяли, а уж после мы его председателем назначили. Но все равно фамилия подходящая, больно требовательный оказался, просто на удивление... Себя не жалеет, но и другим потачки не дает. Случится, пожалуется кто: куда мне работать, чай, завтра помру. А он: завтра помирай, а сегодня поработай. Или на сапоги кто-нибудь нарекает: прохудились, мол, а в поле вода, грязь... Сейчас с себя сапоги съмет и отдаст: иди работай! А сам худые обует, каблуком притопнет, языком прицелкнет да и в поле...

— А вы как? Не обижаются?

— За что же? Дом хотели ему построить. Он ведь по-старому, как пастух, живет. Месяц в одном доме, месяц в другом. Так обиделся... Ага, говорит, надоел, значит, постоялец.

— А вы что?

— Что ты, говорим, товарищ Забодай! Бог с тобой, наоборот даже, мочи нет очереди ждать. Раз так, говорит, буду не по месяцу жить, а по неделе, чтоб быстрее.

— А вы как? Не обижаются?

— За что же? Дом хотели ему построить. Он ведь по-старому, как пастух, живет. Месяц в одном доме, месяц в другом. Так обиделся... Ага, говорит, надоел, значит, постоялец.

— А вы что?

— Что ты, говорим, товарищ Забодай! Бог с тобой, наоборот даже, мочи нет очереди ждать. Раз так, говорит, буду не по месяцу жить, а по неделе, чтоб быстрее.

Беседуя, незаметно пришли на место.

Точно клубный зал со стройною колоннадой берез, раскрылась перед ними круглая тихая поляна. Мягкой волной ударил в лица аромат созревающей земляники, листвы, трав. Сонно переговаривались невидимые птицы.

— Вот они, камушки наши.
— Камушки?
Это были огромные, по пояс Мэри, гранитные валуны, отшлифованные ветрами и водами тысячелетий.
— А вот и пяточка божья...
На вершине одного из камней, так, точно некогда он был комом глины и лишь потом затвердел, отпечаталась чья-то маленькая, аккуратная стопа. Чья?..

Мэри сняла тапочки, босиком вскочила на теплый камень и поставила правую ногу на древний след. Он пришелся ей как раз впору. Видно, у той, что этот след оставила, тоже был тридцать пятый размер.

— Не верится мне, что божья,— хитро улыбувшись, произнесла бабка,— скорее всего человеческая это ножка, коренная, местная.

На других валунах они тоже разглядели глубоко врезавшиеся крестики птичьих лапок, отпечатки лосиных копыт и волчий, похожий на цветок, след.

— И птица местная, — убежденно сказала бабка, — и лось коренной, и волк. Все мы из одной глины сделаны. Только не все удались. Вот я — хорошая, я по распаханному полю не хожу... — похвасталась, и, кажется, не шутя, бабка.

— И я хорошая, — подхватила Мэри. — Я... Я...
Ничего подходящего ей в голову не пришло. Она смущенно потупилась, посмотрела на корзину и осторожно прикоснулась к горячему петушному гребешку.

Встрепенувшись, петух вскинул гордую орлиную голову и, захлопав крыльями, громко, счастливо закричал.)

Она открыла глаза...
Толстошее улыбающееся лицо Отто расплывалось, таяло, снова выступало из тьмы...
— Спишь?! О, ты молодец! Вставай!

Во дворе ждал железный, с распаханной дверцей автофургон. Подошел Ганс. Глаза у него были большие, беспокойные.

— Потерпи, — услышала Мэри его шепот. — Потерпи...
Он помог ей забраться внутрь. Дверца захлопнулась. Кто-то протянул руку навстречу, поддержал.

— Ты?!
Это был курчавый. Подвинулся, усадил рядом.

— А я и не знал... Что ты такая... — тихо произнес он. — Буду, говорит, мечтать — и все тут!

— А как же?! Что он, с ума сошел! Не мечтает!
— Прямо... расцеловал бы! — с восхищением сказал курчавый и смутился. — В щеку...
— Нет уж, — храбро пошутила Мэри, — в щеку ни к чему.

Он помолчал.
— Губы у тебя... разбиты.
— И у тебя...

Испуганная собственной смелостью, она судорожно зажмурилась. Сейчас... Вот оно! Быстрое прикосновение губ, горячая волна боли, солоноватая кровь... Своя или его?

— Тебя Мэри зовут? — спросил он едва слышно.
— Да.
— А меня Миша, Михаил... Слушай, ты комсомолка?

— Осенью прошлой должны были... Мне уже и нагрузку дали...
Она вспомнила про сигарету и стала искать ее.
— Вот. Хочешь?

— Спасибо! — обрадовался он.
— Ой, а спичек-то нет.
— Не важно... Я ведь... Я еще некурящий...
Ее это почему-то огорчило.

— Пробовал, — сказал он, оправдываясь, — но никак... Кашляю, глаза слезятся. — Он понюхал сигарету и удивился. — Странно, как пахнет хорошо, цветами, а ведь немецкая... — Он прислушался. — Под горку едем. Чувствуешь?

Машину качнуло, мотор натужно взревел, захлебнулся.
— А теперь в гору, — шепотом произнесла Мэри. — Зачем?..
— Известно зачем.

Они вздохнули и, неожиданно осмелев, крепко обнялись.
— Миша! Это? Не верится... А куда?..
— Далеко не увезут, — сказал он. — Забодая бояться...

Машина остановилась. Мэри судорожно сжала его руку.
— Тебе хорошо, — выговорила она. — Ты... Ты все-таки... комсомолец.
— Да, — согласился он, — мне лучше.

— Выходи! — закричал, распахивая дверцу, улыбающийся Отто. — А ну, голубки, поживее!

Глядел под ноги молчаливый Ганс.
Мэри и курчавый выбрались из машины.
Стоял тот тихий, невыразительный час дня, когда еще минута или десять минут, от силы двадцать — и наступят белесые сумерки. А там — сразу крошечная зимняя темнота.

Свежими кочанами захрустел под ногами снег.
— Прямо! Направо! Быстрее!

Но они слышали не только хруст снега. За рекой, за черной каймой леса глухо перекатывался оружейный гром.

— Наши! — выдохнула Мэри. — Слышишь?
Только тут она узнала это место: весь в кирпичных фундаментах пустырь за плотиной, будущий Соцгород. А это... Да это же тот самый дом, на пятом этаже которого...

— Мэри! — порывисто оглянулся курчавый. — Хочешь тоже? Комсомолкой?
— Да! А как?

— Молчать! — крикнул Отто. — Прямо!

Снег вокруг был в алых, кровавых пятнах. Узкая, давно протоптанная тропинка вела к иссеченной автоматными очередями глухой стене. Кто знает, может, и старик тот, ветеран, был здесь и тетка Полина...

Они стали рядом, лицом к немцам. Курчавый положил ей на плечо руку.
— Правом, данным мне... — хрипло сказал он, — правом, данным мне... скорой смертью... принимаю тебя... в наши ряды... — Он сжал ей плечо. — Ну, вот...

— Спасибо! — вырвалось у нее.
Взрыв снег, подкатил и резко затормозил длинный легковой автомобиль. Показался лакированный сапог, выпрыгнул герр Крюгер. Он был в военном...

— Одну минуту! Подождите!
Подошел к солдатам, прикрыв рот ладонью, что-то проговорил. Сверкнули выстрелы.

Скрежещущий грохот их еще держался в ушах, проплыл острый пороховой запах... И вдруг Мэри поняла, что стоит, как прежде, что жива, и растерянно оглянулась. Рядом, чуть позади, на снегу неподвижно лежал курчавый. Высыхая себе урло, поблескивая, копошилась кровь... А она жива. Что... что он о ней подумает? Там...

— Немцы! — в испуге закричала она. — Я жива! Вы промахнулись! Еще!.. Выстрелите еще!.. Я хочу с ним...
Увязая в сугробе, сторбившись, шел к своей машине герр Крюгер. Отто добродушно посмеивался.

— Поехали... — взял ее за руку Ганс. — Ты жить будешь!
— Нет, — кричала она, вырываясь. — Нет! Я должна! Убейте!

Когда они вернулись к школе, было уже темно. Дверь знакомого отсека оказалась незапертой, часовой удивленно поднял брови.

— В чем дело? Пулю пожалели?
— Герр Крюгер не теряет надежды, — объяснил Отто.

Теперь она была одна. Но по-прежнему слышались ей чьи-то стоны и голоса, смех или кашель, как прежде чудилось в темноте влажное ночное небо над крутым берегом; парное дыхание цеха, дождь, просеянный через листву.

«Не обижайся на меня, Миша, — мысленно извинялась она, — так получилось, завтра мы будем вместе, завтра!.. Я комсомолка, — думала она, — комсомолка! Это Миша догадался, успел! Теперь все будет хорошо!..»

Рядом с горем, будто прекрасное узловатое дерево сирени над могилой, расцвела ее неожиданная радость. Захочу, думала она, и, назло фашистам, жить буду! Пусть хоть все патроны на меня изведут. Теперь я сильная! И умней стала... Захочу, и теплый ситец придумаю... Даже удивительно! Так вот от чего унеют люди! Теперь стоит мне только...

Мэри вскочила на ноги и, прислушиваясь к родившейся вдруг мысли, прижала руку к груди. Ситец! Как же она раньше не догадалась? Ох, хорошо, что не догадалась раньше! Ситец! Оказывается, его так просто сделать теплым!

Она взволнованно заходила по подвалу. Придумала, изобрела! Ну, до чего же она смысленная!.. Оказывается, нужно добавить... Нет, нет!.. Она испуганно оглянулась. Нет! Не дай бог, услышат, узнают...

Она легла на землю, в углу, где лежала недавно тетка Полина, и затихла. Свалившаяся на нее загадка — секрет теплого ситца — ощущалась теперь опасностью, бедой. Что, как узнают секрет этот они? И двинутся вперед, через бессильно шипящие русские снега, одетые в теплый ситец потные вражьи армии.

Что я наделала? Что же я... Не скажу!.. Ни слова!.. Нет!
Выбьют, посылались ей как бы издали вздох тетки Полины, ногти у них на ручищах, как на ногах.

Нет, нет! Я жить хочу... Ни словечка, нет...

И сон ее путался с мечтами, решимость со страхом. Виделся ей жаркий южный город. Виноград прямо на улице растет. Правда, не очень крупный. А вот море... По набережной гуляет она с двумя дочерьми-близнецами. На загорелых личиках их темные от солнца очки! А вот муж ее идет, несет четыре порции мороженого.

— Миша, ты что так долго?
— Отпускники поехали, вроде нас...

Привиделась и зима...
Портьеры на окнах ее квартиры сшиты из теплого ситца. О батареях парового отопления забыли и старики. Поглядела она в окно, а там близнецы по сугробам наперегонки бегают.

— Миша, позови девчонок — простудятся.
— Что ты? Они же в сарафанах!
Накинула на плечи теплую ситцевую шаль, вышла на морозец.

— Доченьки, ноги не озябли?
— Что ты, мама! У нас в сандалиях стелечки из ситца.
Как красиво вокруг! Дома до облаков, на шпилях — звезды, а в звездах — электрические лампочки. Соцгород! Взглянь после войны — и достроили. Только стену, иссеченную автоматными очередями, трогать не стали. Оставили, как память. Правильно! Это...

— Вставай! Проснись же! Снова наверх требуют...
Ворвался в сознание знакомый, но чужой немецкий голос, вернул ее в затхлое подполье.

— Вставай, — бормотал Ганс. — Вставай! Герр Крюгер еще не успокоился... Но это ничего, ты потерпи... Ему надоест... Потерпи.
Они вышли во двор. Зажмурившись, Мэри остановилась.

— Думаешь, я не был в твоей шкуре? — шелест над ее ухом торопливым шепотом Ганс. — Ты песню такую знаешь? «Красный Веддинг»? Когда-то и я... Я тоже ее пел. Да, да! Не веришь? Я ее еще спою, подожди, дай время...

Мэри открыла глаза. Подтаявший и тут же заледеневший, мягко снял снег. Он как бы исчез, превратился в свет.

Хорошо-то как на воздухе!
— Ганс... Тебя ведь Гансом зовут, да? Я сейчас побегу, Ганс. А ты... ты... Согласно уставу. Как вчера...

— Нет! — вскрикнул он. — Нет! Вчера я тебя еще не знал.
Она посмотрела на его серое, помертвевшее лицо.

— Меня сейчас... пытаться будут... А я... Я придумала. Я ситец придумала. Понимаешь?

— Но... Но ведь ты... Ты ведь не проговоришься! Ты...
Стараясь не поскользнуться, Мэри повернулась и неловко побежала по снежной целине, через двор.

Быстрее, быстрее... Вот уже и угол школы недалеко. А за углом — ворота, часовые. За воротами — шоссе. Оно тянется далеко-далеко, до горизонта. Навстречу нашим.

«Ну же! — мысленно поторопила она Ганса. — Стреляй же! Стреляй! Стреляй!..»

НОВАЯ ПРОФРЕССИЯ

Ким СЕЛИХОВ, Юрий ДЕРЮГИН

Выписка из аттестации капитана Сэла Хэллорена:

Разум:

быстро схватывает существенные моменты ситуации.

Рассудительность:

надежен в смысле принятия должных решений.

Инициатива:

способен самостоятельно ставить и выполнять задачи.

Характер:

сильный, динамический.

Организационные способности:

хороший руководитель.

Преданность:

непреклонная.

Настойчивость:

решителен, тверд.

Реагирование в критических ситуациях:

действует спокойно и логично.

Выносливость:

может хорошо нести службу в весьма трудных условиях.

Трудолюбие:

тщателен и энергичен.

Военная выправка:

исключительная.

Мудрая внешняя политика Коммунистической партии Советского Союза одерживает одну победу за другой. Все чище становится небо над нашей планетой, все ближе становятся друг к другу люди, все больше раскрываются перед ними жемчужины талантов искусства и техники, музыки и поэзии. В последние годы две великие державы, два великих народа Советского Союза и Соединенных Штатов Америки, развеяв тучи «холодной войны», заключили ряд основополагающих договоров и соглашений, вселяющих всему человечеству дух оптимизма и уверенности в прочном мире на всей земле. Наша партия, весь советский народ рассматривают итоги последней встречи Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежневца с Президентом США Дж. Фордом как новый крупный шаг на пути претворения в жизнь Программы мира, выработанной XXIV съездом КПСС. Мы от всего сердца высоко оцениваем вклад, внесенный в это дело товарищем Л. И. Брежневым. В переговорах, проходивших в обстановке откровенности и взаимопонимания, получил новое подтверждение и развитие курс на дальнейшее улучшение советско-американских отношений, позволяющий избавить все человечество от угрозы новой мировой войны, укрепить всеобщий мир.

Этот акт миролюбивой политики Страны Советов вызвал вздох облегчения людей на всех континентах земли. Вместе с советским народом установление дружеских торговых и культурных отношений приветствует большинство американского народа. Но, к сожалению, в США есть силы, которым такое деловое сотрудничество — чужая кость, застрявшая в горле. Это прежде всего представители военно-промышленного комплекса, «ястребы», как образно их окрестил сам американский народ, пытающиеся вести с нами диалог с позиции силы, в духе «холодной войны». Они не жалеют для этого ни сил, ни долларов, пытаются подчинить своей идеологии умы американцев и прежде всего молодежи. Именно об этом рассказывают в своей книге «По следам джи-ай» Ким Селихов и Юрий Дерюгин.

«Ястребы» пытаются отравить сознание молодых солдат ядом антикоммунизма, внушают им чувства расовой дискриминации, ненависти ко всем, кто выступает за мир, национальную независимость и социальный прогресс. Их обреченность неминуема. Как нельзя погасить солнце, так нельзя уничтожить желание народов жить в мире и дружбе, любить друг друга. «Ястребы» — это не народ Америки. Это только капля в море. Но капля опасная, которая повисла над весами военной машины, готовой к старту мировой войны. И чем больше будет у миролюбивых сил возможностей помешать этой «капле» переполнить чашу весов страшной машины смерти военно-промышленного комплекса империализма.

К вечеру океан разгулялся не на шутку. Сэл Хэллорен не уходил с палубы. А когда брызги осыпали его с головы до ног, он смеялся счастливо и кричал океану:

— А ну еще, еще давай! Веселей поворачивайся, старая клыча!

С каждой милей настроение у Сэла все больше поднималось. Корабль держал курс к родным берегам. Давно исчезла из глаз кромка вьетнамской земли, а вместе с нею все тревоги и заботы Сэла.

Сегодня он самый счастливый человек на земле. Впрочем, так же, наверно, думают и остальные — они горланят сейчас песню на баке, прополаскивая глотки добрым ямайским ромом. Они живы и возвращаются домой. Проклятые джунгли с капканами смерти на каждом шагу остались далеко позади.

Американский экспедиционный корпус покидал берега Вьетнама с оружием и боевыми знаменами, с музыкой, с песнями. Ничего не скажешь, парад удался. А вот война не удалась. Не по своей воле пришлось эвакуироваться американским солдатам.

Впрочем, не все вояки убралась домой. Сэлу тоже предлагали остаться в Сайгоне. Появилась новая заманчивая должность — «гражданский

специалист». Нужно было только сменить военную форму на штатский костюм. А работа прежняя: обучать и держать в постоянной готовности марионеточную сайгонскую армию. Заниматься своим делом так же, как те ребята, что сидят по соседству, в Южной Корее и на Тайване. Много их и на острове Окинава. В Азии восемьдесят четыре военных объекта армии США, многие тысячи солдат. А сколько американских парней несут службу в Европе, бороздят на кораблях и подводных лодках моря и океаны!

Для Сэла Хэллорена деньги всегда были главным аргументом, когда требовалось принять то или иное решение, сделать выбор. К этому его приучили с детства. Но тут он колебался. Не порвать ли навсегда с военной службой? Заманчивым было и предложение остаться во Вьетнаме «гражданским специалистом».

Однако, как всегда, вмешался старик. Прислал сыну категорическую телеграмму: «Ни дня больше во Вьетнаме, свяжись с моим другом».

Вот тебе и раз! А когда Сэл надумал было проститься с армией, старик обругал его последними словами. Это письмо и по сей день в чемодане Сэла: решил сохранить для семейного архива. Уж больно оно красноречиво и многословно. Старика словно прорвало. Обычно скупой на слова, он вдруг размахнулся на три страницы.

«Надо быть абсолютным болваном, а не сыном делового человека, чтобы сейчас уходить из армии, — писал он. — Неужели у тебя мозги нурицы и глаза совы при дневном свете, чтобы не видеть реальности? Нет, врешь, время военных в Америке не миновало. Наоборот, оно только начинается. Идет сращивание капитала с военной машиной. Любовные объятия мертвой хваткой. Армия сегодня — это наш с тобой самый большой и надежный бизнес. А ты слюни распустил, собрался удрать от дела...»

Сэл читал это письмо, лежа на госпитальной койке. Поехал с инспекцией в войска и получил пулю в спину. Счастье, что легкое не задето — пуля прошла навылет. За это ему дали медаль и повысили в чине. Но он плевал на эту побрякушку с ленточкой и капитанские звездочки. Он хотел жить, а не валяться на земле со стеклянными, полными ужаса глазами, какие были у тех парней, что вместе с ним попали в засаду. Хорошо отцу рассуждать там, на загородной вилле. Полазил бы здесь, в джунглях, интересно, какую бы тогда песню запел... Нет, с него хватит! Пусть рана заживет, он сделает все, чтобы смотать удочки.

Рана зажила. Сэл снова перечитал письмо отца, и оно показало ему не лишенным здравого смысла. Брань, вызвавшая прежде раздражение, теперь пришлась по душе Сэлу. Таким тоном мог говорить только уверенный в своей правоте человек.

И Сэл сделал так, как советовал отец: пошел к его другу генералу Чарльзу Диксону. Тот встретил Сэла словно родного. Они выпили по чашке кофе с ликером, и генерал вручил Сэлу новое предписание: он отзывается на родину.

Капитану Сэлу Хэллорену предстояло освоить новую военную профессию...

— О, наконец-то! А я уж решил, что ты пошел на закуску акулам! — весело воскликнул Джим Смит, когда промокий до нитки Сэл открыл дверь каюты.

Мягкий, приглушенный свет неоновой лампы, отличное виски с содовой, прохладный ветерок от вентилятора — все это настроило офицеров на волну воспоминаний.

Джим Смит и Сэл Хэллорен были друзьями еще с военного училища. Теперь, из армейского далека, Вест-Пойнт казался им земным раем.

— Боже мой, как чертовски быстро летит время! Ведь уже три года, как мы покинули Вест-Пойнт, — сказал Джим.

— Не три, а три с половиной, дружище.

— А мне кажется, это было вчера... Помнишь, как мы оба удивились, когда услышали, что приходимся друг другу дальними родственниками?

Да, в этом старинном военном училище армии США знают всю подноготную не только воспитанников и их родителей, но и дедов и прадедов.

Нелегко быть зачисленным в Вест-Пойнт. Прежде всего приемная комиссия тщательно проверяет политическую благонадежность абитуриентов. Эта проверка установила, что Сэл и Джим не состоят и никогда не состояли ни в одной из трехсот податных организаций, зафиксированных в специальном перечне министерства юстиции США. Комиссия с удовлетворением отметила, что эти абитуриенты так же, как и их родственники, близкие и дальние, не имеют никаких связей с Коммунистической партией США. Та же комиссия пре-

СЭЛ ХЭЛЛОРЕНА

поднесла Сэлу и Джиму сюрприз: оказывается, их прадедушки были двоюродными братьями!

Сэла Хэллорена и Джима Смита сравнительно легко приняли в училище. Помогли им не столько свидетельства об успешном окончании колледжа, сколько рекомендация самого президента Соединенных Штатов¹ и положение, которое их родители занимали в обществе. Отец Сэлы возглавлял судостроительную компанию, отец Джима владел скотобойнями в Чикаго. Для тех парней, родители которых не имеют солидных капиталов, чужинные ворота Вест-Пойнта закрыты наглухо.

По данным американского социолога Лоуренса Рэдвелла, приведенным в докладе на VII Международном социологическом конгрессе в 1971 году, среди курсантов Вест-Пойнта более сорока процентов — сыновья военных и крупных бизнесменов.

Классовый отбор офицеров в армию США особенно усилился после второй мировой войны. Пентагон провел несколько чисток офицерского состава, и из армии были уволены все коммунисты — офицеры и рядовые (всего пятнадцать тысяч человек), хотя они проявили храбрость и мужество в борьбе с германским фашизмом и японским милитаризмом. Многие из них подверглись преследованиям, были лишены законных прав и привилегий. В нарушение существующих законов военное ведомство запретило похоронить на Арлингтонском военном кладбище урну с прахом видного американского коммуниста, ветерана второй мировой войны Р. Томпсона.

Власти надежно охраняют свой офицерский корпус от «коммунистической крамолы» и волюнтаризма. В военных училищах растут достойных сыновей капитала, готовых по первому зову огня и мечом встать на его защиту.

Тогда, с первого дня, Вест-Пойнт казался Сэлу и Джиму таким адом. Они старались держаться вместе — так было легче переносить бессмысленную жестокость и унижения, которым, с точки зрения начальства, необходимо было подвергать новичков для выработки характера.

Командование училища держало воспитанников в постоянном моральном и физическом напряжении. То и дело объявляли приказы об отчислении тех, кто не выдержал суровых испытаний первого курса. Некоторые уходили сами.

За поведением воспитанников следили самым изощренным образом. Над ними дамокловым мечом висела злобная «система заслуг». Заключается она в следующем. Всех курсантов распределяют по учебным группам численностью в пятнадцать — двадцать человек. Состав групп меняется ежемесячно. В зависимости от полученных оценок и поведения курсантов переводят из одной группы в другую — из низшей в высшую, и наоборот. Длительное пребывание в низшей группе грозит отчислением.

Первый курс наконец остался позади. Дальше жить и учиться стало легче, словно, как у спортсменов, пришло второе дыхание. Но это было уже не их дыхание, не их мысли, не их воля. Строго продумана система лепки курсантов на военный лад, по военному стандарту.

Годы, проведенные в училище, выработали у Сэлы и Джима, как и у большинства курсантов, стереотипы мышления и поведения. Они неуклонно следовали девизу вестпойнтовецев: «Работать как следует, но не просяживать штаны, как студенты». Они принимали на веру понятия «патриотизм», «традиции», «преданность» в толковании официальной пропаганды. Споры с преподавателями и дискуссии на политические темы считались в училище ненужным, пустым занятием.

Сэл Хэллорен и Джим Смит были «боевыми орлами» — так называют в Вест-Пойнте тех, кто стремится к военной карьере.

...Сэл потянулся к магнитофону, и в каюту ворвались бравадные звуки боевого марша.

— Узнаешь? — спросил он Джима.

— «Лихой белый серпант». Черт возьми, да это же наш вест-пойнтский оркестр! — удивленно и радостно воскликнул Джим.

— Он самый, — подтвердил Сэл, — в день выпуска я записал весь его репертуар. Помнишь, какой это был яркий, красивый праздник?

— Еще бы! Сияют на солнце медные трубы. На трибунах разодетая толпа. Наши мамы, папы и все другие родственники. И мы с тобой в новых мундирах лихо маршируем перед ними.

— И красивые девочки бросали нам цветы под

ноги, — добавил Сэл. — А потом роскошный торжественный обед и бал!

— Да, нам есть что вспомнить, старина. Счастливого было время, не то что на этой проклятой войне... — Джим тяжело вздохнул и сделал добрый глоток виски.

Приятели заговорили о том, что их волновало сейчас, что занозой сидело в сердце, пожалуй, каждого офицера американской армии. Они пытались анализировать постоянные неудачи экспедиционного корпуса, докопаться до истинных причин поражения. В Вест-Пойнте курсанты свято верили в силу первоклассного, единственного и неповторимого, как им говорили, американского оружия, в техническое превосходство и электронное могущество США, в высокое боевое мастерство американского солдата, в его профессиональное, доведенное до автоматизма умение воевать. Во Вьетнаме все оказалось иначе. Престиж военной машины США катастрофически падал, и это приводило офицеров в бешенство.

И сегодня они дали волю накопившейся в сердце горечи. Оценивая поражение американской армии во Вьетнаме, они, как всегда, были единодушны: во всех бедах, несомненно, повинен солдат — он, по их мнению, оказался сырьем недоброкачественным. Другого слова для оценки своих подчиненных у них не нашлось. Слишком велика социальная дистанция между ними, представителями привилегированной офицерской касты, и теми, кого называют джи-ай. Они относились к солдатам, как относятся к наемному рабочему предприниматель.

Правда, в Вест-Пойнте их учили прикладной психологии, советовали быть деликатными, общаться с рядовыми. «Вы не можете бить ногой собаку и вообще плохо с ней обращаться и ожидать в ответ ее привязанности, точно так же и с солдатом, — говорили преподаватели. — Природе любого зверя или человека несвойственно возвращать в ответ что-либо иное, кроме добра за добро и зла за зло».

Как ни просила мать, старик и пальцем не пошевелил, чтобы продлить сыну отпуск. В точно назначенное предписанием время капитан Сэл Хэллорен прибыл в Форт Харрисон, штат Индиана. Ему снова предстояло учиться. На этот раз отбор был значительно строже, чем в Вест-Пойнте. Сюда брали кадровых офицеров, обладающих опытом работы в войсках. С особой тщательностью изучали досье политической благонадежности. Проверяли также эрудицию офицера, его умение работать с людьми, завязывать дружеские контакты.

Сэл с честью выдержал все испытания и был зачислен в школу информации вооруженных сил США. Это закрытое военное учебное заведение — гордость Пентагона. Вскоре Сэл убедился, что совсем не глупые парни сидят там, на берегу реки Потомак, раз они сумели придумать весь этот маскарад.

Офицеров учат методике информации личного состава вооруженных сил США. «Только информация и никакой политики» — так по крайней мере гласит вводная часть программ по курсу «Угроза мирового коммунизма свободному миру». Лекции на эту тему читают специалисты из ЮСИА, ЦРУ и ФБР, представители штабов всех родов войск.

Усвоив смысл своего будущего армейского ремесла, Сэл с интересом штудировал методологические основы командной информации, чтобы знать, как отвечать солдатам на самые щекотливые вопросы, касающиеся морали и политики. Все было расписано четко, по пунктам. С джи-ай необходимо регулярно беседовать, тонко и незаметно приучать их мыслить по трафарету.

Американская демократия и свобода — вот тема, для развития которой офицер не должен щадить ни своего красноречия, ни своих сил. Нужны особый подбор фантов, наглядность, доходчивость. Для достижения цели все средства хороши. Даже самая обыкновенная ассигнация в один доллар, умело использованная офицером, может стать предметом политической пропаганды. Именно это и продемонстрировал майор Кларк на семинаре по методике беседы с солдатами об истории Соединенных Штатов. Неожиданно он потребовал, чтобы слушатели достали из бумажников долларовую ассигнацию, а потом спросил:

— Ну-с, джентльмены, что вы можете рассказать своим подчиненным об истории Америки, глядя на эту благородную бумажку?

— Не знаю! Жаль, — посоветовал майор. — Каждый американский доллар умеет говорить языком нашей свободы и независимости. А заставить его говорить может человек, обладающий образным

мышлением, стоит лишь немного пошевелить мозгами. Но это так, лирическое отступление. — Он посмотрел на часы и продолжал обычным тоном: — Перед вами ассигнация. На ее лицевой стороне портрет Джорджа Вашингтона — первого великого президента великой Америки. Вглядитесь в его мужественное, открытое лицо — оно воплощает ум и волю нашей нации. А теперь переверните ассигнацию. Слева вы видите круг, заключающий незавершенную пирамиду из тринадцати ступеней. Над пирамидой треугольник с изображением человеческого глаза внутри. Все это в ореоле сияющих солнечных лучей. Виникните в глубокий философский смысл девизов у основания пирамиды. «Новая последовательность веков», «Бог одобрил это дело». Здесь же несколько римских цифр, составляющих число 1776 — год провозглашения нашей независимости. Пирамида — символ стабильности и стойкости нашего общества и его правительства. Изображение справа знакомо вам лучше — это оттиск большой государственной печати США. В центре ее орел с распростертыми крыльями. Он держит в лапах с девизом «Из многих одно». Так образуется наше государство: из многих штатов — единые Соединенные Штаты Америки. У орла острое зрение, крепкий, хваткий клюв, и он надежно охраняет и защищает союз штатов...

Поступая в школу информации, Сэл Хэллорен наивно думал, что Форт Харрисон — это нечто вроде дома отдыха для господ офицеров. Занятия — так, для развлечения; останется масса свободного времени, которым он будет располагать по своему усмотрению. Однако с первых же дней его иллюзии рассеялись. В школе была строгая армейская дисциплина, занимались напряженно, целыми днями. Пентагон по-деловому и всерьез говорил своих идеологических проповедников — офицеров информации. Каждый офицер, помимо изучения методики идеологического воздействия на солдат, должен был овладеть навыками ораторского искусства, психологии, педагогики и индивидуальной работы с солдатами. Программа включала также практическую журналистику и методику организации идеологического воспитания личного состава с помощью радио, телевидения и кино.

«Оружие дальнего прицела» — так окрестили в Форте Харрисон средства массовой информации, с которыми в недалеком будущем предстояло иметь дело офицеру информации Сэлу Хэллорену. Для идеологической обработки солдат вооруженные силы США располагают 204 радиостанциями и 80 телецентрами на берегу, а также 56 радиостанциями и 11 телецентрами на кораблях ВМФ. Ежегодно военная радиотелевизионная служба выпускает в эфир 450 тысяч радиопрограмм и 60 миллионов футов телефильмов.

Когда-то Сэл часами сидел у телевизора. Мальчишкой он любил фильмы, где скачут кони и метко стреляют ковбои, где преступников непременно настигают красавцы детективы. С годами он стал равнодушнее к телевизионным передачам. А после Вьетнама вообще хотелось тишины и покоя. Но в школе информации ему пришлось снова сидеть у телевизора — теперь уже в учебных целях. К сожалению, он не нашел для себя ничего нового. Изменились лишь имена героев телефильмов, а в остальном они были поразительно схожи с прежними — как и те, стремились жить по законам джунглей.

...Вот восседают в креслах, положив ноги на стол, боссы легендарной мафии. Они готовы в любой момент с быстротой молнии выхватить кольты, чтобы убрать неудобных полицейских — именно неудобных. Ведь даже сверхсыщик Джеймс Бонд, который совершил столько кровавых убийств, к мафии относится с нескрываемым восхищением. Вот высматривает очередную жертву новый герой, пятнадцатилетний сын миллионера в окровавленной рубашке, которую он носит с нескрываемой гордостью. Он жаждет крови, он не может жить без наслаждения предсмертными агониями своих жертв. А нож ему подарил морской пехотинец, воевавший во Вьетнаме. А вот и бывший пехотинец, правда, не тот, который подарил нож. Этот отличный снайпер. И хотя война во Вьетнаме закончилась, он по привычке продолжает убивать.

И так изо дня в день, из программы в программу проповедует американское телевидение культ силы, жестокости, эгоизма. Не отстает от него специальная радиотелевизионная служба Пентагона: «Смерть в два часа ночи». «Убей мою любимую». «Игра со смертью» — это лишь некоторые из боевиков армейского голубого экрана. Офицеру информации предстояло всячески пропагандировать среди солдат такие передачи. Нравятся или не нравятся они капитану Хэллорену, он должен говорить о них с любовью и уважением. Так, как того требует Пентагон.

Среди средств массовой информации, используемых Пентагоном, одно из важнейших мест занимает кино. По заказам военного ведомства кинофирмы «Экзекьютив продакшн», «Юнайтед уорлд филмз» и армейские студии выпускают учебные фильмы и киножурналы для войск.

Современный американский кинематограф, работающий на вооруженные силы США, большое внимание уделяет показу жизни джи-ай на бое-

¹ В военные училища США юношей принимают по рекомендации президента или вице-президента страны или членов конгресса либо сената, а также начальников штабов видов вооруженных сил. По данным американской печати, восемьдесят пять процентов нынешних курсантов поступили в офицерские училища по таким рекомендациям. Остальные — дети тех, кто погиб или стал инвалидом во вторую мировую, корейскую, вьетнамскую войны, а также молодые люди, отцы которых проходили действительную военную службу в вооруженных силах. Лишь незначительную часть курсантов набирают среди солдат и сержантов.

анских военных базах. Герой кинолент, как правило, занят поисками эротических удовольствий. Он демонстрирует силу американского солдата, побеждает своих соперников в публичных домах, барах, ресторанах. Он отстаивает идеалы могущественной Америки. Некоторые фильмы посвящены проблеме «расовоединой» армии. Их цель — замаскировать расовые противоречия в американском обществе.

В вооруженных силах США издается более тысячи различных газет. Самая крупная из них — «Старз энд Страйпс». Она была создана еще во время первой мировой войны и предназначалась главным образом для солдат. Теперешнее ежедневное издание основано в 1942 году в Лондоне. К 1969 году тираж газеты достиг 300 тысяч экземпляров. У нее постоянный штат гражданских и военных корреспондентов. Полосы «Старз энд Страйпс» заполнены различной информацией. Но преобладают материалы политического характера — их отбирает и контролирует управление информации. Кроме «Старз энд Страйпс», в вооруженных силах США издаются еженедельные газеты армии — «Арми таймс», военно-морского флота — «Нэйви таймс» и военно-воздушных сил — «Эйр форс таймс»: их общий тираж около четырехсот тысяч экземпляров.

...Случилось это примерно за неделю до окончания школы. Ночью всех подняли по боевой тревоге, посадили в грузовики и повезли в неизвестном направлении. К рассвету Сэл Хэллорен попал в район «боевых действий».

Командование познакомило слушателей школы информации с оперативной разработкой Пентагона. В ней, в частности, сообщалось:

«Государство Колумбия стало в своей политике ориентироваться на государство красных и искать у него помощи. Любящие свободу колумбийцы ведут против правительства партизанскую войну. Голубая республика, тесно связанная с Западом, послала для поддержки партизан свои специальные войска и заявила, что не допустит нарушения границ Колумбии государством красных. Дальше случилось неизбежное. Партизанское движение стало настолько сильным, что правительство Колумбии запросило помощи у красных, которая и была оказана. Тогда голубые, чтобы поддержать партизан, выбросили парашютный десант. Началась большая война».

Да, здесь все было, как на настоящей войне. Лейтенанты первыми лихо высказывали из окопов и вели своих солдат в атаку. Правда, там, в далеких вьетнамских джунглях, капитан Сэл Хэллорен не замечал у офицеров такой прыти. Они предпочитали идти в атаку последними, а боем руководить из надежного укрытия. Но здесь, когда тебе ничто не угрожает и столько больших чинов наблюдает за твоими действиями, не грех и побегать впереди роты. Когда «враг» был разбит наголову, Сэла и его товарищей пригласили посетить так называемую «школу выживания», чтобы они своими глазами увидели в действии систему воспитания в духе «Кодекса поведения». Ее цель — научить солдата вести себя в «красном плену». Привели новую партию «пленных». Сержант наносит точный боксерский удар, и парень без сознания падает на землю. Это послужило сигналом к массовому избиению. С яростью, не жалея ни рук, ни ног, набросились «охранники» на «врагов». Потом «пленных» заставили валяться в пыли, ползать по грязи, висеть вниз головой, уцепившись ногами за горизонтальную перекладину. И еще одно испытание: сидеть скрючившись, обхватив ногами столб. Затем начался допрос.

Требовалась подробная информация о воинской части — дислокация, фамилии офицеров, наличие боевой техники. Допрос был со знанием дела, пристрастный, сопровождаемый ударами кулака и бранью. Но вот в игру вступают девицы с томным взглядом, вкрадчивым голосом, голыми коленками. Их задача — соблазнить «пленного», развязать своими чарами его язык.

Затем «пленных» выстраивают перед зловонными бочками.

— Ну, гады, головой вперед! — приказывает сержант. — Пошевеливайся! Живо!

Несчастных насильно заталкивают в эти бочки. Кажется, все до одного задохнутся. Но у бочек нет дна — они соединены с широкой канализационной трубой. Хочешь остаться живым — ползи по трубе, тебя ждет свежий воздух, избавление от пыток, свобода. Испытания, однако, еще не закончены. Нужно еще пробежать пятнадцать километров по пересеченной местности, вновь пройти через расположение войск «агрессора», через огненное поле, где не жалеют ни холостых патронов, ни взрыв-пакетов...

Вечером командир части устроил в одном из местных ресторанов прием для слушателей школы информации. И, подняв бокал, произнес тост:

— Я пью за солдата с вечно горящими глазами диного зверя. Дайте нам такого солдата, джентльмены! Слава и честь Америки в ваших руках!

Рисунок Владимира ИВАНОВА и Виктора СКРЫЛЕВА

Рисунок Петра КУЛИНИЧА

Рисунок Олега ТЕСЛЕРА

Рисунок Владимира ИВАНОВА

Рисунок Леонида ВОРОБЬЕВА

Г И Р К А Н Н О .

Слова Родиона ПЛАКСИНА
Музыка Эсфири БАРКОВОЙ

Песня о Викторе Хара

Ты звени, звени, звени, моя гитара,
Ты, струна моя певучая, не равись —
Жил на свете добрый парень Виктор Хара,
Сын чилийского народа, коммунист.

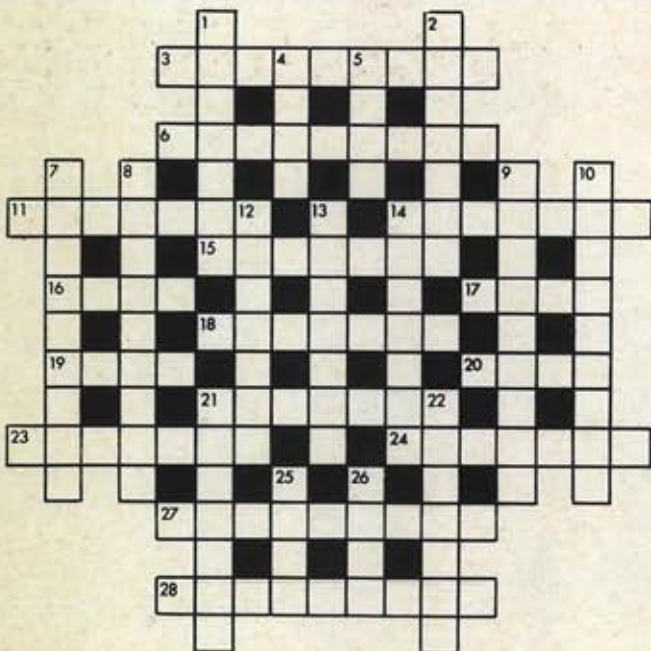
...Каждый миг ему враги грозят расплатой,
Только шаг один остался до беды,
Но бесстрашно под прицелом автоматов
Революция клянется победить.

П р и п е в:
Придет свобода
Труда и песен!
Тому порукой —
Моя борьба!
Вставайте, братья!
Давайте вместе
Вернем свободу
Навсегда!

Грянул залп по партбилету и гитаре!
...Ты, струна моя певучая, не равись —
Жил на свете добрый парень Виктор Хара,
Сын свободного народа, коммунист.

Все мне кажется, что он вот-вот вернется,
Он гитару из обломков соберет,
Вместе с нами он живет и не сдастся
И к свободе снова родину зовет.

П р и п е в:
Вставайте, братья!
Давайте вместе
Вернем свободу
Навсегда!
Придет свобода
Труда и песен!
Тому порукой —
Моя борьба!

КРОССВОРД

Составил Б. ТАШЕВ.

По горизонтали:

3. Самоуправление.
6. Древнегреческий комедиограф.
11. Оночательный экземпляр рукописи.
14. Южное хвойное дерево.
15. Столица южноамериканского государства.
16. Комедия В. Маяковского.
17. Снимок на ленте кинофильма.
18. Летнее женское платье.
19. Цветок.
20. Река на юге Азии.
21. Порт в бухте Охотского моря.
23. Солдат.
24. Мыс у северного побережья Снандинавского полуострова.
27. Главный член предложения.
28. Художник, создающий объемные изображения.

По вертикали:

1. Рабочий-монтажник.
2. Растение семейства пасленовых.
4. Областной центр Сибири.
5. Газ, разновидность кислорода.
7. Бабочка.
8. Русский ученый-энциклопедист, поэт.
9. Центр угольного бассейна в Казахстане.
10. Специалист, занимающийся изучением вод земной поверхности.
12. Круглый хлеб.
13. Город в Башкирии.
14. Вереница судов, следующих в одном направлении.
21. Река в Якутии.
22. Крупное животное, обитающее в тропических лесах.
25. Морская мера движения судна.
26. Быстрота действия, развития.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ В № 2

По горизонтали:

3. «Самовар».
9. Компост.
10. Баритон.
11. Контрабас.
12. «Волга».
14. Скула.
17. Ориноко.
20. Папаха.
21. Беркут.
22. Усилитель.
23. Травление.
25. Вокзал.
27. «Трагик».
29. Книшпер.
30. Кресс.
32. Сазан.
33. Парламент.
36. Альтист.
37. Инкассо.
38. Ташкент.

По вертикали:

1. Лантан.
2. Ваобаб.
4. Обзорение.
5. Гондола.
6. Норка.
7. Брасс.
8. Жонглер.
13. Гладиолус.
15. Кабалетта.
16. Фамусов.
17. Оттенок.
18. Октаэдр.
19. Сувенир.
24. Направник.
26. Зеркало.
28. Анапест.
31. Сплит.
32. Стена.
34. Ритуал.
35. Ехидна.

Приходи, сказка...

Эти керамические светильники декоративны и причудливы. И в то же время они удивительно естественно сочетаются с деревянной утварью крестьянского дома, в окно которого заглядывают ветви яблонь...

В керамической оболочке прячется огонек сказки. И стоит ему разгореться, как в колеблющемся свете — нужно только чуть-чуть пофантазировать — появляются герои народных сказок: веселый пастухонен Андриеш, хитроумный, изобретательный Пакал...

Я не знаю, как Анатолий Силицкий — автор работ, которые мы публикуем, — находит дорогу в сказку. Не знаю, как удается ему из своего «взрослого» сегодня заглянуть в детство. Но он прикасается к глине, и она обретает форму и цвет, послушная отзвуку старинного предания. Художник заставляет и нас, зрителей, ощутить себя в том времени, когда цветы были ближе и прекрасней, а за каждым деревом прятался добрый волшебник. Анатолий Силицкий помогает самым разным людям вспомнить забытое, увидеть и прочувствовать свою особенную и самую дорогую сказку. И доказательство тому — успех работ молодого молдавского керамиста на выставках в Советском Союзе и за рубежом — в Италии, Франции, Канаде.

Елена ЗЯБКИНА

Цена номера 20 коп.
Индекс 70820